

2

СМ
№ 1

МАЙ — ИЮНЬ
1959

Гулистон

Гулистон

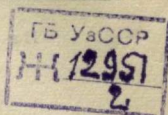
№ 2

МАЙ—ИЮНЬ

1959

Зна.
№ 1

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ

- Третьему съезду писателей СССР. Приветствие ЦК КПСС 3
- Служение народу — высокое призвание советских писателей. (Речь товарища Н. С. Хрущева на III съезде писателей 22 мая 1959 года) 7
- Г. МИРЗОЕВ. Испытание. Стихи. Перевод А. Дербина 25
- К. ЛАГУНОВ. Будни. Роман. (Окончание) 27
- Т. УЛЬДЖАБАЕВ. У американских хлопкоробов. (Путевые заметки). 86

ДЕЛА И ЛЮДИ СЕМИЛЕТКИ

- М. КАНОАТОВ. Ракета жизни. Стихи. Перевод Е. Петровой 101
- М. НАЗАРОВ. Шедрое и яркое искусство. Статья. 102
- А. РЫЖИКОВ и И. КАЗАНЦЕВ. Продолжение подвига. Очерк 108
- П. ТОЛИС. Лето. Повесть. Перевод М. Явля 113

НОВЫЕ СТИХИ

- БОКИ РАХИМ-ЗАДЕ. С тобой, Москва! Стихи. Перевод М. Фофановой 126
- Х. НАЗАРОВ. Любимой девушке. Стихи. Перевод Е. Петровой. 127
- Дм. ДУДКИН. Перед праздником. Рассказ. 128

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
Лауреаты Ленинской премии

И. НЕЧАЕВА. Поэт и народ. <i>Статья</i>	137
М. МУЛЛОДЖАНОВ. Переселенцы. <i>Статья</i>	139
Рассказы Рахим Джалила <i>Статья</i>	140

ХРОНИКА

На обложке: В окрестностях Сталинабада. Фото Н. Софьина

адрес редакции: Сталинабад, Орджоникидзе, 6, телефон 41-66.

Третьему съезду писателей СССР

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза сердечно приветствует делегатов Третьего Всесоюзного съезда писателей СССР и всех деятелей многонациональной советской литературы.

Дорогие товарищи! Съезд советских писателей собрался в замечательное время, когда наша великая социалистическая Родина вступила в новый, важнейший период своего развития, период развернутого строительства коммунистического общества, когда весь советский народ с энтузиазмом борется за претворение в жизнь принятой XXI съездом КПСС величественной программы дальнейшего подъема и расцвета социалистической экономики, культуры и роста благосостояния трудящихся. То, о чем веками мечтали самые передовые и самые смелые умы человечества, становится реальностью в нашей стране.

Историческая программа развернутого строительства коммунизма предусматривает не только невиданный по масштабам прогресс в области экономики, науки, техники, культуры, но и воспитание нового человека, человека коммунистического общества. Коммунизм строят люди и чем выше будет сознательность миллионов масс, тем успешнее будет наше продвижение вперед. В благородном деле коммунистического воспитания трудящихся весьма важная роль принадлежит литературе и искусству. Перед советскими писателями стоит почетная задача активно участвовать в формировании духовного облика человека будущего, строителя новой жизни. Они призваны воодушевлять людей на борьбу за коммунизм, воспитывать их в духе коммунистической идейности, прививать им высокие нравственные качества, нетерпимость к буржуазной идеологии и морали.

Высокое призвание советских писателей—правдиво и ярко раскрывать красоту трудовых подвигов народа, грандиозность и величие борьбы за коммунизм, выступать страстными пропагандистами семилетнего плана, вселять бодрость и энергию в сердца советских людей, искоренять пережитки капитализма в сознании людей, помогать устранению всего того, что еще мешает нашему движению вперед. На этом пути будет расти великое искусство коммунизма—искусство больших мыслей,

горячих чувств и высоких страстей, искусство, способное вдохновлять миллионы и миллионы строителей коммунизма на новые большие дела.

Особенно ответственна роль литературы в воспитании молодого поколения. Молодежи нужны увлекательные книги, воспитывающие ее в духе коммунистической идейности, беззаветной преданности социалистической Родине, стойкости, упорства в достижении цели, раскрывающие романтику труда рабочих, колхозников, интеллигенции, пробуждающие любовь к творчеству и инициативу. Молодой читатель ждет таких книг, которые стали бы надежным другом его юности, наставником и советчиком.

Литература коммунизма должна быть великой литературой не только по богатству идейного содержания, но и по художественному совершенству. Большие идеи требуют высокого мастерства, героические характеры—достойного художественного воплощения. Народу нужна литература, которая воспитывает и учит человека правдой и красотой художественных образов, духовно обогащает его, расширяет его кругозор, раскрывает рост сознательности людей в процессе коммунистического строительства. Нашему обществу в особенности нужна литература, в которой актуальные темы современности получают яркое художественное воплощение.

Совершенствование мастерства, серьезное повышение требовательности к художественному качеству произведений являются в современных условиях одной из самых важных задач. Подлинное мастерство достигается на основе неразрывной связи писателя с жизнью народа.

Полная и окончательная победа социализма в СССР, наша героическая эпоха строительства коммунизма открывают широчайшие перспективы нового небывалого расцвета художественного творчества. Неиссякаемое богатство идей, тем и образов дает писателю жизнь советского народа, который своим повседневным героическим трудом преобразует землю, открывает колоссальные природные богатства, строит новые могучие индустриальные центры, создает изобилие материальных и духовных благ, непрерывно совершенствует технику и дерзновенно штурмует космос!

Жизнь с неотразимой убедительностью показывает незыблемость, плодотворность творческих принципов социалистического реализма, правдиво и исторически конкретно раскрывающего главное содержание нашей эпохи—движение общества к коммунизму.

Центральный Комитет КПСС с удовлетворением отмечает, что в борьбе против буржуазной идеологии и ревизионистских наскоков советские писатели показали идейную зрелость, стойкость и еще раз продемонстрировали сплоченность вокруг Коммунистической партии, преданность советскому народу.

Высоко оценивая роль литературы и искусства в духовной жизни общества, считая писателей своими надежными помощниками, наша партия прямо и откровенно критиковала и поправляла тех, кто проявил колебания, допускал ошибки. Эта принципиальная критика, продиктованная заботой о литературе, о творческой судьбе художника, дала положительные результаты. Коммунистическая партия и впредь будет

проявлять постоянную заботу о развитии советской литературы и искусства. Высокая идейность художника, верность марксизму-ленинизму, связь с жизнью народа, понимание закономерностей и грандиозных перспектив развития советского общества—залог творческих успехов советских писателей. Жизнеутверждающая сила советской литературы в неразрывной связи с политикой Коммунистической партии, выражающей коренные интересы народа.

Все большее значение для литературы приобретают благородные темы интернационализма, братской солидарности трудящихся, роста и укрепления мировой социалистической системы, борьбы народов против империализма, за сохранение и упрочение мира.

Мировая социалистическая система вступила в решающий этап экономического соревнования с капиталистической системой. Перед лицом всего человечества социализм развернул знамя мира и труда, создания условий для исключения мировых войн из жизни общества, программу достижения самого высокого жизненного уровня народных масс. В этой борьбе—долг советских писателей вместе с прогрессивными писателями всех стран еще активнее участвовать своим творчеством на стороне сил нового мира, победа которого исторически неизбежна.

Реакционные и агрессивные силы империализма, переживающего свой закат, стремятся всеми средствами помешать движению человечества вперед, росту сил социализма, пытаются задушить национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах. Они используют для этого военные, политические, экономические и идеологические средства, грозят человечеству новой мировой войной. Глубоко гуманной, отвечающей интересам всех народов, задачей литературы является разоблачение антинародной сущности империализма, его агрессивной политики, фальшивых попыток буржуазных идеологов приукрасить капиталистическую действительность. Священный долг советских литераторов—служить силой своего художественного слова великой борьбе за мир и дружбу между народами, воспитанию нашей молодежи и всего народа в духе горячей любви к социалистической Родине и постоянной готовности защищать исторические завоевания социализма.

Советские писатели призваны и впредь неустанно укреплять дружбу и братское содружество с писателями стран социалистического лагеря, со всеми прогрессивными литераторами, творчество которых служит освобождению трудового человека от социального и национального угнетения, всемерно поддерживать реалистическое искусство, противостоящее безыдейному формалистическому искусству.

Деятельность Союза писателей СССР должна быть направлена на дальнейшее развитие и расцвет литературы, сплочение творческих сил советских писателей, укрепление их идейного единства во имя выполнения высоких и ответственных задач, стоящих перед советской литературой в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране. Важнейшая обязанность Союза советских писателей и каждого художника слова повседневно заботиться о воспитании молодых сил литературы, помогать росту талантливой молодежи.

Никогда еще работники литературы и искусства не имели столь огромной аудитории читателей, слушателей и зрителей. Газеты, радио, телевидение и кино—массовые трибуны, с которых слово писателя слушают одновременно миллионы людей.

Жить и работать для народа, во имя его блага—высшее призвание советского писателя.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза выражает уверенность, что советские писатели создадут новые талантливые произведения, достойно отражающие величие нашей замечательной эпохи, и горячо желает нашим славным литераторам больших творческих успехов.

**Центральный Комитет
Коммунистической партии
Советского Союза**

Служение народу— высокое призвание советских писателей

(Речь товарища Н. С. Хрущева на III съезде писателей 22 мая 1959 года)

Дорогие товарищи! Третий съезд писателей нашей страны собрался в необычайно радостное время великого всенародного подъема, который переживает Советская Родина, вступившая в период развернутого строительства коммунистического общества.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Третьему съезду писателей, которое только что зачитали, высказаны самые искренние пожелания одному из передовых отрядов советской творческой интеллигенции, нашим писателям—инженерам душ человеческих.

Партия, советский народ высоко ценят большой и очень нужный стране труд писателей, композиторов, художников, работников кинематографии и других столь же замечательных отрядов советской творческой интеллигенции. Наши писатели живут жизнью народа, они много сделали и делают, имеют самых доброжелательных и любящих их читателей—советских людей. Но дела советского народа так грандиозны и так прекрасны, что если бы вы, дорогие друзья, сделали во много раз больше, чем сделано, то и этого было бы мало, чтобы показать жизнь советского народа во всем ее великом размахе, созидательном творчестве, многообразии. И это объяснимо—жизнь всегда несравненно богаче, полнокровнее, глубже самого лучшего художественного произведения.

То, что создал наш народ за годы Советской власти, изумляет, потрясает мир. Советская страна после XXI съезда партии находится на таком большом и хорошем подъеме, что сразу трудно найти слова, которые выразили бы все величие переживаемого нами времени. Вы, писатели, умеете находить сильные слова, критикуете себя, если это вам не удастся. Мне вы, наверное, тоже спуску не дадите. (*Оживление в зале. Аплодисменты*). Но признаюсь, что трудно найти такие выразительные слова, которые показывали бы, на каком хорошем подъеме находится теперь Советская Родина.

То, что намечает достигнуть наша страна в ближайшем будущем, поражает своим великим размахом. Наши успехи вселяют радость в сердца друзей, вызывают страх и растерянность в лагере врагов коммунизма. Эти успехи убедительно говорят о торжестве марксистско-ленинских идей, которыми мы руководствуемся, о великом деле, которому мы служим. Думаю, что этот могучий подъем нам, советским людям, голову не вскружит.

Победы, успехи не приходят сами по себе—их надо завоевать в упорном, напряженном труде, в борьбе. У нас есть все для успешного

выполнения семилетнего плана, и наш народ преисполнен уверенности, что он достигнет своей великой цели.

Служение народу—самое высокое призвание писателей. Нет большего счастья для человека, как жить в коллективе, трудиться с коллективом и сознавать, что ты трудишься на благо своего общества, на благо народа.

Разрешите мне прочесть вам стихотворение моего ближайшего друга юности рабочего Пантелея Махниня. Оно написано лет пятьдесят тому назад. Я хочу прочесть это стихотворение совсем не для того, чтобы показать вам образец поэзии. Полагаю, что вы не так плохо обо мне думаете, чтобы я пытался учить вас, как писать стихи. (*Смех в зале. Аплодисменты*). В стихах моего друга выражены думы умного, мыслящего рабочего того времени о цели жизни человека. Очевидно, такими стремлениями и желаниями жили и живут многие люди труда.

Послушайте, товарищи, о чем писал в одном из своих стихотворений, напечатанных в прогрессивном журнале—«Прикубанские степи», рабочий поэт Пантелей Махниня:

«Люблю за книгою правдивой
Огни эмоций зажигать,
Чтоб в жизни нашей суетливой
Гореть, гореть и не сгорать.

Чтоб был порыв, чтоб были силы
Сердца людские зажигать,
Бороться с тьмою до могилы,
Чтоб жизнь напрасно не проспать.

Ведь долг мой, братья, поколенью
Хоть каплю оставить честного труда,
Чтоб там, за черной загробной тенью,
Не грызла б совесть никогда».

(*Продолжительные аплодисменты*).

Мне нравятся эти слова, идущие от сердца.

Не хочу быть судьей этого стихотворения с точки зрения поэзии, да и вы, наверное, не будете слишком строгими судьями. Автор—начинающий поэт, рабочий-шахтер, талант которого раскрылся бы полнее, если бы жизнь его не была трагически оборвана. Во время гражданской войны его убили петлюровцы.

Вот как понимал рабочий поэт смысл своей жизни, в чем видел цель своего труда. Это было в старой России, где человек был бесправным и народ страдал под игом царизма. Но какая прекрасная дорога открыта перед каждым из вас в великом деле творчества для народа теперь!

Советские писатели создали много хороших произведений, которые правдиво рисуют картины жизни, зовут на борьбу. Думаю, что вы согласитесь со мной, что даже сам писатель, написав, по его мнению, хорошо, не всегда бывает доволен своим произведением. Далеко не все произведения литературы и искусства заслуживают высокую оценку читателя. Я читал некоторые произведения, изданные в последнее время, но читал, к сожалению, мало. И не потому, что нет потребности, нет желания читать. Читайте я, наверное, не меньше вас, но читаю сообщения по слов, ноты министров иностранных дел (*оживление в зале. Аплодисменты*), читаю то, что сказал президент США, что сказал премьер-министр той или иной страны. Такой литературы читаю гораздо больше, чем ваши произведения. Конечно, не потому, что эту литературу больше люблю, чем ваши книги (*оживление в зале*), а потому, что в моем положении невозможно ее не читать. (*Аплодисменты*). Если иные ваши произведения я не прочитаю,—вы, надеюсь, не осудите, а там, не прочитаешь какой-либо документ,—и возможен ущерб для нашей стра-

ны. Поэтому и приходится читать многие тома подобной литературы. (*Оживление в зале. Дружные аплодисменты*).

Когда читаешь книги, то одна волнует, доставляет удовольствие, другая книга вызывает чувство гнева и возмущения против того или иного явления, которое отражено в этом произведении. Третью книгу читаешь, а глаза смыкаются. Хочешь прочитать, потому что говорили об этой книге товарищи, читавшие ее, хочешь иметь свое мнение о ней, но читается она с трудом, глаза снова закрываются. Потрешь их, начинаешь опять читать, опять смыкаются глаза. (*Смех в зале*). Чтобы все-таки прочитать книгу, берешь иной раз булавку, делаешь себе уколы и тем подбадриваешься, чтобы прочитать книгу до конца. (*Смех в зале*).

Кто виноват? Автор скажет, что виноват читатель, а читатель говорит—писатель. Кто судья? Судья—народ. Если мне или кому-либо другому книга не нравится—это еще полдела, потому что разные вкусы и характеры у людей. Но когда у большинства читателей складывается мнение о книге—это уже оценка книги.

Когда-то я читал сочинение Рубакина «Среди книг». Вообще я много читал его произведений и уважал этого писателя. Анализируя психологию читателя, Рубакин утверждает, что некоторые даже боятся объема книги. Иная книга, даже очень хорошая по своему содержанию, отпугивает читателя: как только глянет он на книгу, увидит ее большой объем и сразу отказывается от нее. Возможно, некоторые меня тоже отнесут к таким читателям, о которых говорил Рубакин. Как бы там ни было, но пусть извинят меня те писатели, чьи книги я понуждал себя читать. (*Оживление в зале*).

Разное отношение к той или иной книге—явление, видимо, естественное. Ведь если бы все одинаково писали, тогда бы не было и плохих и хороших книг (*Оживление в зале*). Тут есть своего рода закономерность. Лучшие книги создают далеко не все писатели, имеется немалое количество, если можно так назвать, средних книг. А есть и худшие книги, которые пишут не только начинающие писатели. (*Оживление в зале*). Здесь я должен оговориться: если начинающий писатель выпускает плохую, неинтересную книгу—это более или менее понятно. Но во многих случаях далеко не начинающий писатель мучает себя, создавая книгу, а затем мучает такой книгой читателя,—это уже обидно. (*Оживление в зале. Аплодисменты*).

Товарищи! В некоторых литературных кругах за последние годы появилось в ходу словечко «лакировщики». Эту кличку хотят прилепить к тем писателям, которые показывают жизнеутверждающую силу нового, коммунистического. Думаю, что мне нет нужды говорить вам о том, как смело вскрываем мы наши недостатки. Теперь, когда прошло уже несколько лет с тех пор, как мы подвергли суровой и беспощадной критике отрицательные явления прошлого, мало стало таких людей, которые не понимали бы необходимости резкой, беспощадной критики всего того, что было связано с культом личности. Партия, народ решительно осудили нетерпимые явления и недостатки прошлого с тем, чтобы, как говорится, забить осиновый кол во вчерашние неправильные действия и сказать, что к таким явлениям и делам возврата нет и в партии и в стране. (*Бурные аплодисменты*).

Но, когда партия, ее Центральный Комитет начинали проводить работу по восстановлению ленинских принципов, ленинских норм в жизни партии и страны, не все правильно восприняли решения XX съезда партии. Имелись такие люди даже и в Центральном Комитете партии, которые были не согласны с линией нашей партии. Вы знаете об этом; позже несогласие отдельных членов ЦК с генеральной линией партии завершилось созданием антипартийной группы, о которой я не буду говорить. Все вы знаете о той борьбе, которую пришлось провести Комму-

нистической партии за восстановление ленинских принципов во всей жизни партии и страны. Исходные корни, начало начал были в этом—в борьбе нового со старым, в борьбе сил, выступающих за торжество коммунистических принципов, против извращения этих принципов.

И вот в литературной среде появились такие люди, которые хотя бы как-то опорочить писателей, показывающих нашу жизнь с коммунистических позиций, то есть торжество нового, коммунистического. Не буду упоминать здесь фамилий так называемых «лакировщиков», разбирать их творчество. Да это и не нужно, а мне тем более этого делать не следует,—ведь я не литературный критик.

Хороший литературный критик даже для самого видного писателя может сделать очень многое—умная критическая статья—это как бы своего рода березовый веник для человека, который любит ходить париться в баню: он парится и веничком себя похлопывает, а если сам себе не хочет этого делать, то сделает ему другой. А париться с веничком—дело неплохое, потому что открываются поры и тело начинает лучше дышать, жить становится легче. (*Смех в зале. Дружные аплодисменты*).

Прошу, товарищи, правильно меня понять. Я совсем не хочу брать под защиту людей, которые в своих произведениях так изображают явления, что отрываются от живой жизни. Возьмите, например, некоторые книги, в которых жизнь изображалась так приукрашено, что не соответствовала действительности. Подобные произведения вряд ли могут принести пользу. Но я хочу встать на сторону таких писателей, которых почему-то называют «лакировщиками» за то, что они берут в основу своих произведений показ положительных героев. Разве не является хорошим и нужным такое произведение, в котором автор правдиво показывает положительных героев? Такие авторы не все одобряют в своих положительных героях, они видят людей такими, какими они бывают в жизни—в борьбе и труде за утверждение нового. И это является закономерным и правильным. Надо воспитывать людей на хороших примерах, показом положительного в жизни прокладывать пути в будущее.

Сила примера—это великая сила, товарищи!

Конечно, могут спросить: а как же быть с сатирой? Она также у нас никогда не была аполитичной; она является одним из острейших видов оружия. Высмеивая те или иные пороки, пережитки и недостатки, сатира предупреждает людей от болезни, помогает людям изживать недостатки. Так что сатира и впредь должна быть на вооружении нашей партии и народа, разить все, что мешает нашему продвижению к коммунизму.

Поэтому я всецело нахожусь на стороне тех писателей, которые показывают жизнеутверждающую силу нового, его торжество над старым. Писатели, крепко опирающиеся на реальные, конкретные явления и процессы жизни, хотят служить своему народу, стремятся создавать такие произведения, которые находятся на вооружении нашей партии. (*Продолжительные аплодисменты*). Разве это «лакировщики»? Нет, это—борцы за торжество нового, за дело нашей партии, за дело нашего народа, уверенно идущего к коммунизму.

Но если есть «лакировщики», то, очевидно, есть и нелакировщики. Кто же эти нелакировщики? Некоторые из них говорят, что главная задача литературы состоит будто бы в том, чтобы выискивать всевозможные пороки и недостатки, игнорируя при этом великие завоевания советского общества. Так слушайте, дорогие друзья, уж если кто вскрывает и обнажает недостатки и пороки, у кого при этом рука не дрогнет, так это делает партия, это делает ее Центральный Комитет. (*Бурные аплодисменты*).

Обратимся к самой жизни. Разве кто нас за язык тянул делать доклад на XX съезде партии о культе личности и его последствиях, вскрывать допущенные недостатки, связанные с этим явлением? Разве нас в шею кто-то толкал проводить целый ряд пленумов Центрального Комитета партии, где мы беспощадно вскрывали недостатки, со всей силой осуждали их, намечали и утверждали меры по устранению этих недостатков, прокладывали пути к новому? Никто. Не будь мы ленинцами, большевиками, мы могли бы легко покрыть все лаком, изобразить все старое, как новое и свежее, не называть ошибки старого, не показывать причиненного ими вреда. Но нет. Мы говорили о недостатках старого, обнажали ошибки прошлого для того, чтобы привлечь внимание людей к новому. Чтобы не допустить повторения тяжелых ошибок прошлого, нужно было до конца обнажить имевшие место недостатки, чтобы ощущение затхлости вызвало отвращение к тому, что отжило. Партия делала все это для того, чтобы развязать творческие силы народа, открыть дорогу новому, осуществить то, что завещал нам великий Ленин, и вести страну по-ленински вперед, к коммунизму. (*Продолжительные аплодисменты*).

Я уже говорил, что не буду называть фамилий ни лакировщиков, ни нелакировщиков, то есть людей, которые хотят показывать только отрицательное. Но на клыче отрицательного не только из болота нельзя выехать, а и по хорошей дороге далеко не уедешь. (*Оживление в зале*).

Вы меня извините, может быть, я допущу некоторые не совсем обычные сравнения. Но ваш брат, писатель, тоже иной раз не стесняется в выражениях, когда это нужно. (*Оживление в зале. Аплодисменты*). И правильно делает.

Так вот, когда писатель берется изображать человека, все дело в том, как он будет смотреть на человека. Если взять человека или общество, то очень важно, с какой стороны их рассматривать. Можно взять самого лучшего человека, но изобразить его по-разному, исходя из того, какие стороны и качества вы у него будете выпячивать. К примеру, писатель берется изображать человека, который обладает всеми достоинствами и в личной и в общественной жизни, но заходит к нему не с парадного подъезда, а с заднего двора, с черного хода, и оттуда начинает изображать его жизнь, то из этого, конечно, ничего хорошего не выйдет. Разве можно при таком подходе написать о человеке хорошо? Нет. У такого писателя будет уж очень своеобразная точка зрения на человека, или, вернее, как выражался Горький, «кочка зрения». (*Оживление в зале. Дружные аплодисменты*).

Так и в изображении жизни советского общества, которое состоит из миллионов людей. В нем вы найдете и кристально чистых людей, но есть и выродки—отъявленные убийцы, шарлатаны. К сожалению, такие люди в нашем обществе еще есть, потому что мы живем в период перехода от социализма к коммунизму и страдаем многими недостатками, которые остались нам в наследие от проклятого прошлого.

Ведь человек не рождается сразу коммунистическим человеком. Такого человека никто еще не знает, и вы его не видели. Его нельзя выдумать—он будет создаваться в процессе построения коммунистического общества, в процессе завершения перехода от социализма к коммунизму. Но что такое «завершение»? Тут нет границы, проложенной плугом, чтобы можно было сказать, что вот здесь кончается социализм и начинается коммунизм. Нет, так сказать нельзя. Процесс перехода от социализма к коммунизму—это длительный и очень сложный процесс.

Некоторые писатели поняли борьбу с недостатками так, что им нужно вести атаки против так называемых лакировщиков и тем будто

бы помочь партии, которая вскрыла недостатки. Но каких героев они подняли на щит, как представляют они себе наше общество?

Мне приходилось уже говорить о Дудинцеве и его нашумевшем романе «Не хлебом единым», о котором некоторые наши недоброжелатели за границей говорили, что это чуть ли не лучшее произведение, что дала русская литература. Но прошло три года. Кто теперь читает это произведение, кому оно нужно? А ведь именно там был собран такой пахучий букет. Конечно, не все там было плохо сказано. Я читал эту книгу и, надо сказать, без булавки читал. (*Оживление в зале*). Есть там некоторые страницы, заслуживающие внимания.

Анастас Иванович Микоян, который раньше меня прочитал это произведение, говорил мне—прочитай, у него есть такие рассуждения, которые он словно у тебя подслушал!

Да, Дудинцев ловко подметил некоторые отрицательные явления, но изобразил в преувеличенном, нарочито обобщенном виде. Я уже говорил о том и теперь считаю, что Дудинцев никогда не был нашим врагом и не был противником советского строя. (*Аплодисменты*).

Правда, я никогда не видел этого человека, хотел побеседовать с ним, но все было некогда. Только соберешься принять его, а тут надо встречаться то с послом, то с какой-либо делегацией. (*Оживление в зале*). Вот так и не пришлось побеседовать с ним.

В чем же недостаток такой литературы? Я говорю не только о Дудинцеве, но и о других писателях, которые подошли к отображению жизни нашего социалистического общества со своей «кочки зрения». Они, видимо, тоже хотели помочь партии, своему народу в преодолении отрицательных явлений, но когда они нарисовали искаженную, утрированную картину, то эта картина сразу привлекла к себе внимание наших врагов, а не друзей. Поднялось такое злование, что нормальный организм не мог его вынести без нашатырного спирта. Писатели, утверждающие правду нового общества, все люди, убежденные в неправомерности такого извращенного, фальшивого описания, которое претендовало на изображение жизни, возмутились, справедливо поднялись против этого. Началась борьба.

Так за кого же мы в этой борьбе? Конечно, за тех писателей и за то направление, которые берут в основу положительные явления, на этом положительном показывают пафос труда, зажигают сердца людей, зовут их вперед, указывают им пути в новый мир. Они как бы обобщают в образах положительных героев лучшие черты и качества людей, противопоставляют их отрицательным образам, показывают борьбу нового со старым и неизбежную победу нового. Показывая положительное, они, вместе с тем, осуждают то, что надо отбросить. Думаю, что такой подход к изображению явлений жизни будет правильным. Во всяком случае я этого придерживаюсь и так эти вопросы принимаю. Вот как отношусь я к так называемым лакировщикам. Хотя я и не писатель, но в какой-то степени отношу себя к этой группе. (*Веселое оживление. Дружные аплодисменты*).

Мне хотелось бы, товарищи, высказать еще несколько замечаний, которые относятся к характеристике недалекого прошлого. Сейчас еще в вашей среде дают знать остатки той борьбы, которая не так давно имела довольно острый характер. Это была принципиальная идейная борьба против ревизионистов, которые пытались делать наскоки на линию партии. Против таких наскоков поднялась вся писательская общественность. Подавляющее большинство писателей решительно выступило против носителей ревизионистских взглядов. Можно без преувеличения сказать, что эта идейная драка охватила в той или иной мере всех писателей, правда, различные люди вели эту борьбу с различной степенью активности и разными приемами.

Некоторые из литераторов рьяно ринулись на дот «противника», и, выражаясь языком фронтовых терминов, их можно было бы назвать автоматчиками. Они действовали активно и смело, не страшась трудностей борьбы, идя им навстречу. Это хорошие качества. Люди, выступавшие активно в такой борьбе, сделали большое и важное дело. Теперь эта борьба осталась позади. Носители ревизионистских взглядов и настроений потерпели полный идейный разгром. Борьба закончилась, и уже летают, как говорится, «ангелы примирения». В настоящее время идет, если можно так выразиться, процесс зарубовывания ран. И те из литераторов, которые тогда со своей «кочки зрения» хотели рассматривать наше советское общество, теперь стремятся поскорее забыть о том, что они допускали серьезные ошибки.

Надо, по моему мнению, облегчить этим товарищам переход от ошибочных взглядов на правильные, принципиальные позиции. Не следует поминать их злым словом, подчеркивать их былые ошибки, не надо постоянно указывать на них пальцем. Только польза будет для общего нашего дела. (*Аплодисменты*). Напоминать об этом не надо, но и забывать тоже не следует. (*Аплодисменты*). Как говорится, следует на всякий случай «узелок завязать», чтобы при необходимости посмотреть и вспомнить, сколько там узелков и к кому эти узелки относятся. (*Оживление в зале*).

Среди литераторов находятся еще отдельные люди, которые хотели бы напасть на «автоматчиков», выступавших в разгар идейной борьбы против ревизионистов наиболее активно, отстаивая правильные, партийные позиции. Кое-кто, видимо, хотел бы представить дело так, что во всем виноваты именно эти товарищи. Но это, конечно, в корне неправильно.

Принципиальные позиции надо отстаивать, надо вести решительную идейную борьбу с теми, кто делает наскоки на партийную линию. Конечно, в пылу борьбы нередко бывает так, что достается каждому, кто в нее вступает.

Вам, наверное, в жизни не раз приходилось наблюдать схватки мальчишек, участвовать в них. А я видел на руднике драки и взрослых. Бывали случаи, когда курские и орловские дрались между собою. Чтобы посмотреть эти драки, некоторые люди выходили заранее, становились в сторонке и смотрели, как разгорался пыл борьбы. Конечно, это было в старое, дореволюционное время. То была, так сказать, дань дикости и невежеству. Но так было.

Извините за такое упрощение, но в какой-то мере и в идейной борьбе бывает нечто подобное. Ведь когда развертывается схватка, то и у одной и у другой стороны имеются сочувствующие, желающие как-то участвовать в борьбе. В чем это участие порою выражается? Сочувствующие часто хотят разнимать. Они берут и тянут одного из вступающих в схватку в одну, а другого — в другую стороны. А борющиеся хотят высвободиться, и, может быть, локтем или еще чем наносят удар разнимающим. Когда схватка кончилась, тот, кто пытался разнимать, жалуется, что его кто-то обидел. Его спрашивают: а ты участвовал в этой схватке? Он отвечает: нет, не участвовал, я разнимал. Но ведь ты тянул одного, держал его, за руки хватал, а в это время на него нападали, вот он, защищаясь, и дал тебе наотмашь.

Примерно то же самое происходит и в идейной борьбе, в политической схватке. Без идейной борьбы с противниками нельзя обойтись, пока в мире существует капитализм. Мы всегда, как говорится, благословляли тех бойцов, которые идут на это святое дело, и сами участвовали и будем участвовать в таких «боях». Такие «бои» неизбежны, потому что идет борьба идейная, политическая. В этой борьбе нейтральных не может быть, а если ты хочешь быть нейтральным — отойди

дальше, когда активные дерутся, а то попадет тебе и от тех и от других. (Аплодисменты).

После того, как кончилась борьба, некоторые из тех, кто начинал «драку», кто начинал борьбу против генеральной линии партии, хотят побыстрее забыть о том, кто действительно является зачинщиком, пытаются сложить ручки и держать голову так, как обычно изображают святых на иконах. И, находясь в такой смиренной позе, они заявляют, что будто бы их совсем напрасно обидели. Но на подобные жалобы можно ответить вопросом: «А за что вас били?» И следует добавить: «Правильно вас били. Мало значит вас били, если вы так себя ведете». (Аплодисменты).

Вы можете спросить, к чему я призываю, к разжиганию страстей в борьбе или к примирению? Отвечаю вам—к сплочению сил на принципиальной основе. Думаю, что это сплочение уже наступило, оно все более укрепляется.

Алексей Максимович Горький хорошо сказал: «Если враг не сдается, его уничтожают». Это глубоко правильно. Это—классовая точка зрения, мы ее поддерживали и поддерживаем при оценке политической, классовой борьбы. Когда речь идет об интересах рабочего класса, трудового народа, об их борьбе против эксплуататоров, к примирению призывать нельзя. В таком случае призыв к примирению является не чем иным, как капитуляцией. Это не наша линия, это не коммунистическая, не большевистская линия.

Но есть правильная поговорка—лежачего не бьют. И если в идейной борьбе противник сдается, признает себя побежденным и выражает готовность встать на правильные позиции, не отмахивайтесь от него, поймайте его, подайте руку, чтобы он мог в ряд встать, вместе работать. (Продолжительные аплодисменты).

Хотел бы сказать, что в нашем социалистическом обществе, где нет враждебных классов и групп, где вся жизнь строится на принципах товарищества и дружбы, надо более чутко подходить к тем людям, которые имели несчастье «дать себя черту запутать».

Мы верим в то, что нет людей неисправимых. Вы знаете благородство Феликса Дзержинского, его метод воспитания даже преступников уголовных, а не только политических своих противников. Вы знаете, какие плоды дал этот метод воспитания.

В наших условиях надо подходить к людям чутко, верить в человека, видеть свою конечную цель—борьбу за коммунизм. Надо воспитывать и перевоспитывать людей. Путем принципиальной критики, идейной борьбы надо стремиться к сплочению коммунистических сил и сил, которые идут за нашей партией в борьбе за построение коммунизма. Это — главное. (Аплодисменты).

Мне хотелось бы, товарищи, рассказать вам об одном интересном, на мой взгляд, факте. Совсем недавно, во время пребывания в Сочи, я получил письмо от одного гражданина. Фамилии автора письма я не назову, потому что это не нужно. Пройдет какое-то время, когда этот человек станет твердо на ноги, тогда возможно и будет смысл назвать его фамилию. Зачитаю вам письмо, полученное мною от человека, который был осужден за воровство. Вот это письмо:

«Председателю Совета Министров Союза ССР
товарищу Хрущеву Н. С.

Я с 12 лет занимаюсь кражами, за что был осужден четыре раза, последний раз судился в 1954 году на срок 6 лет. Наказание отбыл. По освобождении вернулся к семье и устроился на работу плотником. Зарабатывал 500—600 рублей в месяц. Платя за квартиру 200 рублей в месяц, я не смог обеспечить семью, и, задолжав за квартиру 400 рублей и 600 рублей в контору, 25 марта с. г. бросил семью в составе: дочери 4-

лет, матери, жены (жена находится в роддоме с новорожденным) и уехал с мыслью о легкой жизни. Но начать свою старую преступную жизнь я не могу и не могу вернуться к семье, так как бросил ее без денег и в долгах. За эти пять дней, как я уехал, я не совершил ни одного преступления.

Я не боюсь ответственности и прошу Вас ответить советом, как мне быть. Я буду ждать ежедневно в течение этого времени, как только у меня хватит силы воли, буду ждать беседы с Вами. Если сочтете нужным меня арестовать, я и с этим согласен.

К сему—подпись.»

Это было в Сочи. Я пригласил автора письма для беседы. Мы познакомились с ним. Услышав его фамилию, я сказал, что раньше знал одного генерала с такой фамилией.

Автором письма оказался молодой человек, лет тридцати. В беседе он показал себя разумным и приятным человеком. Он рассказал о себе, о своей жизни, о потере отца, о среде, которая отрицательно повлияла на него. Он говорил:

— Поймите мое положение, я мог бы работать грузчиком, видите—я сильный человек. Но меня не пускают на эту работу, смотрят, как на вора. Грузчики зарабатывают прилично, и я бы мог хорошо заработать. Но мне не доверяют. До последнего времени я работал в бригаде. Другие в бригаде больше зарабатывают, чем я. На меня смотрят, как на вора, поэтому мне дают малоквалифицированную работу. Что мне теперь делать, как быть с семьей? Квартиры мне не дают, я живу на частной квартире. Если бы я жил на государственной квартире, я бы платил меньше. Помогите мне. Я Вам обещаю, что буду честным человеком, докажу Вам это.

Выслушав этого человека, побеседовав с ним, я поверил в него, он показался мне хорошим человеком. Может быть, я проявил либеральный подход к этому человеку, но мне было приятно поговорить с ним. Я поверил ему, и хочется думать, что он меня не обманет. (*Продолжительные аплодисменты*).

— Что Вы хотите от меня, чем могу Вам помочь?—спросил я у него.

— Помогите мне, чтобы я мог семью прокормить,—сказал он. — Это прежде всего. Я хочу вернуться к жене, к детям и матери.

— Хорошо, постараюсь помочь Вам,—ответил я ему.—Позвоню секретарю горкома партии, попрошу его, чтобы обратили внимание на Вас, устроили на работу, помогли бы приобрести квалификацию, чтобы Вы могли больше зарабатывать. Но постарайтесь работать честно. Потом я попрошу, чтобы Вам дали кредит. Подумайте, бывшему вору кредит дать! (*Смех. Аплодисменты*). Это возможно только в наших советских условиях. (*Аплодисменты*).

Вам дадут кредит, чтобы Вы построили себе домик, или же попрошу, если есть возможность, чтобы Вам дали квартиру, и тогда Вы будете платить меньше. (Известно, что у нас квартирная плата самая низкая в мире; я бы сказал, это символическая плата, потому что этих средств, наверно, не хватает на содержание дворника в этом доме).

Мой собеседник сказал:

— Это было бы очень хорошо. Я Вас буду благодарить.

Убедившись в ходе беседы, что ему верят, что с ним по-человечески разговаривают, автор письма обратился ко мне с такой просьбой:

— Товарищ Хрущев, знаете, что мне бы очень хотелось с Вами на память сфотографироваться. (*Смех. Аплодисменты*).

Я ответил ему:

— Это возможно, садитесь поближе, чтобы фотографу было лучше.

Мы сели, нас сфотографировали. Я пообещал ему прислать фото-графию. Этот снимок ему послали. (*Аплодисменты*).

В заключение беседы выяснилось, что у собеседника нет ни копейки денег.

Тогда я сказал ему:

— Я помогу, чтобы Вы не только смогли доехать до дому, но и привезти подарки жене и детям.

Он вернулся домой, ему помогли устроиться на работу. Я попросил узнать, как он работает, как ведет себя. Мне сообщили, что он работает грузчиком и неплохо зарабатывает. Просил передать, что живет хорошо. Благодарил за помощь. (*Продолжительные аплодисменты*).

Вот вам, товарищи, один из фактов нашей жизни. Автор письма—это живой, конкретный человек.

К этому письму и к его автору можно было подойти по-разному. Ведь писал письмо человек, которого четыре раза судили за кражи. Его устроили на работу, а он бросил ее, убежал опять воровать, а теперь еще хочет со мной встречаться,—берите его, тяните к ответу. Это один подход.

Что такой подход дал бы этому человеку? Он привел бы к тому, что сбившийся с правильного пути человек повысил бы в тюрьме свою квалификацию вора, а нам нужен человек для нашего дела. Для того, чтобы поставить этого человека на правильный путь, нужен другой подход, нужно поверить в человека, в его лучшие качества. Может ли этот человек быть активным участником коммунистического строительства? Может, товарищи! (*Бурные аплодисменты*).

Мне трудно соревноваться в описании таких случаев с всеми уважаемым и всем известным автором «Педагогической поэмы» Антоном Семеновичем Макаренко. Он показал благородство человека, великую силу веры в человека. И все мы хорошо знаем, как сторицей была оплачена эта вера в человека теми, к кому было проявлено внимание и доверие,—бывшими уголовниками и убийцами. (*Аплодисменты*).

Некоторые могут искать грубую аналогию в моем сравнении. Но думаю, что вы правильно меня поймете. Этот факт с письмом не относится к тому, что говорилось перед этим. Я привел этот факт для того, чтобы показать, что вопросы воспитания и перевоспитания людей—это важнейшие вопросы. В нашей стране, к сожалению, есть еще и преступники и убийцы.

Иностранец, посетивший Советский Союз и узнавший о подобных фактах, может сказать—у них строят коммунизм, а я сам видел, что у них есть убийцы. Но ведь мы вовсе и не собираемся утверждать, что мы покончили со всеми пережитками прошлого, сумели перевоспитать всех людей. Однако каждый, кто поближе познакомится с жизнью советского общества, узнает, что вовсе не наличие преступников является характерным для нашего общества, что для него характерен быстрый рост сознательности людей. Некоторые люди могут спросить: а будут ли преступники в коммунистическом обществе? Я лично, например, как коммунист, не могу дать гарантии, что их не будет. (*Смех*). Преступление—это отклонение от общепринятых норм поведения в обществе, нередко вызываемое расстройством психики человека. Могут быть заболевания, психические расстройства в коммунистическом обществе среди отдельных людей? Видимо, могут быть. Если это будет, то могут быть и проступки, которые свойственны людям с ненормальной психикой. Так не по этим же психопатам будут судить о коммунистическом обществе. (*Смех. Аплодисменты*). Тем, кто на подобном «основании» стал бы призывать к борьбе с коммунизмом, можно сказать, что и сейчас есть люди, которые борются с коммунизмом, с его благородными идеями, но

у таких людей, видимо, явно не в норме психическое состояние. (*Смех. Бурные аплодисменты*).

Дорогие товарищи! Здесь выступали многие писатели. К сожалению, мы не имели возможности слышать все ваши выступления, но некоторые из них мы слушали и читали. Кое в чем будем считать себя должниками и постараемся прочесть ваши речи, ознакомиться с вашими замечаниями и предложениями.

Думаю, что вряд ли мне в моем выступлении нужно заниматься разбором ваших произведений. Как вы знаете, я не литературный критик, поэтому и не чувствую себя обязанным разбирать ваши литературные труды.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что вы и сами не очень охотно друг друга критикуете. Не думаю, что вы хотите, чтобы это неприятное занятие было возложено на мои плечи. Сами пишете, вам самим, прежде всего, следует и критиковать написанное. (*Смех. Аплодисменты*). Вы хорошо знаете, что, разбирая произведения, надо одного хвалить, другого критиковать, а третьего посередине поставить. Ведь нельзя представить себе дело так, что вот пришел человек с двумя мешками, в одном из которых сладкие конфеты, а в другом—горькие пилюли, и начал бы раздавать—одному конфетку, другому—две, а третьему—горькую пилюлю. Будет более правильно, если вы сами будете и конфеты делить и пилюли принимать, определяя, когда это нужно и кому что следует. (*Оживление в зале*).

Вместе с тем следует сказать, что литературная критика, повседневный глубокий разбор литературных произведений—это важнейшее условие для успешного развития нашей литературы. Вот почему вы не имеете права отходить от критики своих собратьев и от разбора их произведений. Что значит литературная критика? Это—оттачивание писательского оружия, глубокий разбор произведения. Это—совершенствование мастерства литераторов. Мне нет нужды подробно говорить об этом, вы сами хорошо знаете все значение таких вопросов. Мы хотим, и народ ждет новых литературных произведений, хороших, зовущих на борьбу, зовущих к победе коммунизма.

Вы, видимо, знаете, что я человек беспокойного характера, не люблю жвачки. Каждый на своем посту должен быть активен, в литературе должна быть большая страстность. Активная деятельность, борьба за высокие идеалы, за строительство новой жизни—все это импонирует человеку. Если бы человек был пассивным, мы бы не могли продвигаться вперед. Только борьба миллионов и миллионов людей за строительство новой жизни, борьба активная, вдохновенная и страстная позволяет нам быстро двигаться вперед и побеждать. Люди пассивные, равнодушные, флегматичные едва ли напишут произведения, которые дышали бы страстностью и звали на подвиги героические. Или это возможно? (*Оживление в зале*). Конкретных примеров по этому вопросу у меня нет, но думаю, что вряд ли это возможно.

Товарищи! Мы гордимся замечательными писателями старшего поколения, гордимся молодежью, которая вступает в строй. Надо внимательно, заботливо относиться к творчеству молодежи. Я хотел бы высказать некоторые свои замечания о работе с начинающими писателями. Без притока молодых творческих сил не будет расти литература в целом. Молодежь—это наша смена. Каждый начинает с чего-то небольшого, а потом он развернется, создаст большие, хорошие произведения, и его талант признают. Талант рождается не сразу, он постепенно совершенствуется.

В воспитании творческой молодежи у нас есть существенный недостаток. Состоит этот недостаток, по моему мнению, в том, что у нас

нередко создают тепличные условия для начинающих писателей. (*Аплодисменты*).

Вспомните, какие суровые условия были в царской России для человека вообще, а тем более для писателя, для мыслящего человека, который не мог мириться с пороками старого общества. Он сам возмущался и, выражая свое возмущение в произведениях, заставлял миллионы людей возмущаться, подниматься на борьбу за лучшую жизнь. Известно, как трудно было в то время творческой интеллигенции пробывать себе дорогу.

В результате Октябрьской революции условия коренным образом изменились. В нашем социалистическом обществе открыт простор для всестороннего раскрытия и выявления всех творческих возможностей и дарований человека. Мы хотим, чтобы творчество молодежи еще больше развивалось. В нашей советской среде рождается много талантов. Нужно всемерно помогать росту одаренных людей. Но не следует искусственно отрывать их от земли, от среды, в которой они живут.

Меня признают поборником кукурузы. Хочу привести пример выращивания кукурузы в нормальных и тепличных условиях и провести некоторую аналогию с воспитанием молодых литераторов. (*Оживление в зале. Аплодисменты*).

Любителей кукурузы много: ее любят грузины, армяне, украинцы и русские из южных областей. Особенно вкусна кукуруза в молочно-восковой спелости. Кто не кушал ее, тот не знает, какая это вкусная пища. Так вот люди, которые не имели опыта выращивания кукурузы, но горели желанием вырастить ее пораньше, начинали выращивать ее рассадой в теплицах. Помню, один агроном, зная, что я страстно агитирую за кукурузу, видимо, решил мне сделать приятное: он вырастил рассадку кукурузы в теплице и потом высадил ее в поле. Когда я приехал на это поле, то увидел следующую картину: кукуруза, которая была посеяна, еще не взошла, а кукуруза, высаженная из теплицы, была ростом в 20—30 сантиметров. Посмотрел я на эти посевы и сказал агроному:

— Знаете, что вы глупость сделали?

— Как? Почему?—спрашивает он.

Я ему ответил:

— Кукуруза, посеянная в грунт, хотя еще и не взошла, но она поднимется, разовьется и даст хороший урожай, а кукуруза, высаженная из теплиц, зачахнет, не даст хорошего урожая, так как она выращивалась в тепличных условиях. Посмотрите на растения высаженной кукурузы. Они хилые, желтые, нет той зелени, вроде как загара у человека, который находился под зонтиком. Конечно, это растение не может выдержать всех испытаний, которые оно встретит в своем развитии.

В какой-то степени и некоторые наши начинающие писатели напоминают мне кукурузу, которую, прежде чем высадить в грунт, проращивают в теплице. Бывает так: напишет человек первый рассказ или стихотворение, и сразу же начинают шуметь, что появилась новая звезда, новый талант. (*Оживление в зале. Продолжительные аплодисменты*). Этот товарищ, который написал первое произведение, писателем или поэтом себя не называл, он только попробовал свои силы, а о нем уже всюду трубят, что это образец, алмаз, которого ожидало человечество, его тянут в Союз писателей. Если такой начинающий живет в провинции, то говорят, что нужно ему дать квартиру в Москве или в столице республики. Мол, это новая звезда, разве может она находиться в провинции.

Разве это правильно? Ведь Михаил Александрович Шолохов живет в своей столице—станции Вешенской, а ну-ка, столичники, потягайтесь с ним на литературном поприще. (*Аплодисменты*).

Вопрос заключается не в том, кто где живет, а в том, кто что может, на что способен тот или иной человек. (*Аплодисменты*).

Думаю, что создание тепличных условий может отрицательно сказываться на воспитании творческой молодежи. В самом деле, что иногда получается с человеком, которого подняли на щит и взяли из той среды, где он раньше работал. Его признали писателем, вручили билет члена Союза писателей, дали квартиру в столице. До этого он работал на производстве трактористом, комбайнером, токарем, слесарем, конструктором, инженером, агрономом. Ведь он не родился писателем, а где-то рос, трудился. А потом оказывается, что после первого удачного произведения этот человек не в состоянии написать нового, лучшего произведения. Что же ему делать? Вот он и рассуждает: сесть за штурвал комбайна—негоже для писателя; пойти на завод—тоже негоже. Куда же он идет? Идет в Союз писателей, чтобы получить деньги из литературного фонда. (*Оживление в зале. Аплодисменты*). Его там подкармливают. Он считает, раз признали, что он талант, вручили членский билет, как свидетельство его способностей,—так давайте. И если даете, то давайте больше. (*Оживление в зале*).

Может быть, я несколько преувеличиваю, никто не собирается делать трагедию из этого. Хочу только показать, что это является отпадом? Не лучше ли вместе с ними жить. Разве это плохо? (*Аплодисменты*).

Нужно помогать молодым товарищам развивать свое дарование, поддерживать молодежь, как поддерживали ее многие старые писатели, как поддерживал Горький. Я читал письма Михаила Михайловича Коцюбинского, читал его переписку с Горьким, который оказал огромное влияние на творчество Коцюбинского, как и на многих других писателей, мастеров искусства. Пусть меня поправят украинские писатели—Николай Платонович Бажан, Александр Евдокимович Корнейчук и Максим Фаддеевич Рыльский, если я допущу неточность,—Коцюбинский долгие годы работал в комиссии по борьбе с сельскохозяйственными вредителями, статистиком в земской управе и занимался литературным трудом. Как вы знаете, писал он хорошо.

Почему бы писателю для того, чтобы написать о рабочем, не поехать туда, где рабочие живут и трудятся, изучить, как они работают? Не лучше ли вместе с ними жить. Разве это плохо? (*Аплодисменты*). Тогда и время на поездки тратить не надо. (*Аплодисменты*).

Товарищи, я не думаю, конечно, вносить предложение, чтобы столичных писателей расселить по Советскому Союзу на шахтах, заводах и в колхозах. Нет, это было бы неразумно. Хочу только сказать, что писателям нужно глубже вторгаться в жизнь, изучать ее, воплощать в художественных образах все новое в жизни Советской страны, глубже показывать человека—создателя всех материальных и духовных ценностей нашего общества.

Разве полезно тех людей, которые выросли и живут в определенной среде—в колхозе, на заводе, в учреждении, питаются соками этой среды, вырывать отсюда и пересаживать их в искусственно созданные тепличные условия. Если это сделать, то человек может потерять почву под ногами, не будет получать живительных соков, и он почувствует себя, как растение, вырванное из земли. Например, когда вы пересаживаете плодородное дерево и вырываете из земли основные корни, то нужно 2—3 года, пока вырастут новые разветвленные корни и дерево снова зацветет. Так бывает и с человеком, когда его выхватывают из привычной среды. Он может со временем укорениться, стать на ноги, но может и засохнуть.

Я позволю себе привести один давний разговор с украинскими писателями. Когда я приехал работать на Украину, это было еще до войны, ко мне пришли писатели, хорошие товарищи, не буду называть их фамилии. Мы побеседовали по некоторым вопросам, а потом они говорят:

— Товарищ Хрущев, у нас есть просьба к Вам.

— Какая?

— У нас появилась замечательная народная поэтесса, крестьянка.

— Это хорошо,—говорю,—теперь много появляется талантливых людей. В чем она нуждается?

— Она в деревне живет,—говорят мои собеседники.

— А что вы хотите?

— Надо ей квартиру дать в Киеве.

Я тогда сказал товарищам следующее: эта женщина сочиняет стихи о колхозной жизни, хотя она и малограмотная, но видимо, способная. Она сочиняет о людях и событиях, которые она видит, в которых она участвует. Но возьмите ее из колхоза, поселите на Крещатике, о чем она может писать? Она быстро зачахнет, ничего не сможет сочинить, а если захочет писать, она вынуждена будет поехать в колхоз.

Мои друзья-писатели меня выслушали, а потом все-таки приняли эту колхозницу в Союз писателей. Но из нее толку не вышло, потому что человек она малокультурный, незрелый. Она умела только рифмовать, но ведь одна рифма—это еще не поэзия. (*Аплодисменты*).

Думаю, товарищи, вы правильно поймете и согласитесь с тем, что надо поддерживать начинающую молодежь независимо от возраста, но не надо искусственно ставить ее в тепличные условия. Никогда человек не научится плавать, если его все время чем-то поддерживать в воде. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду, пробовать свои силы, тренироваться. Если обучающийся начнет тонуть, помогите ему, но потом научите его, чтобы он сам плавал. Дайте возможность начинающему писателю развивать свой талант собственными силами. (*Аплодисменты*).

Товарищи! Можно ли говорить «о праве писателя на ошибки», «о праве писателя на неудачу»? Думаю, что само положение и роль писателя в обществе лишают писателя такого права. Хорошо сказал Леонид Сергеевич Соболев на Первом съезде писателей в 1934 году: партия и правительство дали советскому писателю решительно все и отняли у него только одно—право плохо писать.

На мой взгляд, шарод отнял у писателя не только право плохо писать, но прежде всего писать неверно. Произведения могут быть написаны, так сказать, на невысоком уровне. Ну, и что ж, читатель даст свою оценку плохому произведению. Другое дело, если произведение написано неверно, то есть в произведении взяты неправильные исходные позиции. Этого никак нельзя допускать, потому что это литературный брак.

Могут сказать, что нет производства без брака. Это верно, но бывает разный брак, разные ошибки. Согласитесь, что одно дело брак какой-либо детали, допущенный по вине слесаря или токаря, и совсем другое дело литературный брак. В первом случае дело ограничится тем, что бракованную деталь выбросят, закажут сделать новую и пропадет только время, затраченное на изготовление детали, и материал. Во втором случае бракованная литературная продукция получает жизнь (ведь книга с ошибками вышла в свет!), она будет прокладывать себе дорогу к читателям и даже к тем, кто еще не научился твердо держаться на ногах и хорошо разбираться в достоинствах и недостатках художественного произведения. Читатель видит,

что книгу написал писатель, и подходит к ней с доверием. Вы знаете, какое уважение воспитала партия в нашем народе к писателям, к художественному произведению, к печатному слову. Вот почему литературное произведение, даже если в нем имеются серьёзные идейные ошибки, может быть принято известной частью читателей как настоящее произведение, к которому нужно относиться с доверием и учиться жизни и борьбе. Посудите сами, какой вред может принести советским людям, коммунистическому строительству такая бракованная литература.

Вы скажете, а где гарантия от ошибок? Да, гарантии давать трудно, потому что писатель, если он подлинно советский писатель, допускает ошибки незнательно, непреднамеренно, а в силу целого ряда причин—недостаточного знания жизни, неверно взятых исходных позиций и т. д. Чтобы не допускать этого, надо помнить, что писатели живут в обществе, отображают жизнь общества, их творчество должна направлять общественная критика, они должны прислушиваться к ней, считаться с ней, устранять товарищеские дискуссии и обсуждения, выносить на суд общественности свои произведения.

Вы опять можете сказать: критикуйте нас, контролируйте и, если произведение ошибочное, не печатайте его. Но вы знаете, нелегко сразу разобраться в том, что печатать и что не печатать. Самый легкий путь—ничего не печатать, тогда не будет никаких ошибок, а человек, запретивший печатать то или иное произведение, будет выглядеть умным человеком. Но это было бы глупостью. (*Оживление в зале. Аплодисменты*).

Поэтому, товарищи, не взваливайте на плечи правительства решение таких вопросов, решайте их сами по-товарищески. По-нашему, это будет критика и критика настоящая. Если это подлинная литературная критика, то для нее сваты и братья не указ, она должна заботиться о главном—об идейном и художественном достоинствах литературного произведения. Так должны мы поставить дело.

Думая, что Александр Трифонович Твардовский прав, заявив в своем выступлении на съезде, что в литературном творчестве важно прежде всего качество. Верно, что в духовной деятельности предпочтительнее «лучше», чем «больше». Дайте одну книгу, но хорошую. Немного книг написал Николай Островский, но его «Как закалялась сталь»—настоящая книга. Писатель умер, но книга его, видимо, будет жить в веках. Не буду называть других авторов и другие произведения—их много у нас. Надо стремиться к созданию хороших книг, чтобы они долго жили и доставляли радость людям.

С детства запали мне в душу строки Николая Алексеевича Некрасова из его поэмы «Дедушка». Хорошо помню их слово в слово.

Вот эти слова:

«Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослал
В страшную глушь, за раскол,
Волю и землю им дали;
Год незаметно прошел—
Едут туда комиссары,
Глядь—уж деревня стоит,
Риги, сарай, амбары!
В кузнице молот стучит...
Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад—
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!»

(*Аплодисменты*).

Смотрите, как хорошо сказал Некрасов о человеке, на что способен этот человек, если ему дают волю и землю! (*Бурные аплодисменты*). Но масштабы были тогда не наши. Что сказал бы Некрасов сей-

час, живи он в наше время, если бы узнал, что за три-четыре года советские люди подняли целинных земель 36 миллионов гектаров! (*Аплодисменты*). Если то было чудо, то о делах советских людей мало сказать сверхчудо.

Вот в какую эпоху мы живем, товарищи! Но мы преклоняемся перед гением Некрасова, сумевшего в таких, по нашим масштабам скромных проявлениях, увидеть и оценить, что «воля и труд человека дивное диво творят». В наше время проявляются великие творческие силы народа, преобразившего свою Родину в могучую социалистическую державу. Наш противник сейчас уже понимает и видит это.

Расскажу вам о таком факте. Недавно на одном приеме я беседовал с дипломатическими представителями некоторых стран. Самый животрепещущий сейчас вопрос—это вопрос о совещании министров иностранных дел. Посол Западной Германии спросил меня:

— Как решится вопрос в Женеве?

— Это Вы уж мне скажите. Вы посол своего правительства, скажите, что оно думает. Но что бы Вы ни думали, я могу сказать одно, надо подписывать мирный договор с двумя Германиями.

— Это невозможно.

— Нет, это возможно. Если сегодня для вас невозможно, мы подпишем мирный договор с Германской Демократической Республикой и подождем того времени, когда вы скажете—возможно, и тоже подпишете мирный договор. (*Аплодисменты*).

Посол сказал мне, что нет, этого не будет. Я ему ответил, не торопитесь, не говорите «нет», обождите.

Тогда еще один посол присоединился к нашей беседе. Посол, о котором я говорю, когда-то жил в нашей стране, он и его отец имели фабрику в Москве, но затем выехали отсюда, и сейчас он является послом одной страны, прекрасно говорит по-русски, и поэтому мы говорили с ним без переводчика. Так вот, этот посол обращается к послу Федеративной Республики Германии и говорит ему:

— Знаете, господин посол, я Вам не советую спешить со словом «нет». 30 лет тому назад я сказал, что Советская власть долго не продержится, и, как видите, я ошибся. (*Аплодисменты*).

Это говорит о том, что даже такие люди, которые по своему классовому положению были и остались нашими противниками,—и те теперь стали зрячими и уже начинают поправлять своих коллег: не спешите, не торопись говорить «нет».

А мы-то с вами, товарищи, коммунисты. Вы можете сказать: не все мы коммунисты. Могу на это ответить, что когда у нас выступают ораторы—писатели, рабочие, служащие, то по речи невозможно определить, коммунист оратор или не коммунист, и чтобы выяснить это, нужно спросить самого оратора. Это ли не живая демонстрация слияния дум нашей партии с думами народов нашего великого Советского Союза. (*Бурные аплодисменты*). Это самая великая награда для нашей партии, это великий триумф ленинского учения. Учение нашей партии, программа нашей партии перестали быть только научным документом, а стали документом самой жизни, взглядями, пониманием, программой действия нашего великого народа. (*Бурные аплодисменты*).

Это награда и потому, что сейчас, как никогда, высок международный авторитет нашей страны, высок авторитет советской внешней политики, а политика нашего правительства вытекает из политики и учения нашей Коммунистической партии. Это, следовательно, признание того, что учение Коммунистической партии является всеобъемлющим учением. Мы должны сделать все для того, чтобы еще больше возвысить наше государство своими делами.

Товарищи, разрешите мне привести еще одно стихотворение. Мне нравятся слова Ивана Саввича Никитина о родине:

«Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.
Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!».

Это замечательные слова. Поэт в его время говорил, что Россию можно назвать матерью, а мы знаем, что Русь не всем была тогда матерью, многим она была и мачехой. Я говорю не только о национальном, но и о классовом составе населения бывшей России. И все-таки поэт назвал ее матерью. Так что же можно сказать о нашем великом Советском Союзе, который действительно стал матерью всех народов, и в нашей стране все народы стали братьями. (*Бурные аплодисменты*).

А всем этим, товарищи, мы обязаны великому Ленину, нашей славно-й Коммунистической партии, советскому строю, мы обязаны самоотверженному труду наших народов. Будем беречь все завоевания социализма, приумножать их и двигаться вперед к заветной цели— построению коммунистического общества. (*Бурные аплодисменты*).

В новое время и по-новому хорошо сказано о советском народе в стихотворении Александра Твардовского «Почти полвека». Оно было опубликовано в декабре прошлого года в «Правде». Не буду его читать, так как вы все читали его и помните. Это стихотворение выражает душевные переживания каждого человека, который любит свою социалистическую Родину, любит Советское государство и гордится его достижениями. (*Аплодисменты*).

Товарищи! Мы ведем сейчас коммунистическое строительство широким фронтом. Если выражаться военным языком, то можно сказать, что наше общество организовано в отряды, которые широким фронтом ведут наступление.

Многие из вас сами участвовали в боях, и вы знаете, что без артиллерии почти невозможно пехоте прорвать укрепления противника без крупных потерь, что всегда перед наступлением проводится артиллерийская подготовка, на которую расходуется большое количество снарядов, в зависимости от того, как укреплены позиции противника. Здесь присутствует маршал Малиновский, он может это подтвердить.

Думаю, товарищи, что в нашем общем наступлении деятельность советских писателей можно сравнить с дальнбойной артиллерией, которая должна прокладывать путь пехоте. (*Бурные аплодисменты*). Писатели—это своего рода артиллеристы. Они расчищают путь для нашего движения вперед, помогают нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся.

Три дня тому назад я принимал американцев. Был среди них один старый человек—судья. Он выступил в конце беседы и сказал: спасибо, господин Хрущев, за беседу, я очень доволен, и все мы довольны пребыванием в Советском Союзе. Мы очень много увидели, а я лично особо Вас благодарю. Боюсь, что, когда я вернусь и буду рассказывать друзьям о своих впечатлениях, некоторые скажут, что, наверное, русские «промыли мозги старому судье».

Буквально так и сказал. Неплохо сказано. Так вот, товарищи, нужно, чтобы вы своими произведениями «промывали людям мозги», а не засоряли их. Сейчас на вас, писателей, ложится особая ответственность.

Вы знаете, товарищи, что когда артиллерия подготавливает наступление и сопровождает в наступлении пехоту, то она стреляет через свои боевые порядки. Поэтому надо уметь бить точно, бить по противнику, а не стрелять по своим. (*Смех, аплодисменты*).

Мы переживаем время бурного развития науки и техники. И техника у нас меняется, и артиллерия меняется. Происходит теперь, как в песне: и дубина с сохой отошли на покой, их сменила царица машина. На смену артиллерии и авиации пришла ракета, которая уже запущена в космос и является спутником Солнца.

Подобно тому, как это происходит в развитии техники, вам тоже нужно оттачивать, совершенствовать свое оружие, чтобы оно было более дальнобойным, более точным.

Дорогие товарищи! Я кончаю свое выступление. Позвольте выразить вам благодарность за ваше внимание, за то, что вы меня выслушали. Если я что-либо сказал не так, думаю, что вы мне простите это. Признаюсь, я очень волновался и беспокоился. Сперва думал выступить по заранее подготовленному тексту. Но вы знаете мой характер—не люблю читать, люблю беседовать. (*Бурные аплодисменты*).

Вам, товарищи, известно, как бывает трудно выступать. Когда речь написана и приготовлена—можешь спокойно спать. А когда предстоит выступать без текста—так и спится плохо. Проснешься и начинаешь думать, как лучше сформулировать тот или иной вопрос, начинаешь сам с собой спорить. Выступление без текста—это очень тяжелый хлеб для оратора.

Я, конечно, не застрахован от оговорок. Поэтому прошу не быть строгими судьями, а если какие оговорки вы и заметили, то не судите слишком строго. (*Аплодисменты*).

Товарищи! Отражайте в своих произведениях великие дела, которые совершает народ, простые люди. Нужно, чтобы об этих людях знали, видели их лучше, чтобы они были примером для всех, кто ведет борьбу под руководством Коммунистической партии за построение коммунистического общества.

Да здравствуют славные народы Советского Союза, строящие коммунизм! (*Бурные аплодисменты*).

Да здравствует наша великая Коммунистическая партия! (*Бурные аплодисменты*).

Да здравствуют советские писатели—верные помощники нашей партии в строительстве коммунизма! (*Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают*).

Гафар Мирзоев

Испытание

Я не скажу, что даром ночь пропала,
Хотя ни строчкой не отозвалась.
Она таким волнением сердце сжала,
Что перед ним пера бессильна власть.

И погружен в раздумья и сомненья
Умом и сердцем, голову склоня,
В каком-то лихорадочном смятеньи
Я ожидаю завтрашнего дня.

Вчера еще во мне вскипало круто
Грошовое тщеславие юнца,
Запальчивость, с минуты на минуту,
И глупое упрямство без конца.

Обидны легкомыслия пороки...
Зачем меня им вздумалось пытаться
Вновь этой ночью?

Будто перед строгим
Отцом с повинной я стою опять.

Чего боюсь? Но что-то в горле кожом.
Перед эпохой я держу ответ.
Сочтут ли утром на бюро райкома
Меня достойным партии или нет?

Она меня с младенчества учила
Растить прямым

и чистым, как слеза,
И вот на плечи руки положила,
И заглянула глубоко в глаза.

Волнуюсь, счастья высшего не зная,
Поверишь мне ли, партия родная?

Ты — Ленина бесценное наследье,
И сердце всех сердец прекрасных — ты.
Ты от победы нас ведешь к победе.
Ты — жизни смысл, полет её мечты.

Волнуюсь, счастья высшего не зная,
Поверишь мне ли, партия родная?

Ты — честь и ум великого народа...
Но если завтра скажут:

— Погоди,
Постой, товарищ дорогой, у входа,
Чтобы войти под ленинские своды
Тебе немного надо подрасти?..

Тревожных мыслей этих избегая,
Волнуюсь, счастья высшего не зная,

Но вот рассвет ударил в окна властно
Ясней рассветов не запомнил я.
Наверно, это партия на счастье
Таким рассветом встретила меня.

И, наконец — о, день желанный этот.
Ты медлил так, неужто ты забыл,
Что стоит ожидание поэту!
А, может, радость ты не торопил?

Да, ты принес мне радость. Как ты светел!
И, встретив вдруг глаза секретаря.
Я в них, смотрящих на меня, заметил
Твой ясный свет, мой день, моя заря.

Всегда ты будешь вспоминаться снова.
Тобою в жизни начат новый путь.
Ведь в этот день сам секретарь райкома
Меня поздравил:

Коммунистом будь!

Перевел А. Дебрини

К. Лагунов

БУДНИ

РОМАН

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ*

Шарипов возвращался со стадиона вместе с Нестеровым и Хамзиным. Усталые, разморенные жарой, они медленно шли по затененной стороне улицы.

Только что закончился очередной воскресник. Захламленный каменистый пустырь превратился в гладкое поле, обрамленное гаревой дорожкой. На месте будущей ограды вытянулись две стройных шеренги тоненьких гибких деревьев.

Сегодня на строительстве вновь побывал председатель райисполкома Фаязов. Он неторопливо обошел поле, разыскал Шарипова..

— Молодцы, комсомольцы. Теперь вижу, что молодцы. Сколько воскресников провели?

— Сегодня четвертый,—радостно ответил Турсун, довольный похвалой.—Мы приняли решение на бюро, чтобы каждый городской комсомолец отработал не меньше тридцати часов на строительстве и благоустройстве нашего города.

— Это хорошо,—одобрил Фаязов.—Пора, по-моему, начинать строительство ограды и трибун. Деньги на это мы нашли, а вот людей нет. У нас все строители на школах заняты. Надо к первому сентября новую десятилетку сдавать. Что будем делать, товарищ комсорг?

— Сами построим. Дайте материалы и пошлите мастеров, чтобы научили наших. Начнем с ограды. Ребята немножко набьют руку, а потом и за трибуны возьмемся.

— Хорошо,—согласился Фаязов.—Завтра же начнем подвозить материалы, а вы подумайте о строительных бригадах. Лучше создать постоянные бригады каменщиков, штукатуров, плотников, маляров. И чтобы они продержались до конца стройки.

— Сделаем,—заверил Турсун.

По дороге со стадиона он передал друзьям содержание разговора с председателем райисполкома. Хамзин и Нестеров одобрили предложение Фаязова. Сразу же условились, что комсомольская организация совхоза сформирует бригаду плотников, а маслозаводская—каменщиков.

Молодые люди подошли к распахнутым воротам базара. Шарипов

* Окончание. Начало см. в альманахе «Гулистон» № 1 за 1959 г. и журнале «Гулистон» № 1 за 1959 г.

замедлил шаги, втянул носом аппетитный запах и, взяв спутников под руки, предложил:

— Пошли, друзья, на базар. Купим какой-нибудь зелени и пожуем.

Нестеров и Хамзин дружно согласились и все трое вошли в ворота. Изумительно красивую картину представляет собой среднеазиатский базар! Он весь расцвечен яркими красками. Цветные полосатые халаты мужчин, красные, белые, розовые, желтые и голубые платья женщин. Белые чалмы венчают головы стариков, высоченные разноцветные тюрбаны красуются на головах женщин-локаек, красиво расшитые тюбетейки прикрывают смоляные макушки юношей и девушек. Сверкают на солнце серьги, бусы, ожерелья, браслеты. И все это: разноцветье нарядов и блеск украшений сливается в яркое, сказочно-красивое зрелище.

А кругом—на прилавках, на арбах и телегах, и прямо на земле—высятся горы темно-красных помидоров, зеленых огурцов, светло-желтого урюка, бархаткожих персиков и шафранных яблок, рано созревающих в Вахшской долине. Рядом груды орехов, миндаля, фисташек,—всего, чем так щедро одаряет человека таджикская земля. В стороне на просторе вздымаются пирамиды арбузов и золотисто-желтых дынь.

Далеко тянется по базару цветочный ряд. Здесь сидят взрослые и дети. У их ног стоят большие корзины с цветами. Каких только цветов здесь не увидишь и каких ароматов не вдохнешь. Нельзя равнодушно пройти по цветочному ряду. Взгляд невольно останавливается на гряде благоухающих роз или на высоких стройных эремурусах, и тогда светлеют глаза, а на губах появляется улыбка...

Но, пожалуй, ярче цветов и нарядов сверкают глаза и улыбки девушек. Стройные, гибкие, с полуопущенными черными ресницами, изпод которых вдруг окинет тебя таким взглядом, что секунду стоишь ошеломленный, сдерживая зачистившее сердце.

Пожилые бородачи важно восседают около своих товаров, степенно разговаривают друг с другом и медленно попивают зеленый чай. Они не торгуются с покупателями, скупо роняют слова, исполненные собственного достоинства.

Зато молодые парни шумны, приветливы и веселы. Они продают фрукты или овощи на выбор, громко смеются, перемигиваются с покупателями, сверкая белозубыми улыбками.

Над базаром висит густой многоголосый шум. Слышится таджикская, узбекская, татарская, русская, украинская речь. Пронзительно и протяжно гудят автомобили. В птичьем ряду гогочут гуси, крикают утки, горланят связанные петухи, посвистывают перепелки.

Нельзя описать среднеазиатский базар, умолчав об огромном количестве лавчонок, кольцом опоясавших базарную площадь. Пятьдесят процентов лавчонки занимает прилавок. Там разложены самые яркие ткани, висят шелковые платки и расшитые узорами паласы, тюлевые и атласные покрывала и китайские полотенца. Все это слегка колышется и переливается всеми цветами радуги на легком ветерке, словно флаги сказочных стран.

Тут же между лавчонками расположены крошечные мастерские. И каких только мастеров и изделий здесь нет! Кузнецы и шорники, сапожники и ювелиры, лудильщики и гончары. Все они работают проворно и весело, с шуткой и песней. Дробно стучат сапожные молотки, звенят наковальни, хрипло дышат кузнечные меха, шипят паяльные лампы. Все эти звуки прихотливо вплетаются в мощную симфонию базара. Глядя на полуголых кузнецов, стоящих нос к носу и машущих небольшими молотками над наковальней, невольно вспоминаешь прошлое. Вот такой была когда-то промышленность ныне богатого индустриального Таджикистана.

Для полноты картины нужно упомянуть о многочисленных лепешечных, столовых, шашлычных, чайханах, окутанных паром и дымом титанов или многоведерных, гигантских самоваров.

Базар источает тысячи запахов. Терпкий, щекочущий ноздри аромат жарящегося шашлыка, душистый аппетитный запах лепешек, запах чеснока и лука, яблок и огурцов, гашнича и укропа,—целый поток запахов, от которого начинает слегка кружиться голова.

— Позавтракаем?—спросил Турсун своих спутников.

Нестеров и Хамзин охотно согласились. Вскоре у каждого в руках появились помидоры, самбуса, персики, горячие лепешки.

Завтракали в большой чайхане, запивая еду горячим крепким чаем.

В самом лучшем ресторане завтрак не доставит человеку столько удовольствия, как в базарной чайхане. Здесь нет праздно скусающих лиц, грустных взглядов и вялых движений. Все тут аппетитно едят, со вкусом прихлебывают чай, шумно орудуют ножами и вилками. Хрустят на зубах поджаренные корочки горячих лепешек, брызжут ароматным соком помидоры, тают во рту нежные персики. Завтрак в базарной чайхане—это гимн здоровому жизнерадостному, трудовому человечеству.

После завтрака Шарипов простился с друзьями и направился домой. Он медленно шел по улице, остановился у газетного киоска, купил свежие газеты и на ходу стал бегло их просматривать. На второй странице газеты «Комсомолец Таджикистана» он вдруг увидел броский заголовок: «Под крылышком Турсуна Шарипова». Турсун отошел в сторону, присел на скамью у чьего-то забора и прочел статью. Сначала он читал наскоро, а потом—медленно, вдумываясь в каждое слово.

«Только за три месяца этого года в городе Пахтаабаде,—читал Турсун,—девятнадцать юношей были привлечены к уголовной ответственности за хулиганство. Все они совершили преступления в пьяном виде.

Пройдите ночью по улицам города и вы встретите десятки пьяных парней, услышите площадную брань, увидите драки. Девушки боятся пройти ночной улицей без провожатого. Особенно странно, что среди подвыпивших дебоширов нередко встречаются комсомольцы. Это кажется парадоксальным, но это факт».

Затем в статье подробно описывалось, как комсомолец Сергей Вдовин пристрастился к водке, стал часто выпивать, а потом разгоряченный винными парами, он вместе с дружками напал на заведующего клубом Ланеева и избил его. Заводские комсомольцы узнали о хулиганском поступке Вдовина и наказали его. В ответ на это Вдовин ворвался пьяный на завод и устроил там скандал и драку. В статье одобрительно говорилось о решении комсомольского собрания маслозавода, исключившего Вдовина из комсомола. Дальше шло ироническое описание заседания бюро райкома комсомола, на котором вопреки здравому смыслу и требованиям устава было отменено решение комсомольского собрания. Бюро встало на защиту пьяницы и оставило Вдовина в комсомоле.

«Как ни странно,—читал Турсун,—но инициатором этого непонятного решения был первый секретарь райкома Турсун Шарипов. Случайно ли это? Нет, не случайно. Став секретарем, Шарипов зазнался, оторвался от комсомольцев и молодежи, перестал считаться с мнением рядовых членов комсомола. Потому-то он, вопреки всякой логике, настоял на отмене решения комсомольской организации и протасил собственное предложение».

Автор статьи пространно доказывал, что комсомольцы—товарищи Вдовина по работе—лучше знали его, что к их голосу райком обя-

зан был прислушаться, что оставление Вдовина в комсомоле—ошибка, которую следует исправить.

Статья критиковала органы милиции и районную прокуратуру за то, что они до сих пор не привлекли к уголовной ответственности хулигана Вдовина и тем самым потворствуют хулиганским элементам.

«Легко живется пьяницам под крылышком комсомольского секретаря Турсуна Шарипова. Что им устав комсомола! Что им комсомольская дисциплина! Пей, гуляй, Турсун-ака выручит»...

Рядом со статьей была карикатура. Шарипов сидел в кресле, раскинув руки, как наседка крылья, а под ним струдились пьяницы с бутылками в руках.

Статья потрясла Турсуна. Несколько минут он сидел, бессмысленно глядя перед собой.

Будто ударами ледорезов выбивал кто-то в его сознании отдельные фразы статьи «Легко живется пьяницам под крылышком комсомольского секретаря Турсуна Шарипова». «Шарипов зазнался, оторвался от комсомольцев и молодежи». Сейчас эти строки читают сотни комсомольцев, читают знакомые, друзья. Турсун долго искал спички. Обратным концом сунул в рот папиросу. Отбросил, закурил другую и долго курил, вдыхая горький и едкий дым.

Домой он шел торопливо, опустив голову, искоса оглядывая прохожих. Ему казалось, что все уже знают о его позоре, указывают на него, ехидно улыбаются вслед.

Ночью Турсун почти не спал. До рассвета сидел на балконе, курил и молчал.—Теперь все,—думал он,—теперь конец. Больше я не смогу уже руководить райкомом. Кто будет меня слушать, кто признает мой авторитет? Я теперь покровитель пьяниц, зазнайка, чинуша, а не комсомольский работник. Наверно, завтра меня вызовут в райком партии и снимут с работы».

Утром, как только он переступил порог своего кабинета, его действительно вызвали к Паромову.

По дороге к райкому партии Турсун решил, что не следует дожидаться, пока Николай Петрович сделает вывод о невозможности его дальнейшего пребывания на секретарской должности. Надо самому честно сказать об этом. «Выходит, я вас подвел, не оправдал партийного доверия,—скажу я ему,—и чувствую, что мне не место в руководстве райкомом комсомола»...—С такими мыслями Турсун вошел в кабинет.

Николай Петрович сидел за столом и читал какую-то бумагу. Не поднимая головы он сказал:

— Проходи, садись, минуточку подожди. Сейчас дочитаю.

В правой руке Паромов держал тоненький синий карандаш. Время от времени он постукивал по настольному стеклу и ставил на бумаге крестики. Закончив чтение, Паромов приподнял голову, посмотрел внимательно на бледное, застывшее в ожидании лицо Шарипова и сказал:

— Лучше стали мы жить, много лучше, чем прежде. А все-таки далеко еще не каждый человек доволен жизнью. У одного зарплата мала, у другого—квартира плохая, третьему—работа не по душе. Вот партия и ставит задачу—удовлетворить самые жизненные потребности человека. Чтобы каждый имел и квартиру подходящую, и работу интересную, и зарплату сносную. Задача замечательная и чертовски трудная. Но мы решим ее. Мы добьемся, что под каждой крышей, понимаешь, под каждой, поселится настоящее, большое счастье.

Паромов налил из термоса в пиалу зеленого чая. Молча выпил, потом закурил и заговорил снова.

— Мудреное оно, это счастье. Для одного счастье—в сытой и теплой жизни, для другого—в любимом труде, для третьего—в лазанни

по горам—в поисках скрытых в земле металлов или угля. А для нас, большевиков-ленинцев подлинное счастье—в счастье других, в счастье народа. А счастьем народным является коммунизм. Тогда будут все равны не только духовно, но и материально. Но это счастье, счастье коммунизма надо еще завоевать, за него надо бороться. Бороться по-настоящему. В этой борьбе, как в любой другой, есть все—и победы, и поражения, и отступления, и даже смерть. Но зато каждая победа в этой борьбе—шаг вперед к коммунизму, шаг вперед к всенародному счастью. И этот шаг, пусть даже маленький, является лучшей наградой в жизни большевика, высшим его счастьем. И получается, что счастье наше с тобой, Турсун, в борьбе. А это—трудное счастье.

Слова Паромова принесли Турсуну какое-то странное облегчение. Поблекли, притупились колючие, ядовитые слова газетной статьи. Мысли о невозможности дальнейшей работы сразу же показались нелепыми. «Наше счастье в борьбе, а это трудное счастье,—как хорошо сказано,—думал Турсун,—в борьбе. Значит нужно бороться, доказывать свою правоту, правоту своего дела. Я забыл, что в борьбе бывают поражения и победы и раскис от первого поражения. Да это еще и не поражение, а только удар. Правда не первый, но и не смертельный». Турсун вспомнил свое решение сказать Паромову, что он не может больше руководить райкомом и ему стало стыдно. Он покраснел и отвернулся. Паромов молча наблюдал за ним. Потом неожиданно спросил:

— Как сейчас выглядит твой подзащитный Сергей Вдовин?

— Хорошо, Николай Петрович. Парень просто воскрес.

— Ко мне приходили из прокуратуры—советовались о привлечении его к уголовной ответственности за хулиганство с этим заведующим клубом. Подумали мы вместе с прокурором и решили, что парень достаточно наказан. Между прочим, отчего это у тебя установились какие-то неправильные взаимоотношения с обкомом комсомола?

Турсун вздохнул и рассказал Паромову о столкновениях с Рубалиным и Шукуровым, о своем вызове в обком. Он волновался и говорил неясно, и от этого волновался еще больше.

— Кое в чем ты, пожалуй, прав,—сказал Паромов,—действительно в комсомоле появилось много ненужных условностей, но тактика у тебя правильная. Нельзя самовольно ломать то, что узаконено. Ты посиди недельку, все обдумай и напиши записку в ЦК ВЛКСМ. Не егсяйся. Это совсем не плохо. Если хочешь, перед тем как послать записку—покажи ее мне. Посидим, подумаем вместе.

— Спасибо, Николай Петрович.

— Ну, а со статьей что ж ты надумал делать? Запер, небось, газету в сейф и поставил на этом точку. Так?

— Не совсем так. Но я не знаю, что с ней делать... Ведь в этой статье делаются такие выводы, такие выводы...

— Выводы оставь на совести редакции. А критику принимай как должное и исправляйся, брат, исправляйся немедленно. Промедление в таком деле недопустимо. Надо идти по горячему следу, ковать железо пока горячо.

— Так вы считаете, что статья правильная?—с дрожью в голосе спросил Турсун.

— В принципе, конечно, правильная,—твердо проговорил Паромов.—За что вас критикуют? За то, что плохо боретесь с пьянством и хулиганством. Верно это? Верно. Бригад содействия милиции у вас нет? Нет. Комсомольский патруль не создан? Нет. Хулиганы на танцплощадке и в парке безнаказанно безобразничают? Безобразничают. Некоторые твои комсомольцы в рюмку заглядывают? Заглядывают, и частенько. Комсомол должен бороться с этим, а вы палец о палец не ударили. Что ты против этого скажешь?

— Но ведь там кроме этого написано, что я зазнался, оторвался от молодежи, стал бюрократом и покровителем пьяниц,—горячо возразил Турсун.

— Это не главное, не основное. Вам надо обсудить статью у себя на бюро и поднять городских комсомольцев на борьбу с хулиганством.

— Но ведь...—начал Турсун.

— Если в критике есть пять процентов правды—она уже полезна. Так говорят у нас в партии,—сказал Паромов.—Понимаешь? Пять процентов, а в статье правды ровно девяносто пять процентов. Всегда надо уметь отодвигать личную обиду на второй план, чтобы она глаза не застилала, и не мешала правду видеть. В этом, пожалуй, и состоит умение подчинять личные интересы общественным. В этом и заключается существо правильного партийного понимания критики. Тебя называли бюрократом и тебе больно, обидно. И ты уже, опьяненный обидой, не хочешь подумать над тем, за что тебя называли бюрократом. Пусть несправедливо, пусть обидно называли, но ведь называли за плохие дела, за реальные недостатки. Вот и бросай все силы на устранение этих недостатков. Борись с ними и не допускай их повторения. Это и есть партийное понимание критики на деле.

Николай Петрович смотрел на Турсуна по-отцовски—строго и тепло. Под его взглядом окончательно растаяла обида, растопилась в груди холодная и твердая льдинка, которая мешала свободно дышать, разговаривать, смотреть людям в глаза. Турсун выпрямился и ответил:

— Сделаю, Николай Петрович.

В райком комсомола Шарипов вошел стремительно. Он вынул из сейфа вчерашнюю газету и снова начал читать статью. Его удивило, что острые слова статьи уже не ранили самолюбия, не заливали ядовитой горечью душу. И хотя где-то в глубине души чувствовался едкий осадок вчерашних переживаний, но не было уже безнадежного уныния, не было ощущения вышибленного из седла. Хотелось действовать, работать.

Турсун раскрыл блокнот и начал набрасывать примерные пункты постановления, которое надлежало принять на бюро по критическому выступлению газеты.

В дверь постучали. Вошел Вдовин. Он был в рабочей одежде,—пришел прямо из цеха. Неловко потоптавшись у двери, он осторожно опустился на стул.

«Неужели опять чего-нибудь натворил? Неужели снова сорвался?»—встревожился Шарипов, глянув на грустное лицо парня.

— Что с тобой?—спросил он.—Рассказывай, что случилось?

— Да вот... Я пришел к вам потому... Вы из-за меня пострадали...—Вдовин вынул из кармана вчерашнюю газету. Зачем-то развернул ее, потом снова сложил.—Я очень виноват... Стыдно даже смотреть людям в глаза...

Это было так неожиданно, что Турсун не знал, как ответить. После долгой паузы он, наконец, заговорил:

— Не волнуйся, Сережа. Ты здесь не при чем. Нас за дело и—правильно критиковали. Мы действительно плохо боремся с пьяницами и хулиганами.

— Не успокаивайте меня, Турсун Шарипович. Я не маленький—все понимаю. И ребята наши так думают. И мастер тоже. Он как газету прочитал, отозвал меня в сторону и говорит: «Сукин сын, из-за тебя хорошего человека осрамили. Иди, говорит, к нему»...

— Дело не в тебе, Сережа, волнуясь, объяснил Шарипов.—Нас разругали за плохую воспитательную работу, за то, что не боремся с хулиганами. Ну, а тебя мы никогда не зачисляли в разряд хулиганов. Ты заблудился, сбился с правильной дороги.

Вдовин молча, согласно кивал головой. В его глазах светилось глубокое раскаяние и боль.

Глядя на него Турсун неожиданно вспомнил разговор с Нестеровым, происшедший через несколько дней после обсуждения Вдовина на бюро.

— А ты знаешь, кто причина всех сережкиных злоключений?— спросил тогда Нестеров.

— Кто?—заинтересовался Турсун.

— Твоя помощница—Любушка Немцова. Сережка приревновал ее к Ланееву и решил проучить своего соперника. Я догадываюсь, что он признался во всем только под ее нажимом. Ты разве не видел, какая она была на бюро, как волновалась? Поэтому она и выступить отказалась. А то бы разве такая говорунья промолчала...

Слушая рассказ Нестерова, Турсун припомнил, как вела себя Любушка в то время. Последние дни перед бюро девушка была необыкновенно рассеяна и раздражительна. Она испортила при выписке два комсомольских билета. Турсун накричал на нее. Любушка не оправдывалась—молчала и плакала. Турсун недоумевал, что могло приключиться с жизнерадостной Любушкой. Рассказ Нестерова все объяснил.

— Что же она до сих пор кислая ходит?—спросил Турсун.—Все закончилось благополучно и их отношения должны восстановиться.

— В том-то и дело, что не восстановились. Загордились оба, и ни он, ни она не хотят сделать первого шага, хотя оба от этого страдают. Я уж говорил этому, черту упрямому. «Иди к ней». А он «Нет»—и все. «Она,—говорит,—меня ненавидит»...

Вспомнив все это, Турсун глянул в растроенное лицо Вдовина и неожиданно спросил:

— Слушай, Сергей, ты не знаешь, почему наша Любушка в последнее время такая кислая ходит? Глянешь на нее и плакать хочется. Работу запустила, все делает кое-как. Целый день ходит и вздыхает.

Вдовин не ожидал такого вопроса и растерялся. На скулах у него проступил румянец. Он молча опустил голову.

— Не знаешь, значит. Жаль,—опечалился Турсун.—А я было хотел с тобой посоветоваться. Говорят, у тебя с ней дружба была. Вот я и подумал, что ты знаешь ее лучше, чем другие. Жаль, жаль... Такая девушка была—огонь, а теперь—будто подменили ее или заболела. А может быть ее обидел кто-нибудь. А? Как ты думаешь?

— Н-не знаю,—с трудом сказал Вдовин, не поднимая голову.

— Да, придется, видимо, на бюро с ней поговорить. Ну, ладно. До свидания. Спасибо, что зашел...

Турсун пожал руку Вдовину, и когда тот собрался уходить, остановил его:

— Постой, друг, будешь идти мимо сектора учета, передай вот этот пакет Немцовой.—Турсун взял со стола пустой конверт со штампом обкома комсомола, вложил в него какую-то бумагу и передал Вдовину.

Сергей Вдовин вышел из кабинета и несколько секунд стоял в коридоре, преодолевая волнение. Из слов Шарипова он понял, что Любушка, его любимая, его единственная Любушка, тяжело страдает и причина этому—он... Да, он и никто другой. Он не захотел первым подойти к ней после бюро,—ждал, когда она сама придет и поклонится ему. А ведь Любушка помогла ему стать честным человеком, понять и признать свою ошибку, но он... Как он поступил с ней...

— Свинья...—процедил сквозь зубы Вдовин и решительно направился к двери, на которой висела табличка с надписью «Сектор учета».

Любушка сидела за столом и писала. Она не подняла головы,

когда открылась дверь. Перед ней лежал лист бумаги, на котором размашистым почерком было написано:

«В бюро райкома комсомола. От зав. учетом Немцовой Л. С.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу бюро райкома ЛКСМ освободить меня от занимаемой должности ввиду...»

Здесь Любушкино перо остановилось. Она задумалась. В самом деле, какую она могла назвать причину взамен той, о которой нельзя было ни писать, ни говорить. После заседания бюро, на котором обсуждали дело Вдовина, она ждала, что он подойдет к ней, заговорит. Но он не подошел к ней ни в тот, ни в другой вечер,—не подошел и не позвонил. А она... Она тоже имела гордость, и не хотела сделать первый шаг. В заводском клубе Любушка на зло ему танцевала с Ланеевым, а дома плакала в своей комнате, уткнувшись в подушку.

С того дня Любушкина жизнь пошла наперекос. У нее не ладилось с работой. Лежали необработанные черновики протоколов заседаний бюро, накопилось много незарегистрированных бумаг. Без ее энергичных напоминаний задерживали представление отчетов секретари комсомольских организаций. Любушка замечала сердитые, недоуменные взгляды Шарипова, молча выслушивала его справедливые упреки, но ничего не могла поделать с собой.

Близкая, задушевная подруга посоветовала ей уехать из города, хотя бы на время. Она даже подыскала ей должность бухгалтера райкомхоза в соседнем районе. И тогда Люба решила написать заявление с просьбой освободить ее от занимаемой должности ввиду... Что же писать дальше? Надо было лгать, обманывать комсомол, товарищей по работе, друзей.

Но лгать Любушка не могла. Что же делать?

— Что же делать?—со слезами в голосе проговорила она.

И вдруг услышала, совсем рядом, взволнованный голос Сергея Вдовина.

— Любушка... Прости меня... Я больше так не могу...

Девушка сидела, опустив голову, словно в забытьи. Она услышала слова, которых так долго и страстно ждала.

— Люба...— снова услышала она.

Любушка быстро поднялась, подошла к Сергею, заглянула ему в глаза и чуть слышно прошептала:

— Сережка...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Последний месяц совхозный комсорг Саша Хамзин не ходил, а летал. Это ощущение появилось у него в тот памятный день, когда за ним приехал директорский «газик».

— Садись в машину, поехали. Директор требует,—сказал ему шофер.

— Куда же я такой?—смущенно проговорил Хамзин, оглядывая свой старенький перепачканный комбинезон.

— Ничего,—успокоил его шофер.—И такой хорош. Рабочий класс. Парень от трактора. Ясно? Мой руки и садись на директорское место, рядом с водителем.

По дороге Хамзин старался угадать предстоящий разговор с директором. Но не мог: смущала необычная поспешность вызова.

В кабинете Набиева было многолюдно. Там сидели Редькин, Мансуров, главный механик, главный инженер, председатель профкома, управляющий первого отделения. Они о чем-то оживленно разговари-

вали между собой и не заметили вошедшего. Хамзин немного постоял у двери, потом громко поздоровался. Все повернулись к нему.

— А-а, пришел именинник,—весело сказал директор.—Ну, иди сюда поближе.—Он встал навстречу подходившему Хамзину, протянул руку.—Садись вот сюда и рассказывай, как ты додумался до этой штуки.

— Какой штуки?—не понял Хамзин.

— Ну, ну, не скромничай,—вмешался в разговор Редькин, не выпуская трубки изо рта.—Ты очень ловко придумал с переворачиванием колес. Просто здорово.

— Да, предложение очень оригинальное,—подтвердил главный механик.

— Только бы не провалиться с ним,—вставил Мансуров и мельком глянул на Набиева.—Неизвестно еще как посмотрят на это в Министерстве хлопководства и наше начальство. Снять в разгар обработки машину, отвлечь в такое горячее время рабочих от текущего ремонта тракторов—это знаете... это может не понравиться Министерству.

Моржовые усы Редькина сердито встопорщились. Он сказал:

— Запричитал как по усопшему, товарищ парторг. Что скажет Министерство—нам известно. Подумай лучше, что скажет народ.

— Ну, ладно,—перебил Набиев Редькина.—Сейчас не до споров. Паромов сказал, что через неделю будет у нас вместе с секретарем ЦК партии. Надо к этому сроку закончить не только переделку трактора, но и культиватора. Сумеем ли? Если не сумеем—позор на всю республику.

— Трудно ручаться,—вступил в беседу главный механик.—Неделя—срок небольшой, а ведь у нас еще нет даже проекта переделки культиватора.

— Значит надо подготовить. У самих пороку не хватит—привлеките на помощь механизаторов. Любой ценой—но переделку закончить в срок. Дали слово—надо его сдержать. Наш совхоз никогда еще не кидал слов на ветер. К тому же это дело,—прямо скажем,—общесоюзное. От его успешного завершения зависит победа новой агротехники.

Набиев говорил с неподдельным энтузиазмом. Редькин удивленно смотрел на него. Главный агроном никак не мог понять причины такой перемены в поведении директора. Еще совсем недавно он был против переделки трактора, а сейчас—за нее.

Эту перемену нельзя было объяснить только желанием Набиева угодить секретарю райкома партии. Редькин хорошо знал характер директора. Обычно для доказательства своей правоты он не скупился ни на что, не смущался в выборе средств. Промедление с переделкой трактора в данном случае он всегда бы смог использовать в свою пользу, свалив вину на райком партии и главного агронома. Это безусловно положительно повлияло бы на его отношения с Министерством совхозов и хлопководства. Нет, не ради того, чтобы угодить партийному руководству района, Набиев взялся за переделку техники.

Редькин не знал, что после телефонного разговора с Паромовым, Набиев долго, мучительно раздумывал. Он понимал, что руководящие работники Министерства хлопководства и СоюзНИХИ не смирятся с его переходом на сторону их противников. Они считали Набиева своим союзником в борьбе против новой агротехники. Он и в самом деле был их союзником, хотя и пассивным.

Много лет руководил Набиев крупнейшим в республике хлопководческим совхозом. Совхоз каждый год выполнял государственные планы. За эти годы Набиев из щуплого и верткого мужичины превратился в грузного, спокойного и уверенного в себе человека. Он старался избегать лишних хлопот и волнений, встречал в штыки всякую попытку нарушить спокойное течение его жизни.

Новая агротехника несла с собой новые треволения. Надо было жестоко спорить и биться за нее с учеными из СоюзНИХИ и работниками Министерства хлопководства. Надо было много и смело экспериментировать. А каждому известно, что не всякий эксперимент кончается благополучно и в случае неудачи противники немедленно постараются заклевать экспериментатора.

«К чему ввязываться в эту драку?—не раз думал Набиев.—Есть молодые руководители совхозов и колхозов,—вот пусть они и дерутся, экспериментируют, ломают зубы...»

Когда на страницах республиканских газет и журналов развернулась широкая и острая дискуссия о новой агротехнике, Набиев не вмешивался в нее. Он внимательно прочитывал статьи сторонников и противников суженных междурядий и чаще всего соглашался с противниками. Этому способствовало резко отрицательное отношение к новой агротехнике руководящих работников Министерства хлопководства и некоторых видных ученых-хлопководов.

Но жизнь—не тихая заводь. Жизнь не похожа даже на самую стремительную и быструю реку,—в такой реке тоже есть омуты и заливы, куда не доходит быстрое течение. Нет, жизнь—это скорее баррикада, окутанная дымом и громом борьбы, которая ни на мгновение не прекращается. Это—борьба нового и старого, нарождающегося и умирающего, борьба, знаменующая собой неуклонное движение общества вперед.

И надо всегда помнить, что баррикада имеет только две стороны. Левую и правую. И если ты не стемни, кто слева, значит ты справа. Середины нет.

Об этом Набиев впервые задумался на партийном собрании, где обсуждался доклад Редькина о подготовке к весеннему севу.

Абсолютное большинство собрания хотя и не сразу, но решительно одобрило новую агротехнику. Тогда Набиев кое-как удержался на середине. Он не выступил ни за, ни против. Он молча согласился с решением собрания, за что потом выслушал немало упреков от Дулина.

Приезд министерской комиссии снова поставил перед Набиевым вопрос—с кем он? И снова директор удержался на середине.

Наблюдая за опытными участками посева хлопчатника по суженным междурядьям, Набиев все нагляднее убеждался в правильности новой агротехники. Он—опытный хлопкороб—ясно видел, что придирки и нападки членов комиссии заведомо тенденциозны и неправильны. Набиев понимал, что единственный довод в пользу противников новой агротехники—это отсутствие нужной техники. Без техники немыслимо было и думать о полной победе суженных междурядий, а такой техники не было.

И вдруг тракторист совхоза, комсорг Саша Хамзин предложил простой и оригинальный способ переделки техники. Узнав об этом от Редькина, Набиев растерялся. Бурнев, к которому он обратился за советом, ничего путного не сказал. «Смотри,—сказал он,—тебе виднее, ты—хозяин». Из кабинета Буриева Набиев позвонил Дулину. Заместитель министра сказал, что предложение Хамзина—мальчишество и Министерство категорически запрещает затевать какую-либо переделку в разгар обработки посевов. «Надо дожидаться осени,—решил Набиев.—Во время осенне-зимнего ремонта тракторов легко и незаметно можно переоборудовать одну машину».

Но оттянуть время не удалось. Помешал звонок Паромова. После разговора с Николаем Петровичем Набиев понял, что наступило время встать на ту или другую сторону баррикады. Он внимательно изучал расчеты переделки трактора, сделанные главным механиком и после долгих раздумий решил начать переделку...

Редькин ничего не знал о колебаниях и раздумьях Набиева. Потому он удивился и обрадовался перемене в настроении директора.

Набиев словно почувствовал состояние главного агронома, весело улыбнулся и, хлопнув тяжелой ладонью по столу, сказал:

— Будем переделывать трактор Хамзина. Начнем немедленно, сейчас же.

Все поднялись со своих мест.

Главный механик положил руку на плечо Хамзина.

— Саша, не теряй времени. Гони свой трактор в мастерские.

К трактору Хамзин бежал. Ему казалось, что вот сейчас, сию минуту его окриknут сзади и скажут, что директор передумал и никакой переделки не будет.

Когда он привел трактор во двор мастерских, его окружила толпа ремонтников. Среди них Хамзин увидел секретаря райкома комсомола Шарипова. Турсун крепко сжал его руку.

— Молодец, комсорг.

Тут же во дворе состоялось летучее молодежное собрание. Решили: создать комсомольско-молодежную бригаду по переделке трактора и культиватора и завершить переделку машин в течение пяти дней.

В жизни каждого человека бывают события, которые надолго остаются в памяти. И чем дальше уходишь от них, тем ярче становятся они. Таким незабываемым событием в жизни молодых ремонтников явилась переделка хамзинского трактора и культиватора. В первый же день работы были забыты прежние нормы и графики. Люди уже не думали о том, что после шести часов вечера им нужно ходить в баню или в кино, или дочитать начатую книгу. Они думали лишь о том, что останется недоделанным сегодня. По молчаливому уговору ребята оставались в мастерских после рабочего дня. Работали с ожесточением. Но оно не походило на ожесточение человека измотанного и загнанного трудом. Это было веселое ожесточение, молодая рабочая удаль.

Никто из членов молодежной бригады не уходил домой ночевать. Завтракали, обедали и ужинали здесь же в мастерских.

Когда задние колеса хамзинского «универсала» перевернули, оказалось, что расстояние между ними не соответствовало размерам, и если одно колесо трактора шло по борозде, другое—по засеянному рядку. Тогда кто-то из слесарей предложил поставить между ступицами и осью двадцатимиллиметровые шайбы. Предложение приняли, поставили шайбы и получили нужное расстояние между колесами: Потом выяснилось, что нужно заменить и переднее колесо трактора: его заменили. Особенно много хлопот доставила переделка культиватора. Шесть раз принимались за нее молодые ремонтники. Шесть раз делали расчеты механики. Похудевшие, почерневшие ребята работали, как одержимые.

Турсун очень скоро из наблюдателя превратился в активного участника. В синей перепачканной мазугом майке и сатиновых шароварах он работал наравне со всеми.

Поздно ночью ремонтники заканчивали работу. Все были возбуждены, никому спать не хотелось. Лежа на кошке под навесом, ребята неторопливо переговаривались. Турсун поддерживал разговор. Он рассказывал притихшим, усталым парням о первых таджикских комсомольцах.

В институте Турсун считался активистом исторического кружка. Он написал два научных доклада из истории таджикского комсомола. Материал для докладов приходилось собирать не только в архивах, старых газетах и книгах, но и в живых беседах с участниками и очевидцами тех событий—ветеранами революции и гражданской войны, первыми комсомольцами Таджикистана.

Живыми, полнокровными людьми вставали в рассказах Турсуна молодые бойцы Гармской обороны, юные и бесстрашные герои Хаитской трагедии, комсомольцы—члены ревкома и комбедов, организаторы первых колхозов, сраженные врагами в жарких классовых боях. Затаив дыхание, слушали парни Турсуна.

От прошлого разговор переходил к настоящему. Ребята стремились заглянуть в завтрашний день, во имя которого шли на смерть и труд, на подвиги и лишения коммунисты и комсомольцы двадцатых и тридцатых годов.

Однажды зашел разговор о коммунизме, о людях коммунистического завтра. Турсун напомнил о знаменитой Ленинской речи на Третьем съезде комсомола. Заговорили о Ленине. Неожиданно Саша Хамзин приподнялся на локте и начал читать стихотворение Маяковского:

Кто мчит с приказом,
Кто в куче спорящих,
Кто щёлкал затвором
на левом колене.
Сюда,
с того конца коридорища
Бочком
пошел
незаметный Ленин.

Следующее четверостишие Хамзин прочел громче. Высокий чистый голос его зазвенел, он быстро поднялся и, широко взмахнув рукой, бросил в тишину горячей южной ночи.

Всем!
Всем!
Всем это...

Ребята привстали, замерли и слушали. И чудилось им, что Ленин как бы незримо присутствует среди них. Ильич пришел сюда побеседовать, послушать их, сказать то, что мог бы сказать только он. Они видели его «мудрый человеческий лоб», чувствовали проникающий в душу ленинский взгляд, слышали его голос, идущий к ним из дали времен.

В торжественном напряжении застыли юношеские лица, замерли сердца, сбившись с размеренного и четкого ритма. Еще бы. Ведь с ними рядом был Ильич.

Эти парни родились после смерти Ленина. Но имя его они стали произносить вместе с первыми своими словами, Ленин улыбался им с портретов, ласково смотрел на них с книжных страниц. Они слышали его голос из репродукторов и с экранов кино. Чем старше они становились, тем ближе и роднее был им Ленин. Каждое его слово звучало набатным колоколом, будило ум и честь, звало вперед, на бой за будущее народа, за коммунизм. Ему на верность клялись они у пионерских знамен. Ему на верность клялись они, принимая комсомольский билет. И сейчас, слушая проникновенные стихи о Ленине, каждый из них внутренним взором вглядывался в прожитую жизнь, в пройденный путь,—все ли там прожито и сделано по Ильичу...

Хамзин умолк так же неожиданно как и заговорил. Долго никто не произносил ни слова. Потом кто-то тихо и внятно сказал:

— Хорошо...

И сразу все зашевелились, заговорили наперебой...

В конце недели переделка трактора и культиватора была закончена. К этому времени в совхоз стали приезжать представители районных и республиканских организаций, корреспонденты газет и радио. Одними из первых приехали секретарь ЦК Компартии Таджикистана и Паромов. Секретарь ЦС долго беседовал с руководителями совхоза, обошел опытный участок Джурабека, подробно расспросил Редькина о

положении хлопчатника, посеянного по суженным междурядьям. Он осмотрел переделанные машины. Заставил Хамзина подробно рассказать, как переделывали его трактор. Потом обратился к Джурабеку:

— Ну как, отец, можно начинать?

Польщенный вопросом, Джурабек порозовел, но ответил степенно:

— Пожалуй, можно.

Хамзин сел за руль трактора. Машина дрогнула и пошла по полю. Лапки культиватора опустились и поползли, оставляя за собой взрыхленную землю.

Все шагнули вслед за трактором. Джурабек взял горсть земли, помял ее и сказал:

— Хорошо. Глубоко берет и рыхлит мелко. Очень хорошо.

На следующий день все республиканские газеты поместили фотографию Саша Хамзина. Он сидел за рулем своего «Универсала» и весело улыбался. В газетах были опубликованы статьи Набиева, Редькина и главного механика совхоза.

Хамзин ходил именинником. Но когда его поздравляли, он смущался, краснел и сердито говорил: «Да ну вас совсем. Я тут не при чем. Все переделывали, а почему-то одного меня сфотографировали...»

Но как бы там ни было, а неожиданно пришедшая добрая слава окрылила его. Саша преобразился. Он и минуты не мог спокойно посидеть на месте. Его так и подмывало вскочить и бежать куда-нибудь. Часто, глядя как он торопливо ест завтрак, мать укоризненно говорила:

— Ты, Саша, стал прямо как заводной. Все на бегу делаешь. Ну куда ты торопишься? Так не то что прожить—помереть спокойно не сумеешь.

— Мне до смерти еще далеко,—отшучивался сын...

В это утро Саша встал до рассвета. В маленьком садике, где он спал, стоял туман. Затянутые белесой пеленой, деревья словно висели в воздухе.

Откинув одеяло, он соскочил с кровати. Холодная роса на траве защекала подошвы босых ног, заставила его зябко вздрогнуть, поежиться от холода. Саша несколько раз энергично взмахнул руками. Сразу стало тепло и хорошо. После гимнастики Саша вымылся под водопроводным краном, растер мохнатым полотенцем покрасневшую кожу. Потом он оделся и прошел к столу, сколоченному под вишней. На столе—крянка холодного молока, яйца и кусок вареного мяса. Саша с аппетитом позавтракал.

Когда шел мимо сарая, увидел мать. Она доила корову. Он весело крикнул: «Пока, мам!», и вывел со двора мотоцикл.

В утренней тишине далеко разнесся громкий треск мотора. Прокладный ветер упруго нажал в грудь, пузырьер надул рубашку. Саша переключил скорость и повел мотоцикл к окраине поселка.

Быстро мчался мотоцикл. Но сашины мысли летели еще быстрее. Сегодня он начнет третью культивацию хлопчатника на участке Джурабека. Ему очень хотелось первым появиться на поле, опередив неугомонного старика. Хамзин включил третью скорость.

Но опередить Джурабека не удалось. Подъезжая к полю, Саша еще издали увидел высокую, чуть сутулящуюся фигуру бригадира.

Джурабек стоял в борозде и молча смотрел на снежные вершины далеких гор, где появилась бледно-розовая полоса—предвестник восходящего солнца.

Услышав шум мотоцикла, старик медленно повернул голову и увидел подъехавшего Хамзина. Саша подошел к бригадиру.

— Салом алейкум, Джурабек-ата,—почтительно приветствовал он старика,

— Салом, сынок,—ласково ответил Джурабек, подавая Хамзину руку.—В третий раз начнем сегодня?

— В третий,—подтвердил Саша.—Сейчас немножко прогрею мотор и—начнем.

Хамзин подошел к «Универсалу», легко вскочил на сиденье. Тронул рычаги управления и завел мотор. Из узкой длинной трубы трактора вылетел черный шарик дыма и поплыл вверх, потянув за собой длинный серый хвост. Вслед ему вылетел еще один шарик, за ним—еще один, а потом они полетели—один за другим. Тра-та-та-та-та—застучал мотор. Небольшой красный корпус трактора содрогался, рвался вперед, но колеса будто приросли к земле и не двигались.

— Начали!—перекрывая шум трактора, прокричал Хамзин.

Джурабек молча поднял сухую жилистую руку. Саша выжал муфту сцепления, увеличил обороты мотора и включил скорость. Машина тронулась. Навстречу поплыло зеленое поле хлопчатника, разделенное узкими бороздками. Хамзин направил в бороздку переднее колесо трактора, и крепче сжав руль, стал внимательно следить за тем, чтобы трактор не вышел из борозды.

Туман рассеялся, обнажив умытую росой землю. Легкий ветер пробежал по зеленому морю хлопчатника. Саша управлял трактором, удерживая переднее колесо точно в середине борозды, вовремя замечая каждую ее извилину. На душе у него было легко и радостно.

Незаметно для себя он размечтался. «Сегодня вечером нужно обязательно сходить в клуб»,—подумал он и сразу перед ним возникла сумеречная аллея совхозного парка. В кремовой, шелковой украинке, в белых чесучовых брюках и легких туфлях шел он по этой аллее, надеясь встретить ту, ради которой гладились брюки, чистились туфли, брились щеки. Идет он и слышит ее веселый смех. Из тысячи других безошибочно узнает он ее смех,—звонкий и нежный. Вот она вышла из-за поворота, сверкнула улыбкой, обожгла лукавым взглядом и нарочно хотела пройти мимо. Знает Саша, что это притворство, а все-таки поспешно заступает ей дорогу.

— Стой!—донесся издали возглас.—Остановись!

Саша поднял голову, прислушался. Позади раздался тот же возглас. Хамзин узнал голос Джурабека, заглушил мотор. В наступившей тишине стало слышно тяжелое дыхание бегущего человека. К трактору подбежал Джурабек. Хамзин спрыгнул с машины.

— Что случилось, Джурабек-ата?—взволнованно спросил он.

Старик молчал, не в силах побороть одышку. Потом дотронулся рукой до высокого куста хлопчатника с отломленной верхушкой и сказал:

— Смотри сюда. Сколько кустов помял и поломал,—как шайтан по полю прошел.

«Неужели сбился с борозды?»—испуганно подумал Хамзин и проследил взглядом извилистый след тракторного колеса. След тянулся точно по середине междурядья. Саша недоуменно огляделся по сторонам, ища объяснения случившемуся, но не нашел его и полез под трактор. То, что он там увидел, поразило его. Кожуха бортовых передач безжалостно подминали высокие растения. Культивировать дальше было невозможно. Хамзин вывел машину с поля, заглушил мотор.

— Что ты делаешь?—встревоженно спросил Джурабек.

— Больше культивировать нельзя. Кожухи бортовых передач подминают и ломают все рослые кусты в обоих рядках. Доработались...

— Значит вся наша переделка...—начал Джурабек и не договорил, глянув в перекошенное лицо Хамзина. К трактору со всех сторон подошли рабочие. Хамзин посмотрел на них, бросился к мотоциклу,

резко нажал заводную педаль, вскочил в седло и помчался на центральную усадьбу.

Саша, не постучавшись, ворвался в кабинет директора. Набиев и Редькин стояли у карты земельных угодий совхоза. Редькин обернулся на шум, вынул трубку изо рта и пробасил:

— Ну как дела, герой?

Хамзин, задыхаясь от волнения, с трудом проговорил сдавленным голосом:

— Все пропало. Трактор больше не годится для культивации — он ломает высокие кусты.

— Что ты говоришь? — бледнея, спросил Набиев. — Расскажи толком.

Набиев и Редькин молча выслушали его рассказ. Так же молча они, будто по уговору, одновременно закурили. Вошел Мансуров. Он весело поздоровался и сказал Набиеву:

— Вчера вечером звонили из Министерства хлопководства. Тебя не было, переключились на меня. Завтра приезжает комиссия по проверке целесообразности и эффективности проведенной нами переделки машин.

Ему никто не ответил.

В кабинете была напряженная тишина. Мансуров быстро учуял обстановку, на его лице появилось выражение тревоги и настороженности. Его так и подмывало спросить «Что случилось?» Но он не спросил, — из осторожности...

Первым нарушил молчание Редькин. Он долго раскуривал потухшую трубку. Потом глубоко затянулся, подошел к Хамзину, тронул его за плечо и проговорил хриплым басом:

— Будем искать новый способ переделки. Твой принцип — правильный. Надо расширить расстояние между колесами, не перевертывая их. Это можно сделать другим путем.

— Будем искать и найдем, — поддержал агронома директор.

— А комиссия... — начал было Мансуров. Но его перебил Набиев.

— Черт с ней, с комиссией!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В просторном фойе районного Дома культуры было многолюдно. Нарядно одетые парни и девушки медленно прогуливались по кругу, громко смеялись и разговаривали. В уголках у стен стояли парни, которые не умели танцевать, они курили и зубоскалили. Под потолком плавали слоистые облака дыма. Пахло сапожным кремом, одеколоном, потом и табаком. Из буфета доносился звон посуды и хлопки открываемых бутылок.

Водки и вина в буфете не продавали, но кое-кто из парней был все-таки навеселе. Они бесцеремонно проталкивались через толпу, грубо хватая девушек за руки.

В зрительном зале на сцене появились четыре музыканта. Они уселись в кружок и занялись оживленной беседой. К ним то и дело подходили девушки, просили сыграть. «Ладно, успеется. Натанцуетесь еще», — отвечал дирижер — неряшливо одетый, обрюзгший мужчина. Однако просьбы становились все настойчивее. Дирижер нехотя поднялся, бросил на пол окурочок. Он призывно взмахнул лохматой, давно не чесаной головой и рванул меха аккордеона. Взвизгнула труба, глухо ударил барабан, нестройными аккордами отозвался расстроенный рояль. Все эти звуки слились в мелодию вальса. Обгоняя друг друга, молодежь хлынула в зал. Скамьи из зала были заблаговременно перенесены на сцену, расставлены вдоль стен. Вскоре звуки вальса сли-

лись с шарканьем ног: Вместе с облаками табачного дыма появилась пыль, поднятая танцующими. Яркий свет люстры померк.

Каждый танцевал по-своему,—как мог или как хотел. Несколько парней, обхватив друг друга, бешено кружились в людской толчее, кричали, свистели, толкались. Танцующие испуганно шарахались от них, девушки вскрикивали, громко ругали дурачившихся ребят. Многие парни танцевали в лихо сдвинутых на затылок кепках, мели пыль широченными брюками-клевш.

Оркестр умолк. Музыканты снова уселись в кружок. Включили радиолу. Из динамика послышался шум, треск, затем—хриплые звуки полки, под которую в зале начали танцевать фокстрот.

— Вот так у нас и проходят молодежные вечера,—сказала Турсуну неумеренно раскрашенная директриса Дома культуры.—Иногда бывают доклады, но наша молодежь их не любит. Пока идет доклад—зал пустой, а начнутся танцы—не продохнуть.

— Почему же молодежь не любит докладов?—спросил Турсун.

— Скучные они и длинные, да их еще и по бумажке читают. А молодежи требуется живое слово. И тема нужна интересная. О любви, например, или о дружбе. Можно, конечно, и о политике. Только покороче да поинтереснее.

— Ну, а разве нельзя установить здесь хотя бы мало-мальский порядок? Прекратить, например, курение, семячки, удалить всех, кто безобразничает...

— Попробуйте, установите...—перебила директриса, обиженно поджав неестественно яркие губы,—у нас даже милиция ничего не может сделать. Придут и стоят в уголке. Как только начнется какая-нибудь драка—они сразу исчезают. Да и ваши комсомольцы тоже хороши. Сами за порядок не следят, а только критикуют. Лучше бы взялись и показали как порядок наводить.

— Покажем!—весело отозвался Турсун, внимательно наблюдая за залом. Недавно созданная райкомом комсомольская бригада содействия милиции вышла сегодня на свое первое дежурство. Бригадмилыцы пока ничем не обнаруживали своего присутствия. Они только наблюдали, не вмешиваясь в ход вечера. Турсун заметил членов бригады—Нестерова, Вдовина, Султанова. Они расположились в разных углах зала и время от времени обменивались взглядами с Турсуном.

— Кого это вы высматриваете?—заинтересовалась директриса, перехватив взгляд Турсуна.—Или у вас здесь дама сердца?

— А как же!—засмеялся Турсун.

В этот момент в дверях зала появился высокий плечистый парень. Над глазами у него нависал огромный чуб. Шелковая вышитая рубашка была небрежно заправлена в брюки. Во рту—дымилась папироса, на голове еле держалась маленькая кепочка с крохотным козырьком. Парень остановился в дверях и, бессмысленно улыбаясь, оглядел зал.

— Ленька Бубенчиков пришел,—испуганно прошептала директриса.—Зря вы милицию отослали, сейчас начнется скандал и весь вечер сорвется.

Ленька медленно пошел через зал к сцене. Он шел в сопровождении нескольких парней. Они раскачивались, бесцеремонно задевая всех. Музыка смолкла, танцующие расступились, прижались к стенам. Все смотрели на Леньку. Он знал это и любовался собой. Выплюнув окурок, Бубенчиков подошел к скамье, занятой четырьмя парнями. Это была первая четверка комсомольского патруля, возглавляемая Нестеровым. Все заводские парни. Они сидели, тихо разговаривали, делали вид, что не обращают на Леньку никакого внимания. В зале стало тихо: все понимали, что сейчас вспыхнет ссора, а скорее всего—драка. Некоторые ждали столкновения с откровенным нетерпением, как ин-

тересного зрелища, без которого вечер не вечер. Любители подраться продвигались поближе к сцене. Шарипов, Султанов, Вдовин и еще десяток комсомольцев—членов бригады—тоже пробирались к скамье, на которой сидел Нестеров со своими комсомольцами.

Ленька Бубенчиков остановился против Платона. Некоторое время он стоял молча, широко расставив ноги, не вынимая рук из карманов. Комсомольцы по-прежнему разговаривали между собой и не обращали на него внимания.

— Эй, мальчики,—процедил Ленька сквозь крупные желтые зубы,— брысь отсюда, мне посидеть охота.

Комсомольцы продолжали разговаривать, будто и не слышали. По залу пополз смехок. Широкое лицо Леньки покраснело, глаза сощурились, злобно сверкнули. Он сразмаху опустил руку на лохматую голову Нестерова и с силой рванул его за волосы. Тот встал и сильно ударил Бубенчикова ребром ладони по руке. Ленькина рука беспомощно повисла, но он тут же выхватил из кармана другую, в которой было что-то зажато. В зале раздался визг. Вдовин схватил Леньку за руку. Четверо дружков Бубенчикова бросились было к нему, но их сразу же окружили члены бригады, рослые, сильные парни, готовые к бою. В глазах Леньки мелькнул испуг, он искоса глянул по сторонам и увидел откровенную насмешку на лицах парней и девушек.

— А ну,—заудел бас Нестерова,—топай отсюда. Брысь!

Ленька еле уловимо шевельнул плечом и ударил Платона в подбородок. Чьи-то железные пальцы рванули руки Бубенчикова, с хрустом вывернули их. Ленька закричал от боли и грязно выругался. Кольцо комсомольцев сжалось плотнее.

— Вон отсюда, шпана!—крикнул Платон и пятеро хулиганов в окружении комсомольцев пошли к выходу. Поднялся сильный шум. Со всех сторон неслись ядовитые восклицания, свист, хохот. Ленька Бубенчиков и его дружки шли, опустив головы, уткнув злобные взгляды в пол.

Через несколько минут шум стих. Аккордеонист взмахнул лохматой головой и оркестр начал играть танго. Надрывная тоскливая мелодия заполнила зал. Шарканье подошв усилилось. Хотя окна были раскрыты, в зале стояла невероятная духота, танцующие обливались потом. Но ругань смолкла, никто не курил. Среди танцующих расхаживали парни с красными повязками на рукавах. Время от времени слышались возгласы: «Сними кепку!» «Убери папироску!» «Брось курить!», «Танцуйте как следует!». Комсомольский патруль приступил к исполнению своих обязанностей.

Директриса молчала. Турсун не мог понять, довольна она или нет. Он весело спросил:

— Может, вызовем милицию?

Директриса ничуть не обиделась, она лукаво глянула на Турсуна и покачала головой, — дескать, обойдемся как-нибудь и без милиции...

Они постояли еще несколько минут и ушли в ее кабинет. Шарипов попросил ее рассказать о работе Дома культуры. Директриса натянуто улыбнулась и начала перечислять трудности в работе. Она говорила о малом штате, о плохом финансировании, о том, что не хватает средств на ремонт и оборудование и о многом другом. Турсун выслушал ее внимательно, потом спросил:

— Объясните мне, почему платный художник у вас есть, а хорошего коллектива художественной самодеятельности нет?

— Не интересуются,—жалобно ответила директриса, вытирая кружевным платочком лоб.—Не идет к нам молодежь. Несколько раз создавали мы и драм- и хоркружки. Две-три репетиции проведем и все

разваливается. Кое-как с помощью школы да педучилища проводим праздничные концерты.

По просьбе Шарипова пригласили хударку. Им оказался лохматый дирижер оркестра. От него пахло водочным перегаром. Он молча выслушал упреки Турсуна, несколько раз повторил «Виноват, исправлюсь» и ушел. Турсун долго еще сидел с директрисой—говорил с ней о будущей работе Дома культуры.

На прощанье директриса сказала:

— Если работники комсомола будут приходить сюда только для проверки—мы ничего не добьемся. Надо, чтобы они помогали нам, советовали, организовывали...

Турсун молча согласился.

На следующее утро он начал рабочий день беседой с Любушкой.

— Говорят, ты хорошо поёшь?

— Пою,—задорно откликнулась девушка.—А что?

Турсун улыбнулся, глянув на сияющее лицо Любы. «Значит примирение состоялось,—подумал он.—Теперь она любую гору с места сдвинет». Любушка заметила взгляд Турсуна, щеки ее покраснели, она отвернулась и стала преувеличенно внимательно смотреть в окно.

— И много ты знаешь песен?—весело спросил Турсун.

— Сколько знаю—все мой,—ответила Любушка, продолжая смотреть в окно.

Турсун покачал головой.

— Странно. Почему же тебя в хоркружке Дома культуры не видно и не слышно?

— А я в маслозаводском хоре пою. С меня этого довольно.

— Довольно,—передразнил Турсун.—Маслозаводской хор и без тебя процветает, а в Доме культуры без тебя ничего не получается. Ты нужна там как воздух. Выбирай: или ты идешь туда добровольно и создаешь хороший хоркружок, или мы закрепляем тебя как члена бюро и ты создаешь там хороший кружок. Что тебе больше нравится—добровольно или обязательно?

— Лучше, конечно, добровольно,—быстро ответила Любушка, тряхнув меднокрасными волосами.

— Ну и отлично. С этим покончено. Теперь скажи, как ты думаешь, можно в течение месяца подготовить хороший концерт самодеятельности с участием лучших исполнителей города?

— Почему в течение месяца? Что за событие произойдет через месяц?—удивилась Любушка.

— Месяц—условный срок. Если выйдет быстрее—еще лучше. Нам нужно общими силами провести в Доме культуры настоящий молодежный вечер. С хорошим докладом. Без шпаргалок и на интересную тему. С концертом, играми и аттракционами. Надо доказать, что танцы—не главная и далеко не обязательная часть хорошего молодежного вечера.

— Правильно,—мгновенно загорелась Люба.—Какой же доклад будет на этом вечере?

— Ну хотя бы «Каким должен быть советский молодой человек». Или еще что-нибудь в этом роде. Подходит?

— Очень даже. Только где мы докладчика возьмем без шпаргалок?

— Сам попробую сделать. Не знаю как получится, но попробую. Примеров из жизни нашей молодежи у нас сколько угодно, литературу нужную подберу. Словом, попробую. Я возьмусь за доклад, ты берись за концерт. Зульфие поручим игры и аттракционы.—Турсун начал быстро записывать: «Исаева—игры и аттракционы, Немцова—концерт самодеятельности, Нестеров—дежурство, Султанов—специальный номер «Колючки»... Но он тут же остановил себя.

— Впрочем, вот что. Давай к концу дня соберем человек пятнадцать-двадцать комсомольских активистов и поговорим с ними об этом вечере. Они многое нам подскажут. Там же договоримся, кто чем будет заниматься.

— Хорошо.

— Тогда оповещай народ. Соберемся в семь вечера. Да не забудь пригласить работников Дома культуры.

Вечером в райкоме комсомола собрались почти все секретари крупных комсомольских организаций города. В кабинете Шарипова негде было повернуться. Комсорги вполголоса переговаривались. Они недоумевали—зачем их собрали в районный комитет. Кое-кто возмутился—«Почему не сообщили, зачем вызывают?» «Почему заранее не объявили повестку дня совещания?»

— Успокойтесь, товарищи,—сказал Турсун, поднимаясь из-за стола.—Никакой повестки дня и не будет. Мы собрали вас, чтобы посоветоваться по одному делу.

Он рассказал о плане проведения большого молодежного вечера. Сообщение встретили восторженно. Тут же договорились, что будет делать каждая комсомольская организация. От поручений никто не отказывался. И хотя активистов было очень много, каждому нашлось дело по душе.

Затем Турсун рассказал о своем предполагаемом докладе. План доклада всем понравился. Комсорги привели много разных примеров из жизни молодежи города. Разошлись поздно. Исаева, прощаясь, сказала:

— Ну, Турсун, теперь дело за тобой. Хороший доклад—это половина успеха. Ты уж постарайся.

— Постараюсь,—пообещал он.

Шарипову много раз приходилось готовить различные доклады и выступления, но впервые он готовился так тщательно. Литературы оказалось очень мало да и та изобилвала общими рассуждениями. Он внимательно прочитал все, сделал нужные выписки и засел записание доклада.

До рассвета просиживал Турсун в своей комнате, писал, перечитывал, зачеркивал и—снова писал. В начале доклад точно соответствовал плану. Он был красиво написан, правилен, но не волновал Турсуна и никогда бы не взволновал слушателей. Турсун уничтожил написанное, отложил в сторону книги, засунул подальше газетные вырезки и начал писать заново. Он писал о том, что его волновало, писал с трудом, простым языком, но это были его мысли, это была жизнь, а она не укладывалась в гладкие фразы. Когда доклад был закончен, Турсун составил конспект. Из конспекта сделал тезисы, потом развернутый план, который уместился на нескольких страничках маленького блокнота. По этим страничкам Турсун несколько раз произнес свой доклад наедине.

За неделю до молодежного вечера на улицах города появились красочные афиши. Комсомольцы педучилища поработали на совесть. На афишах были изображены смеющиеся лица, танцующие пары и растянутые меха аккордеона. Начались непрерывные телефонные звонки. Каждая организация стремилась побольше получить приглашенных билетов. В конце концов пришлось их распределять на бюро.

И вот наступил долгожданный вечер. Задолго до открытия к Дому культуры потянулись стайки молодежи. Раньше всех пришли участники художественной самодеятельности, дежурные бригадмилцы, организаторы игр и аттракционов. Затем повалили приглашенные, они с трудом пробирались сквозь толпу мальчишек, осаждавших входные двери.

Зрительный зал был переполнен. Как всегда в таких случаях бывает, кое-кто оказался без места. Пострадавшие разместились в проходах и возле сцены, на принесенных скамьях и стульях.

Зал нетерпеливо шумел. Часто вспыхивали песни и тут же смолкали,—у певцов, видимо, не хватало терпения допевать их до конца. Ровно в назначенное время раздвинулся тяжелый плюшевый занавес. На сцене за столом сидели Исаева и Шарипов.

Под одобрительные возгласы и аплодисменты Исаева открыла молодежный вечер и предоставила слово Шарипову.

Докладчик подошел к трибуне и встал рядом с ней. Внешне Турсун выглядел спокойным, но на самом деле сильно волновался. Он вынул маленький блокнотик, полистал его, глянул в зал и сказал высоким напряженным голосом:

— Дорогие товарищи!

Он некоторое время молчал, вслушиваясь в настороженную тишину зала. Потом взволнованно заговорил:

— Мы пригласили вас на этот вечер, чтобы поговорить о том, каким должен быть советский молодой человек—строитель и гражданин коммунистического общества...

Турсун снова умолк, перевел дыхание и продолжал уже спокойнее.

— Мы с вами строим коммунизм. Такого общества еще не было на земле. И в этом новом обществе должны жить новые люди, люди с коммунистическим мировоззрением и моралью. Каждый из нас—будущий гражданин коммунистического общества—должен очистить себя от пережитков прошлого, от дурных привычек и обычаев.

Зал молча, внимательно слушал. Люди уже привыкли к докладчикам, которые, не поднимая головы, не глядя на слушателей, торопливо читали страницу за страницей—выбрасывали в зал чужие гладкие фразы, не наделяя их даже крупницей собственных чувств и мыслей. Люди, сидящие в зале, отвечали бездушным на бездушные слова оратора. Они переговаривались, грызли семечки, входили и выходили, с нетерпением ожидая окончания доклада.

Но доклад Шарипова оказался необычным. Он не читал, а говорил с людьми живым человеческим языком, делился своими мыслями и сомнениями, призывал думать вместе с ним. И они отвечали ему горячим сочувствием и вниманием. Было очень тихо. Но когда Шарипов заговорил об отрицательных явлениях среди молодежи и стал приводить примеры, зал ожил, зашевелился, зашумел.

— Есть у нас еще и такие юноши,—говорил Турсун,—которые не знают, куда девать свою удалую молодецкую, избыток сил и тратят их на хулиганство. Вот, например, шофер второй автобазы Леонид Бубенчиков. Вы, наверное, знаете его?

— Знаем!—дружно откликнулся зал.

— Ну, а кто не знает—может познакомиться. Вон он сидит и сердито хмурится.

Сотни голов повернулись к Леньке. Зал зашумел. Бубенчиков багрово покраснел, опустил голову, в то время как Шарипов рассказывал о его похождениях.

— Недавно на танцах комсомольцы дали Бубенчикову наглядный урок правил социалистического поведения, удалили его из зала. Но, видимо, этот урок не пошел ему на пользу. Несколькими днями назад комсомольский патруль еще раз встретился с Бубенчиковым в парке культуры и отдыха. Бубенчиков пытался пройти без билета в летний кинотеатр, оскорблял билетершу. Правда, когда он попал в руки бригадильцев, то моментально отрезвел, присмирел и даже попросил извинения. Комсомольцы его извинили, но в последний раз. Пора понять тебе, товарищ Бубенчиков, что время твое прошло. На

сотни, тысячи, а вас, Бубенчиковых, единицы, и если мы объединим свои усилия, возьмемся за дело всерьез, то раз и навсегда отобьем охоту у Бубенчикова и его дружков нарушать правила социалистического общежития. В случае необходимости комсомольцы так могут встряхнуть подгулявших молодцов, что они мгновенно отрезвеют. Ведь они же молодцы только против овцы, а против молодца—сами овца.

В зале загремел дружный раскатистый хохот. Кричали «Правильно!», «Давно пора!» Кто-то пронзительно свистнул и все потонуло в шумном потоке аплодисментов. Ленька вскочил, кое-как пробрался к проходу и выбежал из рукоплещущего зала. За это время Шарипов оглядел зал. Среди многих знакомых лиц он увидел Паромова и Фаязова, Таирову и Хамзина, Вдовина и Сабитову. Турсун вдруг почувствовал, что прочно связан невидимыми нитями со всеми этими людьми.

Когда зал успокоился, Шарипов снова заговорил. Он напомнил о необходимости борьбы с пьянством, назвал несколько фамилий молодых людей, увлекающихся спиртными напитками. В этот момент откуда-то из глубины зала донесся голос Яши Львова.

— Что же вы дружков-приятелей своих не называете? Расскажите лучше о Вдовине и о том, как вы этого пьяницу под крылышко посадили, пригрели и защитили!

Реплика Львова спутала мысли Турсуна. Он растерялся, нервно перелистал несколько страничек, переступил с ноги на ногу. В зале зашумели. Шум нарастал. В дальнем углу захлопали в ладоши. Турсун чувствовал: надо действовать, не допустить провала.

Он призывно вскинул руку над головой и крикнул:

— Я отвечаю товарищи!

Шум начал медленно стихать. Турсун с трудом преодолел растерянность и неторопливо, спокойно заговорил.

— Сережа Вдовин—не пьяница и не хулиган. Он—потомственный рабочий, честный и дисциплинированный парень. Но он молод. И по-молодости совершил ошибку. Плохой поступок. Товарищи-комсомольцы поправили его, наказали и газета покритиковала. По-моему, этого вполне достаточно. Разве за одну ошибку, за один поступок положено несколько наказаний. Тем более, что Сергей Вдовин ведет себя сейчас замечательно. Он не пьет и является лучшим бригадиром города. Не за то бьют, что человек ошибается, а за то, что не исправляется.

— Верно! Правильно!—послышались голоса, среди которых выделялся густой бас Нестерова.

— Ну вот, видите. Маслозаводцы говорят «Верно» — значит так оно и есть.

В зале одобрительно зашумели, захлопали. Турсун вновь ощутил связь со слушателями.

После окончания доклада он еще долго отвечал на вопросы. Когда занавес сдвинулся, Турсун почувствовал, что сильно устал, он прошел за кулисы, уединился в гримерной и с наслаждением закурил.

Но мысль о Люти подняла его с места. Погасив папиросу, он вышел в зал. Отвечал на шутки и реплики товарищей. Турсун искал взглядом Таирову. Он увидел ее, хотел подойти к ней, но его подозвал Паромов. За время разговора с Николаем Петровичем Люти куда-то исчезла.

Вскоре начался концерт художественной самодеятельности. Затем— в саду—игры и аттракционы, а в фойе—танцы. Только в половине второго ночи закончился этот необычный молодежный вечер.

Организаторы вечера вышли из Дома культуры последними.

— У тебя попутчики есть?—спросил Турсун Исаеву.

— Нет.

— Я провожу. А ты, Нестеров, позаботься о Любушке.

— Попробуй позаботься. Сережка меня в газированной воде утопит.

— Хватит,—беззлобно перебил приятеля Вдовин и, взяв Немцову под руку, быстро зашагал с ней вперед.

— Ни пуха, ни пера!—крикнул вдогонку Нестеров.

На перекрестке стали прощаться.

— До свидания,—сказал Турсун, пожимая товарищам руки.

— До завтра.

— До встречи.

— Всего доброго.

Была поздняя ночь. В отдалении затихли шаги товарищей. В тишине легко и четко постукивали маленькие каблучки Зульфий. Молодые люди шли не спеша—наслаждались ночной прохладой, беседовали. Оба находились под впечатлением только что закончившегося вечера. Яркий лунный свет проникал сквозь густые кроны деревьев, расстилая на тротуаре прихотливые узоры.

— А Львов все-таки не выдержал,—сказала Исаева,—лягнул.

— Он теперь окрылен. Сегодня получено решение обкома о восстановлении его в комсомоле. Придется выдавать этому прохвосту комсомольский билет.

— Жаль.

— Да, жалко, но ничего не поделаешь. Обком, когда разбирает апелляцию Львова, у нас даже объяснений не запросил.

— Шут с ним,—сказала Зульфийа.—Меня удивило сегодняшнее поведение Бубенчиков. Я думала, у этих ребят железные нервы.

— Смеха боится тот, кто даже ничего не боится, а Бубенчиковы по своей природе—трусы,—ответил Турсун.—Да, кстати, как поживает твоя Бибигуль? Не просится домой?

— Нет. Что ты! Она неплохо окончила семилетку. Сейчас готовится к поступлению в педучилище. Недавно приехала ее мать. Сначала пофыркала немножко—когда увидела Бибигуль в городском платье, а потом говорит: «Какая ты нарядная да красивая» и расплакалась. А моя мама к Бибигуль привязалась. Не отпущу, говорит, ее в общежитие. Я с ней согласна. Пусть живет. И ей лучше, и нам веселее.

Зульфийа жила далеко от центра в собственном маленьком домике. У низенькой калитки ее двора они простились. Протягивая руку Шарипову, Исаева спохватилась:

— Совсем забыла тебе сказать, Турсун. Скоро будет свадьба Лютфи Таировой. Мы без тебя решили преподнести молодым комсомольский подарок. Она же член бюро райкома комсомола, да и он молодой коммунист, бывший комсомолец. Пара—хорошая.

«Что?!»—хотел закричать Турсун, но во-время сдержался, задавил крик. Он заставил себя улыбнуться, торопливо пожал руку Исаевой.

— Да, давайте сделаем. Обязательно сделаем. Ну, до свидания...

Обратно он шел, не замечая дороги. Кружил по узким глухим переулкам окраины, забрел в пустой парк. Там он присел на скамью неподалеку от входа, жадно сосал погасшую папиросу, стараясь справиться с нахлынувшими мыслями. «Теперь не к чему скрывать от себя—люблю ее. Люблю давно, с первой встречи в райкоме комсомола. Нужно было сказать ей об этом. Может быть... Хотя нет, ничего не может быть... Ни-че-го. Ведь я же говорил ей, почти открыто признавался в своих чувствах. Она не захотела меня слушать, не захотела понять. Теперь это ясно. Ни к чему ей эти объяснения. Она равнодушна, безразлична, пожалуй, даже плохого мнения обо мне. Смотрит на меня, как на глупого мальчишку. Как же иначе можно объяснить ее слова в машине. Да и в городе навязала мне свою подругу, а сама

ушла. Нет! Все равно нужно пойти к ней, сказать ей, все сказать. Но она не будет слушать мои бредни. Я слишком глуп, бездарен и некадист для нее. Надо признать это и—идти спать...»

Стало трудно дышать. Турсун растегнул воротник рубашки, провел рукой по груди. Тупая боль жгла сердце.

Он отшвырнул изжеванную папиросу и закурил другую.

«Нет,—поправил он себя.—Так просто,—без боя, без сопротивления нельзя отказываться от своего счастья. Но как бороться. И—с кем? Если бы ее кто обижал. Ведь она же выходит замуж по доброй воле. Мешать ее замужеству — значит мешать ее счастью, причинять ей боль. Как хорошо, что не объяснился с ней до сих пор».

— Ерунда,—проговорил он вслух.

«Надо все-таки пойти к ней,—мелькнула мысль,—я знаю, где она живет. Постучу, извинюсь и—скажу ей все. Можно позвонить по телефону и предупредить. Пусть выгонит, пусть обругает—все равно. Я должен сказать ей о своей любви. Пусть решит. А что решать? Ведь свадьба уже решена. Назначен день, приглашены гости. К чему сейчас объясняться, если не сумел объяснить во-время? Это оскорбит ее. Ах, глупец!..»

Внезапно у входа в парк послышался шум.

— Что вы делаете, не смейте!—донесся женский голос.

— Иди, иди,—раздался хриплый голос мужчины.—Все равно никуда не денешься. Иди по-хорошему, а то...

— Пусти!—закричала женщина.—Пусти, негодяй!—Она захрипела,—видимо, ее душили.

Турсун вскочил и побежал к выходу. У калитки два парня тащили упиравшуюся девушку. Платье на ней было разорвано.

— Стой, мерзавцы!—закричал Шарипов. Парни опешили. Девушка вырвалась и убежала. Они кинулись было за ней, но вскоре вернулись. С ними шел еще один—в майке.

Турсун огляделся по сторонам. Кругом ни души. Понял—сейчас нападут.

Волнения сегодняшнего вечера взвинули нервную систему. Он без страха смотрел на приближающихся парней. Решил ударить в живот самого рослого и тогда убежать. Глянул вокруг, поднял с земли толстую палку—обломок городошной биты. Парни остановились. Лицо одного из них—в майке—показалось Турсуну знакомым. Видимо, поэтому он держался в тени, прячась за спины приятелей.

— Брось палку, сука, хуже будет,—прохрипел один.

Турсун угрожающе взмахнул палкой.

— Не лезь, башку размозжу!

— Дешовка...—процедил сквозь зубы другой и выхватил из кармана нож.

Все дальнейшее произошло очень быстро.

Турсун с силой ударил палкой по руке, сжимавшей нож. Он услышал как зазвенел металл на асфальте и снова замахнулся, но на него кинулись все трое. Еще раз с глухим стуком опустилась палка на чью-то спину, потом ее вышибли у него из рук и стали бить. Турсун защищался, наносил ответные удары, но на их стороне было огромное превосходство сил и опыта.

— Пусти,—донесся знакомый голос третьего в майке,—дай я садану.

Двое отскочили в сторону и тут же страшный удар в голову опрокинул Турсуна навзничь. Он ткнулся головой в придорожный арык.

Темное небо в звездах упало вдруг на землю, придавило его. Раскаленные звезды горели нестерпимо ярко, обжигали глаза. От жары было трудно дышать. Турсун жадно хватнул воздух окровавленным

ртом. Он хотел закричать, но голос осекся. В горле что-то захрипело и он впал в беспамятство.

Парень в майке наклонился над ним, глянул в залитое кровью лицо, грязно выругался. Они ушли, трусливо озираясь по сторонам.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Все перепуталось в жизни Лютфи. Давно ли она жила спокойно, не зная мучительных колебаний и неуверенности. Все было ясным и понятным. Она говорила то, что думала, делала то, что хотела.

И вдруг все изменилось. Она утратила душевный покой. Её угнетало чувство надвигающейся катастрофы.

Встреча с Турсуном на театральной площади помогла ей понять, что с ней происходит. У нее больше не оставалось сомнений. Она любила его, и сознавала, что эта любовь пришла к ней не во-время, поздно. Пришла и принесла страдание. Это чувство не дало уснуть ей в ту ночь, когда Турсун, шепнув «Я сейчас вернусь», пошел провожать её подругу. Лютфи стояла за занавеской у открытого окна и видела как он подошел к подъезду, постоял, отошел в сторону, потом вернулся и заходил перед домом. Сдерживая волнение, она слушала шум его шагов.

Если бы отец, мать, родственники примирились с нарушением освященных веками обычаев, она выбежала бы навстречу этому парню, который упрямо шагал под её окнами. На рассвете Турсун ушел. Она упала на кровать и разрыдалась. Плакала долго, неупорно.

Так повернулась жизнь Лютфи.

— Ты изменилась,—заботливо говорил Бурхан.

— Не знаю...—отвечала она.

Лютфи лгала жениху, обманывала себя. Теперь она уже понимала, что счастье её не с Бурханом. Он—умный, добрый, хороший, но—нелюбимый... Постороннему человеку её переживания могли показаться нелепыми и надуманными. Не любишь Бурхана—порви с ним. Любишь Турсуна—иди к нему. Всё примитивно просто. Но жизнь не любит примитивов. Порвать с Бурханом это значит порвать с прошлым—с обычаями, родственниками, друзьями. А что ждет её с Турсуном?

Бурхан приезжал к ней через день. Каждый раз он заводил разговор о будущей свадьбе. Лютфи делала вид, что слушает его и соглашается с ним. Бурхан уходил и она снова оставалась наедине со своими мыслями о Турсуне.

Вернувшись в Пахтаабад, Лютфи старалась не встречаться с Шариповым. Она перестала бывать в кино и парке. Из больницы торопливо возвращалась домой, не глядя по сторонам, пугаясь каждого оклика. «Только бы не встретиться с ним...».

В эти дни в районе создалось тяжелое положение с обработкой хлопчатника и Турсун, по заданию райкома партии, целые дни проводил в колхозах.

Он несколько раз звонил ей. Медицинская сестра, по просьбе Лютфи, отвечала, что Таировой нет в больнице или что она в операционной.

Лютфи не видела Турсуна и тревожилась, не зная, что происходит с ним. Её беспокоило, что он не пытается встретиться с ней.

«Может быть, он не любит меня...—с горечью думала она.—Значит я была права. Никакого большого чувства у него не было. Если бы он любил, то не успокоился, не отступил, не посмотрел бы ни на что. Нет, не любит он меня...»

Лютфи страдала от этих мыслей, но ничего не могла с собой поделать. Она пыталась обмануть себя. Заставляла себя думать, что ей хорошо, что поведение Турсуна только подтверждает ее мнение о нем. Но это продолжалось недолго. Снова и снова она осуждала Турсуна,

«Не надо!»—громко восклицает Лютфи и пробуждается от звука собственного голоса. Она оглядывает пустой кабинет и снова думает о нем.

Она вспоминает, как после доклада он разговаривал с кем-то, бегал взглядом по толпе, искал ее. Теперь она твердо знала—он искал ее. Может быть, ей не следовало уходить. Что ж, пусть бы это был их последний разговор, последняя встреча. Встреча со счастьем. Интересно, что бы он сказал ей?

В четвертом часу ночи Лютфи задремала, положив голову на руки. Она проснулась от шума и беготни в коридоре. Она встала, привычно одернула халат, поправила прическу и вышла в коридор.

В дверях, держась за косяк, стоял Шарипов. Шелковая рубашка на нем была разорвана, лицо изуродовано синяками, правая бровь рассечена, волосы и одежда в крови. Он еле стоял на ногах, бессмысленно глядя перед собой.

Медсестра прошептала:

— Сторож парка привел его, говорит, подобрал в арыке, около входа. Он, видно, никак еще в себя не придет.

— В перевязочную...—приказала Лютфи, стараясь говорить спокойно. Турсун услышал ее голос, вздрогнул, отыскал ее взглядом, и в глазах его засветилась радость. Он оттолкнулся рукой от двери и шагнул к ней. Страшный, жалкий, но любимый. Да, любимый. Сейчас она поняла это окончательно.

Две медсестры подхватили Турсуна под руки и повели в перевязочную. Там они усадили его, сняли рубашку, обмыли раны.

Лютфи перевязывала сама. Руки у нее дрожали, но она этого не замечала. Она смотрела в лицо Турсуна. Когда он вздрагивал от боли, сердце ее сжималось, ей хотелось сказать: «Потерпи, милый». Но вместо этого в тишине слышался ее негромкий голос:

— Бинт.

— Вату.

— Спирт.

Лютфи быстро закончила перевязку. Когда сестры вышли, она спросила Шарипова:

— Что с вами случилось?

Турсун долго молчал. Он смотрел в ее широко раскрытые глаза. Лютфи не опустила глаз, не отвернулась. Распухшие губы Турсуна шевельнулись, он сказал:

— Какие-то подлецы хотели изнасиловать девушку. Я вступился. Девушка убежала, а они накинулись на меня.

Лютфи хотелось приласкать его, прошептать:—«Какой ты хороший»... Но вместо этого она сказала:

— Вам придется остаться в больнице. А утром, если все будет благополучно,—отпустим.

— Нет,—сказал Турсун и поднялся...—Вот здесь, с вами рядом... я готов сидеть или стоять еще сутки... потому что... потому что...—Он шагнул к ней, покачнулся. Лютфи не могла отступить—боялась, что он упадет. Турсун сделал еще шаг, глянул ей в глаза и сказал:

— Потому что я люблю вас, Лютфи. Я знаю, что низко говорить вам об этом перед вашей свадьбой. Я не знал о ней раньше. Исаева мне только сегодня сказала. Но я люблю вас. Поймите это. И—простите меня. Я наверно сейчас смешон и глуп. Но, все равно, я люблю вас, Лютфи...

Бледный, с забинтованным лицом, без рубашки, он стоял перед ней и говорил. Лютфи была ошеломлена этим неожиданным объяснением. Ее испугала огромная, ни с чем несравнимая радость, нахлынувшая вдруг на нее. Турсун опять заговорил:

и снова хотела его видеть. Чем больше она думала о нем, тем больше его спрашивала. «Это—порядочный человек,—говорила она себе,— он узнал о моей свадьбе и не хочет мешать. Да, он порядочный человек. Но зачем мне такая порядочность...»

Лютфи несколько раз встречалась с Исаевой. Она останавливала Зульфию, подробно расспрашивала её о райкомовской жизни и замарала, когда упоминалось имя Турсуна. От Исаевой она узнала о молодежном вечере и о том, что докладчиком будет Шарипов.

Вечер состоялся за две недели до свадьбы. Лютфи дежурила в эту ночь. Это даже обрадовало её. Вряд ли она удержалась бы от соблазна хоть издали посмотреть на Турсуна, услышать его голос.

На дежурстве Лютфи нервничала, то и дело смотрела на часы, не находила себе места. За пятнадцать минут до открытия вечера она не выдержала—торопливо сняла халат, причесалась.

— Я схожу на часок в Дом культуры,—сказала она дежурной медсестре.—Тяжело больных нет, и думаю, за это время ничего не случится. Ну, а если что произойдет—пошлите за мной нянечку.

— Идите, идите Лютфи Таировна, ничего не случится, не маленькое,—успокоила ее сестра.

По дороге Лютфи мысленно оправдывала свой поступок. «Я—член бюро райкома комсомола и обязана присутствовать на молодежном вечере». Но она тут же остановила себя. Зачем этот самообман? Надо смотреть правде в глаза. Ей неудержимо хотелось увидеть Турсуна. Все равно теперь уже ничто не могло изменить ее судьбу. День свадьбы объявлен, гости приглашены, приготовления идут полным ходом,—отступать некуда. Почему же ей не испытать эту маленькую радость,— может быть, последнюю...

Лютфи пришла перед самым началом. Свободных мест не оказалось. Ей принесли стул. «Посижу минут десять и уйду»,—решила Лютфи. Но как только Турсун вышел на сцену, и, волнуясь, начал доклад, она позабыла о своем решении. Девушка взволнованно следила за каждым словом, за каждым жестом Шарипова. Когда Бубенчиков, под общий хохот, выходил из зала, сердце ее тревожно сжалось. «Зачем он так открыто и смело бросает им вызов? Они могут ему отомстить». Лютфи возненавидела Львова, когда тот попытался сбить докладчика и пожалела, что голосовала на бюро за строгий выговор. Не растеряется ли Турсун, ответит ли ему как нужно? Он ответил, и Лютфи вместе со всеми аплодировала ему.

После доклада Шарипов появился в зале. Лютфи показалось, что он ищет ее,—ведь он видел ее в зале. Она и хотела и боялась этой встречи. Вдруг он заговорит—выскажет все, о чем говорили его глаза при встречах. У нее не хватит сил солгать ему. Нужно было уходить и она ушла, убежала, спасаясь от него, спасаясь от себя...

В больнице было по-ночному тихо, пахло лекарствами и цветами. Лютфи прошла в кабинет дежурного врача, села в глубокое мягкое кресло, взяла в руки книгу и тут же отложила. Ею овладела непонятная тревога, смутное предчувствие беды. Лютфи вышла в коридор, заглянула в палаты, снова вернулась в кабинет. Стоило на мгновение закрыть глаза и рядом оказывался Турсун—красивый, взволнованный и смелый, каким она видела его на сцене. Вот он выходит, смущенный, даже немножко растерянный. Неуверенно звучат его первые слова. А вот он стоит на краю сцены, голос его звенит, он находит горячие, подходящие до сердца слова, и оттого в зале тихо,—все слушают его.

Перед Лютфи возникает его лицо—худое, скуластое, с умным, насмешливым взглядом. Губы Турсуна шевелятся, он что-то говорит ей, но так тихо, что она никак не может услышать. Да и зачем здесь слова? Она заглядывает в его глаза и сразу догадывается, о чем он говорит. Вот губы у него снова зашевелились, он снова хочет говорить.

— Я ни о чем вас не прошу: я не смею просить. Я хочу сказать только одно: не делайте этой свадьбы, отложите её. Подождите немного. Может быть, все изменится. Может быть, вы поймете, почувствуете... Пусть я мелкий эгоист. Презирайте меня за это. Но—поверьте мне. Я не могу, не хочу видеть вас ничьей женой... У меня не будет счастья без вас. Я понимаю, все это глупо, смешно. Но мне все равно,—теперь мне все равно...

— Успокойтесь, Турсун...—Лютфи показалось, что он сейчас упадет и она взяла его за руку. Ладонь у него была горячая, Лютфи тоже стало лихорадить.—Успокойтесь, Турсун,—повторила она.—Вам надо лежать. Мы проводим вас домой. А утром пришем врача. Если все будет хорошо—сами придете.

— Смеешься!—вдруг крикнул он и выдернул руку.—Смеешься надо мной. Еще бы, глупый парень объясняется в любви такой красивой и умной девушке, чужой невесте, перед самой свадьбой. Ну, давай, смейся. Смейся прямо в лицо. Я это заслужил. Мне только больно и обидно. Пусть все смеются и показывают на меня пальцами. Мне наплевать. Но ты... как ты можешь смеяться над моими словами?

Турсун задыхался. Его вдруг одолела ужасная слабость. Кружилась голова, темнело в глазах. Но он не застонал, не опустился на стул. Нет, не повалить его этой проклятой слабости! На лбу у него выступил пот. Он глубоко вздохнул и пошел к двери.

У самой двери обернулся и сказал:

— До свидания. Не нужны мне ваши провожатые. Я дойду сам...—И вдруг у него вырвалось неожиданно:—Лютфи. Любимая...

Лютфи вздрогнула, отвернулась. Она боялась взглянуть ему в глаза.

А он снова говорил:

— Я прошу еще раз, не спешి со свадьбой. Потому что, мне кажется, может быть, ты...

— Может быть, я полюблю тебя, — перебила она шепотом.—Нет, не может быть. Ты слышишь? Я люблю тебя...—В голосе Лютфи зазвенели слезы.—Ты доволен? Ты добился своего? Чужая невеста накануне свадьбы признается тебе в любви. Радуйся теперь...—Она больше не могла говорить и выбежала из перевязочной.

Турсун пошел было вслед за ней. Вошли медсестры, вывели его из больницы, усадили в машину скорой помощи и отвезли домой.

Турсун плохо помнил, что сказал матери и сестре. Он уснул на рассвете, и улыбался во сне.

Проснулся он в половине девятого и сразу же вспомнил ночной разговор с Лютфи. Мир вокруг стал голубым и радужным. Несмотря на уговоры матери, он не остался дома. Ему было тесно в комнатке, его неудержимо тянуло к людям.

В райкоме он застал целое собрание. Райкомовцы собрались в его кабинете и обсуждали: всем идти на квартиру к Турсуну или выделить представителей. Остановившись около приоткрытой двери, Турсун услышал голос Зульфий.

— По-моему, всем идти неудобно. Человек в таком состоянии, а мы ввалимся и поднимем шум.

— А, по-моему, удобно,—загорячилась Любушка.—Мы же по-дружески придем, а не официально.

— Верно,—пробасил Нестеров.—Идем все вместе.

— Зульфийа права. Неудобно всем. Надо хотя бы узнать заранее как он себя чувствует, а потом идти.

— Может поставим вопрос на голосование?—весело спросил Нестеров.

— Не надо голосовать, друзья,—сказал Шарипов, входя в каби-

нет.—Я решил выручить вас из затруднительного положения и пришел сам.

Все вскочили, окружили его, жали руки, засыпали вопросами. Во взглядах людей чувствовалась искренняя тревога. Турсун молча, благодарно улыбался.

Вскоре все в городе знали о ночном происшествии с секретарем райкома комсомола. Шарипову звонили, спрашивали о состоянии здоровья. Под разными предлогами у него побывали многие активисты. Все возмущались случившимся. Комсомольцы-бригадмилыцы поклялись разыскать преступников. Они обрадовались, когда Турсун вспомнил, что парня в голубой майке, державшегося в тени, видел на автобазе.

Несколько раз Турсун порывался узнать о Лютфи, но в больнице ее не было. В конце дня Зульфия Исаева ответила на волновавший его вопрос.

Она, как всегда, неслышно вошла в кабинет, села напротив и, опустив глаза, тихо сказала:

— Нехорошо получилось, Турсун.

— Что нехорошо?

— Что ты вчера ночью говорил с Лютфи. Одна медсестра слышала ваш разговор и все рассказала жениху. Лютфи заболела. Ты опозорил её.—Она взглянула на побледневшее лицо Турсуна и уже мягче добавила:—Я знаю, что ты по-настоящему любишь её. Но все равно ты не имел права говорить с ней. Если свадьба не состоится в назначенный срок, Лютфи будет окончательно опозорена. От нее откажутся родственники и родители, ей придется уехать отсюда. Но куда бы она ни скрылась, за ней придет её позор. Ты понимаешь, что наделал?

Турсун молчал. Известие о том, что он причинил страдание любимому человеку, ошеломило его.

— Что же делать?—с болью спросил он. И тут же ответил:—Надо пойти к ней.

— Нет, сейчас тебе нельзя идти туда. За домом наблюдает много глаз,—возразила Зульфия.

— Но она убита горем. Одиночество может...

— С ней находятся Бурхан и его родственники. Ты забыл, что через несколько дней свадьба.

— Неужели свадьба все-таки состоится?—с отчаянием воскликнул он.

— Наверно, состоится. Родители и родственники заставят Лютфи выйти замуж. К сожалению, у нас еще очень велика сила родителей и родственников. С их мнением приходится считаться. А родители Лютфи не отличаются современностью взглядов.

— Что же мне делать?—прошептал Турсун, обхватив руками забинтованную голову.—Что делать? Посоветуй, Зульфия. Помогите.

Лицо Зульфии преобразилось. Она хорошо знала жизнь, уважала Шарипова и Лютфи и из сурового судьи сразу превратилась в горячего доброжелателя. Она сказала:

— Даже в старое время, когда господствовали дикие законы и женщина не считалась человеком,—даже тогда любовь побеждала. Тахира и Зухру помнишь? Если Лютфи любит тебя, вы найдете выход из положения. Она уже знает о твоей любви. Поэтому жди. Говорят, ожидание—самая страшная пытка для влюбленных. Ну, ничего не поделаешь. Жди.

В порыве благодарности Турсун схватил маленькую руку Зульфии и с силой сжал её.

— Спасибо. Ты—настоящий друг.

— Иди домой,—ласково сказала она.—Сиди там и жди.

Но Турсун не мог ждать.

Когда серые июльские сумерки сгустились и ночь окутала город, он вышел на улицу. Глухими переулками он прошел к большому двухэтажному дому, в котором жила Лютфи. Турсун знал ее окна и без труда отыскал их взглядом. В окнах сиял свет. Турсун прижался к стволу большой чинары, росшей напротив дома, и стоял, не шевелясь, не спуская глаз с окон. Ему неудержимо хотелось заглянуть туда. Какие только мысли ни мелькали в его разгоряченной голове. То он хотел открыто и смело шагнуть через порог ее комнаты и громко сказать ошеломленным родственникам: «Вот я пришел». То появлялось желание проскользнуть туда невидимым, подойти к ней и тихо сказать:— «Не бойся, милая, я здесь, я с тобой». Турсун неподвижно стоял и смотрел. Ноги одеревенели, болела спина, но он не шевелился. Редкие прохожие подозрительно косились на него.

В подъезде дома послышались громкие голоса. Турсун вздрогнул, напряг зрение. Из дома вышли Лютфи и Бурхан. Они стали переходить улицу. Турсун услышал, как Лютфи сказала Бурхану: «Не провожай меня, я схожу одна. Мне нужно побыть одной». Когда Бурхан скрылся в подъезде, Турсун оторвался от ствола чинары и пошел за Лютфи. Скоро он догнал ее, некоторое время молча шел за ней, потом не выдержал и окликнул:

— Лютфи...

Она вздрогнула, но не оглянулась.

— Лютфи, милая...

Девушка круто свернула в переулок и остановилась, прижавшись спиной к высокому глиняному дувалу.

— Что тебе надо? Зачем ты пришел?

— Я пришел... Я не мог иначе. Я причинил тебе столько горя. Прости меня...—прошептал он.

— Разве за это просят прощения,—тихо сказала Лютфи.—Разве счастье может причинить человеку горе? Я только теперь...

Он не дал ей договорить. Порывисто обнял, привлек к себе и поцеловал в соленые от слез губы. Она попыталась высвободиться из его объятий. Он не выпускал ее и чуть слышно говорил:

— Мечта моя... Счастье мое...

Лютфи резко отстранилась от Турсуна, разорвав его объятия.

— Не надо,—строго и грустно прошептала она.—Не надо. Прощу тебя.

Она повернулась к нему спиной и шагнула в сторону.

— Постой!—воскликнул он.—Что же будет дальше?

— Не знаю. Ничего не знаю, — в голосе ее послышались слезы. Она поборолла их и спокойнее договорила:

— Наверное, все будет как нужно. А сейчас—уйди.

— Но я не могу ждать. Я не хочу ждать,—взмолился он.

— Жди... Пока ничего не ясно. Ничего. Кроме того, что я люблю тебя.

— Лютфи!

Она вздрогнула, сделала движение к нему, но пересилила себя и, круто повернувшись, убежала.

Турсун стоял и слушал, как затихал стук ее каблучков. Сердце его билось в такт ее быстрым шагам, тревожно и часто—тук-тук, тук-тук, тук-тук. Он прижал руку к груди словно хотел приостановить стремительный бег своего сердца.

Домой он шел медленно, ничего не видел и не слышал. Какая-то смутная тревога закралась в его душу. Было такое ощущение, будто что-то очень важное не договорено, что-то очень нужное не доделано. И от этого становилось не по себе. Хотелось повернуться, кинуться вслед за Лютфи, догнать её, до боли сжать в своих объятиях и цело-

вать, целовать мокрое от слез лицо. Но вспомнились ее слова: «Не надо». И он не побежал за ней, а тихо поплелся домой, разрываемый сомнениями.

Все перепуталось, всё смешалось. И сладость первого поцелуя, и горькая соль ее слез. И надежда, и неизвестность, и радость ответной любви, и горечь ненужной разлуки. Но самым мучительным было неведение. Что будет завтра, что будет с ней, с его Лютфи? Может быть, сейчас, сию минуту оскорбленный жених насмехается над ней, бьет её. А она одна перед ним—беззащитная, беспомощная.

Эта мысль обожгла Турсуна. Он кинулся к её дому. Бежал, не разбирая дороги. Сердце бешено колотилось где-то у самого горла, трудно было дышать, не хватало воздуха и он жадно ловил его раскрытым ртом.

У её подъезда стояли какие-то люди. Турсун увидел и остановился, схватившись рукой за колючую ветку акации. Он не почувствовал боли и долго стоял, сдерживая дыхание. Откуда-то издали донесся до него голос.

— Что же вы стоите на улице? Проходите.

Он понял: это Лютфи говорила тем людям, стоявшим у подъезда. Они вошли в дом и с ними вошла она.

Он с трудом оторвал себя от места и, волоча свинцовые ноги, побрел домой.

На улице была ночь. Тихая, теплая, звездная. Желтый полумесяц запутался в лохмотьях облаков и никак не мог выпутаться из них. В сонном безмолвии застыли деревья. Не слышно было ни шелеста листьев, ни голосов, ни шагов. Тишина.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В раскрытое окно слабо струилась легкая ночная прохлада. Львов ощущал ее обнаженной спиной. Он сидел в одних трусах за письменным столом. Тишину нарушало только тиканье будильника на комодке да шелест листьев за окном. Вокруг настольной лампы кружились бабочки. Они слепо налетали на стекло, обжигались, падали, взлетали и снова бросались на огонь. Какие-то букашки ползали по столу. Но Львов ничего не видел и не слышал. Он думал — упорно, напряженно. На высоком лбу набрякли морщины, полные губы были приоткрыты, взгляд неподвижен.

Будильник торопливо отсчитывал минуты. Скоро небо засветлеет на востоке, а на чистом листе бумаги не появилось еще ни одной строки.

На улице пронзительно закричала кошка. Львов испуганно вздрогнул, закрыл окно и снова склонился над столом.

Наконец, он решил и неторопливо, старательно написал:

«Первому секретарю обкома комсомола
товарищу А. И. Рубалину

Копия: редактору газеты «Комсомолец Таджикистана»
тов. Д. Б. Носову»

Потом он снова задумался, и уже окончательно решившись, стал быстро писать.

«Дорогой товарищ Рубалин! Мы, комсомольцы города Пахтаабада, решили написать вам это письмо, так как считаем, что без Вашего вмешательства обойтись невозможно».

Снова остановка, снова перо замерло над бумагой. Пауза. Мучительное, напряженное раздумье. Но вот перо дрогнуло, опустилось на бумагу и — снова делает свое дело.

«Семь месяцев назад на XI районной комсомольской конференции первым секретарем райкома комсомола был избран учитель Турсун Шарипов.

С первых дней работы в райкоме комсомола Шарипов зарекомендовал себя эгоистом и зазнайкой, о чем справедливо писала республиканская комсомольская газета.

В погоне за дешевым авторитетом Шарипов взял под свою опеку пьяниц и хулиганов, морально разложившихся людей. Об этом хорошо было известно обкому. Зато честных и нужных комсомолу людей Шарипов всячески третировал. Так, по его настоянию, вопреки решению общего комсомольского собрания был исключен из комсомола лучший преподаватель педучилища Львов, восстановленный впоследствии в ВЛКСМ решением обкома».

Оказывается, даже за глаза человека не так-то просто облить грязью. Яша Львов нервничал, чесал волосатую грудь. Еще несколько минут раздумья и — снова заработало перо.

«Шарипов на словах страстно борется за моральную чистоту молодежи. Он часто выступает с докладами о моральном облике советского молодого человека. Выступил он с таким докладом и на вечере в Доме культуры 26 июня с. г. Разгромил всех хулиганов и пьяниц, умолчав лишь о своих подопечных, вроде Сергея Вдовина, о котором писалось в газете «Комсомолец Таджикистана». Ему горячо аплодировала молодежь. А после доклада этот «вожак молодежи» нализался вдребезги и затеял с прохожими драку. Его крепко и за дело избивали. На утро он, пряча следы своих ночных походов, распустил слух о том, что на него будто бы напали неизвестные хулиганы, которые хотели изнасиловать неизвестную девушку, и, избив его, неизвестно куда скрылись».

Львов жирной чертой подчеркнул слова «неизвестные», «неизвестную», «неизвестно» и удовлетворенно улыбнулся. Получилось недурно, — с ядком и юмором. Это вдохновило его. Дальше он писал уже без перывов.

«Еще будучи студентом, Шарипов отличался необыкновенной любвеобильностью и моральной распущенностью. В институте за ним прочно закрепилась кличка «Дон Жуан». Порядочные девушки сторонились его, избегали с ним знакомства. Став районным руководителем, Шарипов решил, что высокий пост позволяет ему делать все, что он захочет. Он окончательно распоясался. Длительное время Шарипов преследовал члена бюро райкома хирурга Лютфи Таирову. Доведенная его приставаниями до отчаяния, Таирова перестала посещать бюро райкома (посмотрите в последние протоколы и вы не найдете ее фамилии). Даже узнав о том, что Таирова выходит замуж, Шарипов не прекратил преследования. Был уже назначен день свадьбы Таировой. Но и это не остановило Шарипова в его грязных замыслах. За несколько дней до свадьбы, используя создавшуюся обстановку, Шарипов соблазнил Таирову и опозорил ее.

Сейчас вся молодежь осуждает Таирову. В семье у нее скандал. Доведенная до отчаяния, девушка дважды пыталась покончить жизнь самоубийством. А Шарипов по-прежнему процветает. И этот моральный урод и развратник продолжает «руководить» райкомом комсомола!»

Львов на некоторое время задумался. Сощурился, глянул на яркий свет лампочки. Нужно было написать заключительный абзац письма. Он замурлыкал сквозь зубы. «Левая, правая где сторона. Улица, улица, ты ведь пьяна» и снова склонился над столом.

«Мы, комсомольские активисты города Пахтаабада, просим обком комсомола освободить нас от такого «руководителя», а газету просим помочь нам разоблачить и вывести на чистую воду этого проходимца, облаченного в тогу комсомольского работника.

По поручению комсомольских организаций педучилища, горбольницы, маслозавода, горисполкома, средней школы имени Навои, автобазы и гормолзавода — К. Сабитова, М. Долинина, П. Нестеров, А. Худоев, П. Рахимов, Т. Юдина, Д. Ахунов».

Львов подолгу обдумывал каждую подпись, ставил замысловатые закорючки, менял чернила, писал с нажимом и без нажима. Получилось правдоподобно.

Потом он переписал письмо, вложил оба экземпляра в конверты, надписал адреса. Конверты запечатывать не стал, решив утром на свежую голову еще раз перечитать письмо. Взглянул на будильник. Время — половина четвертого ночи, но спать не хотелось. Какое-то странное ощущение виновности овладело вдруг Львовым. Где-то в глубине души он сознавал, что сделал подлость. Но он нисколько не упрекал себя за это. Давным-давно Яша Львов пришел к убеждению, что в жизни нельзя добиться успеха, пренебрегая подлостью. Он не верил в честность окружающих его людей и сам не стремился к честности. Он завидовал дельцам, преуспевающим в жизни, нимало не смущаясь тем, что их благополучие зиждется на жульничестве или подхалимстве. Он завидовал даже своей теще — Марии Иосифовне Бельской, сумевшей безбедно прожить жизнь, не имея ни образования, ни специальности. Нет плохих путей в достижении хороших целей — раз и навсегда решил Львов. И сейчас он искренне обрадовался, что смог задушить зашевелившееся в душе сознание содеянной подлости. Он распахнул окно и жадными торопливыми затяжками выкурил папиросу.

Львов знал о плохих взаимоотношениях Турсуна с обкомом комсомола. Там, конечно, не преминут воспользоваться его письмом. Можно представить, как будет выглядеть Турсун, когда прочитает в газете еще одну статью о себе. «Вот тогда покажи свою принципиальность, товарищ секретарь», — мысленно обратился он к Шарипову. Злорадная улыбка оживила его помятое лицо. Он швырнул окурок, закрыл окно, потянулся и выключил свет.

Львов спал крепко. Он не слышал, как утром раскапризничался сын, и Роза унесла его в гостиную. Малыш долго плакал. Она ходила по комнате, баюкая его. Когда ребенок уснул, Роза положила его в уголок дивана и присела рядом. Она окинула скучающим взглядом комнату и увидела на столе письма. Два письма. Она знала: муж не любитель писать письма. Кому же адресованы эти письма? Любопытство подняло ее с дивана. Она подошла к столу, прочла адреса на конвертах. Удивленно пожалала плечами, вынула одно письмо и стала читать. Недоумение исчезло с ее лица. Молодая женщина с трудом дочитала письмо до конца, ее лицо покраснело от стыда и гнева.

Засунув письмо в конверт, она решительно направилась в спальню. Но снова заплакал ребенок. Роза взяла его на руки, дала грудь.

Из кухни донесся шум. Мать готовила завтрак. Роза прошла в кухню. Заспанная Мария Иосифовна стояла возле керосинки и счищала вилкой нагар с горящих фителей. Она взглянула на дочь и участливо спросила:

— Опять раскапризничался?

Роза не ответила. Она думала: сказать или нет о Яшиных письмах. Поймет ли мать ее, поддержит? Пристально взгляделась в дряблое, бледное материнское лицо. Решила — не поймет и не поддержит. Стало тоскливо на душе. Захотелось куда-нибудь уйти.

— Что-то у тебя нездоровый вид, Роза, — заговорила Мария Иосифовна. — Ты какая-то усталая, поблекшая. Надо больше бывать на воздухе и отдыхать. Сходи-ка за хлебом, пройдишь по улице, а малыша дай мне. Мы с ним будем готовить завтрак.

Роза молча передала ребенка матери, оделась и вышла. Город давно проснулся. На улицах былолюдно. Мимо пробежала стайка ребят-

шек. Около водоразборной колонки стояли женщины с ведрами и оживленно обменивались последними уличными новостями. Проплыл грузовик. У обочины дороги медленно прогуливалась голубиная пара, приглушенно воркуя. На перекрестке мальчишка понукал заупрямившегося осла.

В городе начинался трудовой день. В тысячах домов сейчас зажигались керосинки, включались электроплитки, голубыми огнями горели керогазы — готовились завтраки для людей, которые через час заполнят заводские цеха и учреждения, встанут к станкам, сядут за руль, склонятся над счетами и арифмометрами, приводя в движение огромную машину — государство. В этом государстве тысячи таких городов, больших и малых, населенных разными людьми, с разными взглядами на жизнь. И никому из них нет дела до молодой женщины, медленно идущей по узкой улочке небольшого среднеазиатского городка, расположенного в центре Вахшской долины. Розе стало грустно от этой мысли. В самом деле, кому она нужна, кого интересуют ее мысли и чувства? Этим людям, проходящим мимо нее, все равно, что она сейчас переживает. Идет куда-то молодая, красивая и немножко грустная женщина. И пусть себе идет. Роза пожалела о том, что за время отпуска редко встречалась со своими подругами. Они несколько раз приходили к ней. Яша встречал их подчеркнуто холодно и они перестали ходить. Сама она так и не собралась навестить их. Через десять дней кончается декретный отпуск. Яша настаивает, чтоб она взяла еще месячный отпуск без содержания, но она не делает этого. Она не хочет больше быть одинокой, чужой и ненужной. Она хочет жить.

Роза задумчиво шла по тротуару. Надо было разбудить мужа и поговорить с ним. Она давно уже не разговаривала с ним о делах, довольствуясь его скупыми сообщениями о событиях, происшедших с ним за день. Яша жил своей жизнью, приходил домой, как в гостиницу — пообедать, сменить белье и выспаться. Если Роза высказывала свое неудовольствие их отношениями, он сердился. «Неужели ты не понимаешь, что мне сейчас не до разговоров, — говорил он. Я, как проклятый, сижу над книгами, боюсь потерять хотя бы одну минуту свободного времени. И все это, между прочим, для нас, для нашего будущего. А ты дуешься и нервируешь меня». Мать поддерживала зятя, и Роза умолкала. А нужно было не молчать. Нужно было бороться за свое человеческое достоинство. Ей осточертела тишина в доме. Ей хотелось услышать веселый смех, поспорить, поговорить, даже поругаться. Ведь не для того же она выходила замуж, чтобы жить с человеком, который за день произносит десять слов. Она знала, что с другими Яша и весел и остроумен. Таким он был и с ней до женитьбы.

Теперь она не станет молчать. Она выскажет свое отношение к этому письму. Она назовет его поступок подлостью. Да, так именно и назовет. И скажет это прямо в глаза. Она простила ему все, но подлости не простит.

Хватит с нее молчания и покорности. Молчание означает одобрение. А она не может одобрять подлость. Роза понимала, что ее слова вызовут бешеный гнев мужа и недовольство матери. Но это уже не могло остановить ее. Она теперь не та робкая студенточка, которая боялась послушаться матери и сама оттолкнула от себя свое счастье. Она — мать. В ее руках будущее сына.

В глазах Розы появилось выражение решимости. Она стянула с себя оцепенение и пошла легкими быстрыми шагами. Ей казалось, что встречные смотрят на нее одобрительно, и от этого она еще выше поднимала красивую голову.

У хлебного магазина толпилась очередь. Что-то случилось с машиной, развозящей хлеб, и полки в магазине были пусты. Роза постоя-

ла немного, хотела вернуться домой, но в это время привезли хлеб и начали его выгружать. Пришлось остаться.

Когда Роза вернулась домой, мужа и матери уже не было. В кухне с ребенком сидела няня. Она каждый день приходила к восьми утра и уходила в восемь вечера.

Роза не стала завтракать. Она ушла в спальню и легла. Но она не смогла долго там лежать. Было невыносимо находиться одной в пустой комнате наедине со своими мыслями. Молодая женщина встала и пошла в кухню. Посидела там немного, прошла в гостиную. Потом снова вернулась в кухню. Долго показался ей этот день...

Львов пришел с работы позже обыкновенного. Подавая ужин, Роза неестественно громко спросила:

— Почему ты подделал подписи под этим грязным письмом?

— Под каким письмом? — переспросил он, занятый своими мыслями.

— Под заявлением о Шарипове в обком комсомола. Это же подлость, это...

Львов побледнел, рывком поднялся со стула, шагнул к ней. Он глянул ненавидящими глазами в ее лихорадочно блестящие глаза и закричал:

— Кто просил тебя читать мои письма?! Кто тебе поручил шпионить за мной? Это, по-твоему, благородно? Это не подло?

Молодая женщина сказала, запинаясь от волнения:

— Прочитать письмо мужа—не подлость, а то, что сделал ты, это...

— Роза! Успокойся! — крикнула вбежавшая на шум Мария Иосифовна. — Не горячись. Яшенька, не обращай на нее внимания. Она не спала всю ночь, переутомилась и нервничает.

— Не выгораживайте ее!—оборвал Яша тещу.—Она в здравом уме и поступает вполне обдуманно. Он снова повернулся к Розе. — Да, мое письмо — это подлость. А когда этот хам, этот Шарипов исключил меня из комсомола, — он поступил не подло? Пришел, пожрал, попил здесь, а потом прикинулся принципиальным и добился моего исключения. А тебе известно, что эта личность из себя представляет? Все, что написано в письме — правда. Понятно? А что я расписался за этих дураков — тоже беды нет. Сами они все равно никогда бы не осмелились написать такое письмо. Эти жалкие трусы привыкли всю жизнь потакать и угождать вышестоящим. А я...

— А ты — смелый и принципиальный, — перебила Роза. — Но почему же у тебя не хватило смелости поставить свою фамилию под этим письмом? Почему ты прячешься за чужие спины? Чужими руками обливаешь человека грязью. Жалкий трус и негодяй. И я... презираю тебя.

Львов схватил Розу за воротник блузки, рванул. На пол посыпались пуговицы.

— Ты... — прохрипел он, потрясая кулаком перед лицом жены.— Ты кто такая, чтобы судить меня? Безмозглая баба, судомойка паршивая.

Глаза его сверкали бешенством, волосатые пальцы судорожно сжимались и разжимались. Он с силой толкнул жену в грудь и завопил:

— Вон! Вон из дому! Убирайся отсюда грязная шпионка. Вон!

— Яша! — пронзительно закричала Мария Иосифовна. — Опомнись! Яша!—она схватила его за руку, успокаивающе гладила по плечу, насильно усадила на стул и, прижав его голову к животу, уговаривала. — Успокойся. Успокойся. Прошу тебя. Одумайся. Успокойся.

Лицо Розы окаменело. Прижавшись спиной к стене, она несколько секунд смотрела на мать и на мужа. У нее созрело отчаянное решение. Ни слова не сказав, она вышла из кухни. Быстрыми, неверными шагами прошла в спальню. Выхватила из кровати ребенка, укутала его и

выбежала из дому. Глухо звякнула щеколда, певуче проскрипели ржавые петли калитки, и Роза очутилась на улице.

Вечерняя окраинная улица была тиха и пустынна. Роза шла в сумерках наугад, не думая, не выбирая направления. Душевная боль гнала вперед. Она шла серединой дороги, пьяно качаясь. Ребенок сучил ножками и слабо пищал. Но Роза забыла о нем. Она шла и шла, не зная куда. Через полчаса она вышла за черту города. По обе стороны дороги раскинулись хлопковые поля.

Роза почувствовала сильную слабость. Она сошла с дороги, прижалась спиной к придорожному дереву, села на траву и впала в какое-то странное забытье. Сколько времени оно длилось, Роза не знала. Плач ребенка привел ее в себя. Она вздрогнула, открыла глаза, огляделась. Кругом было темно и тихо. Только ветер шуршал в ветвях хлопчатника.

Розе стало страшно. Страх поднял ее на ноги. Она увидела огни города и торопливо пошла на свет. Вскоре показались дома. Она узнала свою улицу и в пяти минутах ходьбы от дома остановилась. Присела на скамью у чьих-то ворот и задумалась.

Куда пойти? В какую дверь постучать? Кто приютит ее с ребенком на руках? Роза перебрала в памяти подруг. Ее, конечно, примет любая из них. Пожалеет, посочувствует, накормит и уложит спать. А дальше? Что будет дальше — завтра, послезавтра, через месяц? О ней станут сплетничать досужие кумушки. Каждый будет считать своим долгом залезть ей в душу грязными руками и копаться там, словно в корзине с белым. А сын? Кто заменит ему отца? Неужели он должен расти так же, как росла она?

При мысли о сыне молодая женщина заплакала.

— Роза... — раздался рядом приглушенный голос матери.—Роза, это ты?

Мать подошла, села рядом, притянула дочь к себе. Роза положила голову на материнскую грудь и разрыдалась. Мария Иосифовна тоже заплакала. Она гладила голову дочери и говорила сквозь слезы:

— Глупенькая моя. Куда же ты побежала? Из родного дома, с ребенком... Мы с Яшей весь город обегали. Он плачет, рвет на себе волосы. Думали, что с тобой какое несчастье случилось. Боже мой, доченька, да разве можно так расстраиваться? В жизни все будет—и хорошее и плохое. Нельзя все близко к сердцу принимать. Сердце — не железное. — Голос Марии Иосифовны окреп, слезы иссыкли. Она говорила медленно, с сознанием своей правоты и житейской опытности. — Ты думаешь, мне легко досталась эта жизнь? Нет, совсем не легко. А я, слава богу, сберегла себя, и тебя выходила, и внука еще хочу поставить на ноги. Сколько раз, бывало, поперек сердца делала, но — терпела. Терпенье — сестра разуму. Надо уметь терпеть. Нельзя сразу на дыбы становиться. Это к добру не приведет. Пойми меня, доченька, и послушайся материнского совета. Ведь я тебе только добра хочу. Я и живу-то теперь только ради тебя да твоего сына... — Она снова негромко заплакала. Потом вытерла слезы и снова заговорила. — Они, мужчины, все одинаковы,—им на мозоль не наступай. Видишь, как Яша сегодня взбеленился. А ведь когда ты убежала, плакать стал. Каялся и плакал, как дитя. Надо уметь во-время отступить перед мужем. Пока он горяч — ты помолчи, а когда остынет — можешь из него веревку вить.

От материнского голоса, от ласки, от слез на душе Розы стало спокойнее. У нее есть дом, есть мать, есть сын. С ними ей не страшны никакие житейские невзгоды. И все они любят ее. Каждый по-своему, но все-таки любят. А это — главное.

Мать помогла ей подняться со скамейки. Взяла у нее ребенка. И они пошли, прижавшись друг к другу. В темноте показались светлые окна родного дома. Роза глянула на них и улыбнулась сквозь слезы.

— Это ты, Турсун?—пробасил в трубку Нестеров.

— Я, Платон. Здравствуй. Как самочувствие? Что хорошего у тебя, что нового?

— Здравствуй. Хорошего ничего. Нового — тоже. А плохое есть. Случилось ЧП.

— Какое ЧП?

— Долго рассказывать по телефону. Лучше приходи к нам на завод. Я жду.

Турсун знал—Нестеров парень серьезный, словами на ветер не бросается. Если говорит, что произошло чрезвычайное происшествие, значит так оно и есть. Поэтому он не стал больше спрашивать и закончил разговор:

— Через пятнадцать минут буду.

«Что могло у него случиться?—размышлял Турсун.—Опять какое-то происшествие—много их было за последнее время...» Вчера утром Лютфи взяла отпуск и уехала в Сталинабад. Свадьба её окончательно расстроилась. Она сама сказала жениху о любви к Турсуну. Тот был потрясен. Уговаривал ее, просил, умолял, даже угрожал. Родственники жениха подняли шум. Лютфи оставалась неумолима. Тогда взбешенный Бурхан прибежал к Турсуну.

Турсун не ожидал этого и растерялся, увидев его у себя в кабинете. Бурхан был жалок и страшен в своем гневе. Всклопоченные волосы, дрожащие губы, выпученные глаза, сжатые кулаки. Весь его вид говорил о крайней степени возбуждения. Он не вошел, а ворвался в кабинет, с силой захлопнув за собой дверь.

Турсун встретился взглядом с его налитыми кровью глазами и сердце его дрогнуло от жалости. Он вышел из-за стола и остановился против Бурхана. Грудь в грудь. Бурхан был немного выше Турсуна, но уже его в плечах. Несколько секунд они молчали.

— Ты... — хриплым голосом заговорил Бурхан. — Ты подлец, свинья. Вот кто ты. Ты не таджик, а выродок. Противно марать руки, а то бы убил тебя как собаку.

Турсун молчал. Слова Бурхана жгли как удары камчи. Когда, задохнувшись от гнева, Бурхан умолк, Турсун негромко сказал:

— Ты не прав. Сядь. Поговорим.

— Собака! — взвизгнул Бурхан. — Ты хочешь околдовать меня своим зменным языком. Молчи. Я тебя, выродка... Он занес руку над головой.

Турсун шагнул к нему и сказал громким шепотом:

— Уходи отсюда. Быстро. Иначе...

Бурхан попятился.

— Ну! — крикнул Турсун. — Уходи! — Он с силой размахнулся. Но удара не последовало. Бурхан выскочил из кабинета и побежал к Паромову.

Какой там произошел разговор, Турсун не знал. Вечером Паромов вызвал его к себе. Как самому близкому человеку Турсун рассказал ему обо всем: о своих думах и переживаниях, о горькой и счастливой любви... Долго они говорили в вечерней тишине.

— Ничего, сынок, — закончил разговор Паромов. — Что так случилось — это хорошо — и для тебя, и для Лютфи, и для Бурхана.

Об этом разговоре Турсун сразу же написал Лютфи. Он звал ее назад, просил разрешения приехать к ней...

Нервы и без того были взвинчены пережитым, а тут еще одно чрезвычайное происшествие. Нужно идти на маслозавод и разбираться в этом происшествии. Турсун глубоко вздохнул, убрал бумаги со стола и вышел из кабинета.

Город тонул в зное и тишине. Людей на улицах было мало, в тени возле арыков дремали собаки. В арыках — сухо: воды не хватало на полив хлопчатника и ее очень скупо отпускали городу.

В проходной маслозавода вахтерша тяжело поднялась с табуретки, отерла ладонью потный лоб и, с трудом шевеля запекшимися губами, спросила Турсуна, куда и зачем он идет. Потом глянула на его удостоверение, разрешающе махнула рукой и снова опустилась на табурет.

Нестеров встретил Шарипова во дворе. Он был угрюм и зол. Отрывисто поздоровался и молча повел Турсуна в красный уголок, где находился стол секретаря комсомольской организации. Там он рассказал Шарипову о чрезвычайном происшествии в комсомольской организации маслозавода.

— Есть у нас одна комсомолка — Филатова Нюра. Недавно замуж вышла и стала от комсомола отворачиваться. Два месяца взносы не платит и на собрания не ходит. Сегодня в обеденный перерыв вызвал я ее, пожурил немножко. А она швырнула комсомольский билет и вот это заявление с просьбой исключить ее из рядов ВЛКСМ. Сама повернулась и — ушла.

Турсун никогда не сталкивался с подобными фактами. Он немало видел пассивных комсомольцев, беседовал с людьми, нарушающими комсомольскую дисциплину. Но до сих пор не встречался с человеком, который прямо и откровенно заявляет о своем нежелании состоять в ВЛКСМ. Сообщение Нестерова озадачило его. «Может быть, тут какая-то ошибка», — хотел он сказать, но, глянув на суровое лицо комсорга, промолчал. Турсун раскрыл комсомольский билет Филатовой. С маленькой фотографией на него глянуло миловидное девичье лицо с крохотной челкой на лбу. Турсун посмотрел на цифру в графе «год рождения» и мысленно подсчитал возраст Филатовой — двадцать три. Двадцать три года и просит исключить ее из комсомола. Это казалось невероятным.

— Ну, что ж, — вздохнул он. — Давай с ней побеседуем.

Нестеров ушел и вскоре вернулся с Филатовой — невысокой девушкой в голубеньком ситцевом сарафане. На голове тугим узлом закручена каштановая коса. Черты лица правильные. Глаза большие и удивительно синие, словно нарисованные.

Филатова села на краешек стула, повела круглым плечом, взмахнула ресницами и замерла в ожидании. Глаза у нее были такие удивительно чистые и детски наивные, что у Турсуна сразу исчезло раздражение и гнев.

Турсун мягко спросил:

— Это ты писала заявление?

— Я.

— Как же ты могла? Молодая девушка, да еще рабочая и вдруг заявление об уходе из комсомола. Ты понимаешь, что сделала?

Девушка молчала, опустив голову. Турсуну показалось, что она уже раскаивается и он еще больше смягчил голос.

— Скажи, ты «Молодую гвардию» Фадеева читала?

— Ну, читала, — ответила Филатова.

— А о Павле Корчагине слышала?

— Ну, слышала.

— Как же поднялась у тебя рука написать такое заявление? Ты опозорила весь комсомол, всю организацию, в которой состояли и Зоя Космодемьянская, и Олег Кошевой, и Павка Корчагин. Люди кровью своей завоевали право называться комсомольцами, а ты?

— А что я? — взволнованно спросила Филатова, и синие глаза ее влажно блеснули. — Что я? Если нужно, если Родине нужно я тоже себя не пожалею. Я тоже пойду — и в партизаны, и в подполье. Пусть

только партия скажет и я готова на все... — Голос ее осекся, она замолчала. Потом девушка заговорила снова — уже спокойнее. — Только это не имеет никакого отношения к комсомолу. Можно и не быть комсомольцем и любить свою Родину. А в комсомоле мне делать нечего. Только взносы плати да на собрания ходи. А чего я не видала на этих собраниях? План да обязательства, обязательства да план. Только и говорят, что о норме, да о браке, да о трудовой дисциплине. Надоело все это. Я план на двести процентов выполняю, и брака у меня не бывает, и прогулов нет.

Турсун молчал. Он как-то сразу понял, вернее, почувствовал, что девушка права. Но он хотел до конца убедиться в том, насколько Филатова права и поэтому сказал:

— Но ведь в комсомоле кроме собраний есть еще и политкружки, и художественная самодеятельность, и спортколлективы.

— Знаю я ваши политкружки. Три года ходила в начальный политкружок, и все три года Устав комсомола изучала. Наизусть вызубрила, а грамотнее не стала.

— А что же ты хотела бы изучать в политкружках, высшую математику, что ли?—сердито спросил Нестеров.

— Нет. Высшая математика мне не нужна. Меня вот путешествия всякие интересуют. Хочу знать, где и как на земле люди живут. Говорят, что где-то в Америке еще есть совсем дикие племена людоедов. Недавно я слышала по радио, как один норвежский ученый переплыл на плоту через океан. Вот это интересно. Если б об этом на кружке рассказывали, я бы туда всегда ходила. Да и не только я. Это многих интересует.

— Ну, а что тебя еще интересует? — снова спросил Нестеров.

Девушка неожиданно улыбнулась. Она доверчиво глянула на Шарипова и мечтательно сказала:

— Еще мне очень хочется научиться хорошо шить и обеды вкусные готовить.

— Так что же, по-твоему, на комсомольских собраниях надо обсуждать методику приготовления борщей и принципы кройки сарафанов? — вспыхнул Нестеров.

Филатова сразу сникла. Увяла ее улыбка, потух взгляд. Она ответила отчужденно:

— Я вас не заставляю это делать. Если хотите, обсуждайте план и дисциплину, а мне это надоело,—неинтересно, и я не хочу больше быть в вашей организации. Не хочу.

— погоди, — примиряюще сказал Турсун. — Ты сначала хорошо подумай. Ведь ты не из маслозаводской организации уходишь, а из комсомола.

— Я уже подумала. А сидеть мне некогда. Мне зарплату с выработки платят. Если нужно — приду после работы, а сейчас извините, мне некогда. До свидания.

Филатова ушла.

Турсун и Нестеров молча переглянулись и опустили головы. У Турсуна вспыхнула искра симпатии к этой девушке. Ему понравилась ее простота, прямота и правдивость. Она не оправдывалась, не изворачивалась, а говорила то, что думала, а думала она, вероятно, об этом немало. Турсун понимал. Филатову нельзя вернуть в организацию нажимом или обсуждением на собрании. Она была из той породы людей, которые, решив что-либо, не поддаются никаким уговорам. В ней угадывалось много нерастраченной молодой энергии. Если бы эту энергию направить в нужное русло. Если бы. А как?

Нестеров после долгой паузы спросил Шарипова:

— Что же, по-твоему, с ней делать?

— А как ты думаешь?

— Думаю обсудить ее на собрании, пристыдить еще раз как следует, и если не поможет — исключить.

Турсун покачал головой.

— Исключить ее не трудно. Но ведь она все-таки кое в чем права. Мы действительно очень однобоко работаем с комсомольцами, не знаем чем они интересуются, что их волнует. Мы ко всем подходим с одинаковой меркой. А ведь люди-то разные. Взгляды и вкусы, и интересы у них — тоже разные. И задача комсомольской организации — найти каждому дело по душе. А мы об этом забываем. И здесь Филатова права.

— Брось ты эту философию! — рассердился Нестеров. — Халаты и сарафаны, борщи и соусы — дело личное. А нам нужно план выполнять. Это дело общественное. Завод срывает квартальный план, понимаешь? У нас большие непроизводительные затраты, много продукции разбазаривается. Вот и решай, о чем нам на комсомольских собраниях говорить, — о кройке и шитье или о производстве.

— По-моему, нужно говорить и о том, и о другом. Но как это сделать? Давай денька два подождем, подумаем. Я кое с кем посоветуюсь. Тогда и решим.

— Как хочешь, — угрюмо пробурчал Нестеров. — Ждать не дожидать — иог не натрешь. Только учти, наши комсомольцы не позволят тянуть с этим делом.

Они холодно простились и разошлись.

Турсун медленно, задумчиво шел по дышащей зноем улице. Как же могло случиться, что молодая и неглупая девушка захотела вдруг уйти из комсомола? Когда она вступала в организацию, то была непоколебимо уверена, что ее место только там. Еще девчонкой зачитывалась она книгами о комсомольцах первых поколений. А как волновали ее подвиги сверстников в годы войны! И вот даже сейчас, когда Филатова заявила о том, что не хочет быть в комсомоле, — она по духу оставалась комсомолкой. Какой отчаянной решимостью загорелись ее глаза, как только она заговорила о Родине, о готовности умереть за нее. Турсун ей верил. И вот эта девушка — близкий и родной нам по духу человек — уходит от нас. Уходит только потому, что ее одолела скука.

Да, скука стала частой гостьей во многих комсомольских организациях. Турсун замечал это не раз. Маловато стало в них песен, комсомольского задора, мало интересных форм работы, зато много регламентаций и формальных условностей. Разве нельзя, например, на занятиях политкружка рассказывать об истории нашей Родины, о ее замечательных людях, о ее прекрасных делах? И рассказывать не по газетам, не по шпаргалкам, а живым, человеческим языком — с огоньком и задором. И кроме того, пусть сама молодежь определяет профиль кружка. И чем бы в нем ни занимались, он, при хорошем пропагандисте, всегда будет политическим. Или взять и создать в городе клуб юных путешественников! Пусть знает молодежь, как живет рабочему люду в других странах и землях. Тогда больше уважения будет к своей земле, хозяином которой является рабочий человек.

Мысли Турсуна прервали громкие крики детей. У водоразборной колонки полуголые мальчишки и девчонки устроили купальню. Они прикрепили к крану колонки короткий шланг и поливали из него друг друга. Дети пронзительно визжали и смеялись, падали в грязную лужу, образовавшуюся у колонки, вскакивали и снова лезли под холодную струю.

«Надо здесь срочно открыть сводную пионерскую дружину, — решил Турсун. — Маслозаводцам придется оборудовать место для этой дружины, построить душ или вырыть хауз. Только где же тут разме-

стить штаб дружины? Турсун заглянул в несколько дворов—пыльных и голых,—ни деревца, ни клумбы, ни скамейки. Здесь жили рабочие маслобойного, мотороремонтного и хлопкоочистительного заводов. «Проглядели,—упрекнул себя Турсун.—Надо было осенью озеленить тут все. А пока придется построить во дворе навес. Сегодня вечером соберем комсorghов трех заводов вместе с домкoмами и обо всем договоримся».

Незаметно для себя Шарипов пошел быстрее. Впереди ждали новые дела. Много дел.

Вечером дома Турсун нашел на столе в своей комнате бледнозеленый конверт—письмо от Лютфи. Он дрожащими руками разорвал конверт, вынул оттуда блокнотный листок и скользнул взглядом по строкам, написанным крупными круглыми буквами. В ушах зазвенел мягкий и ласковый голос Лютфи. Словно она стояла рядом и говорила.

— «Милый мой,—звучал ее голос, наполняя душу Турсуна щемящей радостью,—спешу обрадовать тебя приятным известием. Мама к великому моему удивлению не заболела, когда все узнала. Она долго плакала, а потом вдруг сказала: Я рада, что ты нашла то, чего искала». По ее настоятельной просьбе я вместе с ней недели на две выезжаю в Самарканд, к дяде».

Сердце Турсуна болезненно сжалось. Две недели—это очень долгий срок. Словно угадав его мысли, Лютфи писала:

«Я знаю, что ты опечалишься, узнав об этом. Мне тоже грустно. Очень грустно. Остается только одно утешение, что чем горше разлука, тем радостнее встреча. Милый Турсун. Это имя для меня стало самым дорогим. Я шепчу его, тихонько напеваю и пишу на подвернувшихся под руку клочках бумаги.

Не грусти. Пиши мне о своей жизни и любви. Письма твои прекрасны. Когда мне хочется поговорить с тобой—я перечитываю их.

Пора уходить. Мама торопит на вокзал. Обнимаю тебя и крепко целую столько раз, сколько тебе хочется.

Твоя Лютфи».

— Твоя Лютфи,—прошептал Турсун,—Твоя Лютфи,—повторил он громко и прижал письмо к лицу. Бумага хранила тонкий еле уловимый аромат дорогих духов—аромат Лютфи, аромат ее нежных красивых рук. Турсун погрузился в воспоминания.

Напрасно сестра звала его ужинать: Турсун не слышал. Она вошла в комнату, коснулась его плеча и весело засмеялась.

— Теперь я понимаю, почему говорят «сумасшедшая любовь...»

После ужина Турсун пошел в райком партии.

В кабинете Паромова горела только настольная лампа. В городе и районе все знали, что поздние часы Николай Петрович отводил «для сердца и ума». В это время он читал журналы и газеты, новинки политической и художественной литературы, перечитывал Ленина, подбирал материалы, необходимые для будущих выступлений и статей. В эти часы к нему приходили и звонили только в крайнем случае. Таким случаем для Шарипова была история с Филатовой. Он решил поговорить о ней с Паромовым, чтобы окончательно убедиться или в своей правоте, или в ошибке.

Каждый раз, когда Турсун встречался и беседовал с ним, ему казалось, что он прочитывал еще одну страницу великой книги революционного опыта, накопленного Паромовым за четверть века партийной работы. После такой беседы он чувствовал себя духовно обогащенным.

Паромов встретил Шарипова, как всегда, приветливо; спросил о здоровье, о настроении, о комсомольских делах. Турсун рассказал о Филатовой, подробно передал содержание разговора с ней.

Паромов слушал внимательно. Задал несколько вопросов. Долго молчал. Потом придвинул термос, налил в пиалу крепко заваренного чая, отпил несколько маленьких глотков, предложил закурить. Он с наслаждением затащнулся и медленно заговорил.

— Уход комсомольца из организации—это наша потеря, наша беда. Но во всякой беде, чтобы она снова не нагрянула, нужно тщательно разобраться. Кто же виноват в том, что молодая, хорошая работница уходит из комсомольской организации? Вы виноваты. Почему она уходит? Потому что вы не нашли для нее дела по душе, ничем не привязали ее к организации, не заинтересовали, не увлекли. А молодежь не может работать просто так, без увлечения, без огонька. При этом надо помнить, что у каждого свои увлечения, свои интересы, свои взгляды на жизнь. И все это должна учитывать комсомольская организация.

Паромов отпил несколько глотков чая и продолжал:—Вот вы во всех докладах, на всех совещаниях и собраниях твердите, что каждый комсомолец должен иметь комсомольское поручение. Это поручение—и есть то самое дело по душе, о котором я говорю. Нужно так устроить, чтобы каждый имел такое дело и на каждый день. Есть, конечно, поручения и неинтересные, и трудные, но мы должны добиться, чтобы юноша или девушка выполняли их тоже с охотой, с задором. Для этого надо доказать им важность и необходимость их работы. В этом, пожалуй, главная трудность. Да, в этом нелегко убедить...

Паромов задумчиво посмотрел перед собой и неожиданно спросил Турсуна:

— Ты знаешь, какое первое комсомольское поручение дали мне?

Николай Петрович улыбнулся, взгляд его потеплел. Он стал рассказывать.

— Было это в 1923 году. Я тогда только что пришел в город из глухой деревеньки. Пришел в лаптях, в домотканых штанах, с холщовой сумкой за плечами. Словом, в полном пастушьем обмундировании,—в деревне я пас кулацких коров. Встретили меня, шестнадцатилетнего комсомольца, хорошо и устроили работать на кожевенный завод. Завод был маленький, но ячейка комсомольская при нем—сильная.

Вечерами все парни и девушки нашего рабочего района собирались в заводском клубе. Слушали доклады, спорили, ставили собственные пьески, играли и пели. Хорошие были вечера, но хулиганы часто их срывали. Верховодил ими гармонист и плясун Сашка Курочкин. Высокий, кудрявый и наглый парень. Бывало, дружок его рванет первый аккорд «Сербяночки», выйдет Сашка в круг, топнет хромовым сапогом и кричит:

— А ну, комсомольцы-хвостомольцы, выходи на середину, плясать будем, кто кого перепляшет—того и верх!

А у нас никто не умел плясать. Сашка же мог дюжину колен выкинуть, не сходя с места. Мы сидим, злимся и помалкиваем. А он выберет самую красивую девушку и начнет перед ней такие коленца выделывать, такой дробью рассыпаться, да с припевками, с прибаутками, что даже нам нравилось! Парни ухают, присвистывают, а девушки в ладони бьют.

Вот тут и попробуй разверни против него агитацию. Девчата за него горой, о ребятах и говорить нечего. А он, сукин сын, вдобавок ко всему еще пел здорово. Идет, бывало, у нас доклад какой-нибудь, а он под окнами свою гармошку растянет и начнет частушки сыпать да пританцовывать. За полчаса клуб опустеет,—все, кроме комсомольцев, сбегут к Сашке.

Пробовали мы его уговаривать, пытались в нашу самостоятельность стянуть—ничего не вышло. Понял он, что слабоваты мы с ним тягаться.

ся и совсем обнаглел. Как только у нас какое-нибудь мероприятие— он гармошку в руки и возле клуба прохаживается. Да еще частушки кто-то ему придумывал против нас. До сих пор одну его частушку помню:

Воет ветер в чистом поле—
Будет дождичек опять.
Скучно девкам в комсомоле,—
Не с кем даже поплясать.

Однажды после очередного провала собралась вся наша ячейка. Сидим злые: обидно, что хулиган от нас молодежь увел. Секретарь ячейки думал-думал, да и говорит:

— Нечего злиться. Сами виноваты. Надо Сашке и его дружка бой дать и победить их.—«Ну, думаю, победишь их. Они, черти, каждый за семерых дерутся и ножи у них есть».—А победить мы их сможем,—говорит секретарь,—только при одном условии: когда у нас появится свой гармонист и плясун. Кто из вас умеет держать гармошку в руках?

— Я умею,—отвечает один парень.

— А играть можешь?

— Немножко могу.

— Ну, а гармонь у тебя есть?

— Нету.

— Ясно. Завтра получишь новую гармонь, и чтобы через месяц ты играл на ней не хуже Сашки. Это тебе наше боевое комсомольское поручение. А теперь нам нужно найти такого плясуна, чтоб Сашку забил.

Оглядел секретарь нас всех и вдруг говорит мне:

— Думаю это дело поручить Паромову. Он парень рослый, чубатый, видный. К тому же горячий и длинноногий. Вот пусть себе на здоровье и тренируется, а через месяц выпустим его против Сашки.

— Что ты!—взмолился я.—Какой из меня плясун? Я всю жизнь в лаптях ходил, кулачки коров пас.

— Значит у тебя развито классовое чутье и ты должен понимать интересы пролетариата. Ясно?

Мне, конечно, ничего не было ясно, но от первого комсомольского поручения я откаться не посмел. Согласился. А потом много раз каялся.

Ох и тяжело далось мне это поручение!.. Прикрепили ко мне какого-то танцора из нашего театра. Он был цыган и плясал лихо. Так, бывало, отхватит чечетку—искры из-под каблуков летят. Он через день показывал мне новые приемы. Целые вечера я топал ногами до полного изнеможения. Да все босиком,—сапогов-то жалко. Помню, как пачну эти дрови выколачивать, аж в глазах все двойится. Ходил как старец—ноги в коленях совсем не гнулись. За месяц одолел я полторы дюжины всяких там «па»—и в присядку, и с вывертом, и руками по подошвам прихлопывал и разные другие плясовые премудрости освоил.

Назначили мы вечер. Собралась тьма молодежи. Сидим, песни поем, а гармониста своего за сценой держим. Пришел Сашка с дружками. Расступился круг, вышел он на середину, топнул.

— А ну, комсомольчики, выходи на перепляс.

— Что ж, можно! —кричу я.

Все даже рты разинули. А Сашка петушится, папироску покуривает и плечами крутит,—видимость создает, что ему со мной тягаться одна забава. Вышел я в круг, встал напротив, рубаху одернул, начищенным сапогом постукал.

— Давай, не сходя с места,—предлагает Сашка.

— Давай,—соглашаюсь я.

И началась пляска. Даже сейчас вспомнить страшно. Как скачки. Из последних сил, кто кого перепляшет. Тринадцать колен оторвал Сашка, а я—четыринадцать. Шум поднялся невообразимый. Поднял Сашка своих дружков и — к выходу. Девушки за ним тронулись, но тут из-за сцены наш гармонист вышел да как рванул такую «Подгорную», что душа в пятки запросилась. Повернули назад девчата—и в пляс...

Николай Петрович, улыбаясь, долго смотрел куда-то вдаль, в давно прошедшие годы комсомольской юности. Шарипов молча сидел, боясь отпугнуть от него воспоминания.

Паромов медленно, неохотно оторвался от воспоминаний и сказал Турсуну:

—Найдите Филатовой какое-то настоящее дело по душе. Чтобы сумела она на этом деле показать себя, раскрыть свои лучшие стороны, загореться. Поручите ей, например, организацию курсов кройки шитья или создайте какой-нибудь клуб домоводства и введите ее в совет этого клуба. Дайте ей возможность работать в секции кулинарии. Что улыбаешься? Комсомол должен первым откликаться на все запросы молодежи и полностью их удовлетворять. Тогда молодежь никуда не пойдет из комсомола. Интересуются девчата шитьем и кройкой—организуйте такие курсы. Хотят парни путешествовать—создавайте туристские секции. Все здоровые интересы молодежи комсомол должен не только замечать, но и поддерживать, и удовлетворять.

...Вскоре при райкомё комсомола был создан городской клуб девушек. Заместителем председателя этого клуба была единодушно избрана комсомолка маслозавода Нюра Филатова. А при Доме культуры начал работать клуб интересных встреч.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В парткабинете райкома партии было необычно шумно. Слышались веселые молодые голоса, песни, смех.

Здесь собрались секретари комсомольских организаций колхозов, совхозов и МТС, бригадиры молодежных хлопководческих бригад. Находились тут и пожилые люди. Раздавался густой, прокуренный бас совхозного агронома Редькина. Он о чем-то оживленно беседовал с Джурабеком Асроровым. Старик стоял у окна и крутил в больших загрелых руках маленькую красивую тыквенную табакерку с насом—жевательным табаком. За несколько минут до начала в зале появились Паромов и Фаязов.

Шарипов открыл совещание.

—Товарищи, райком комсомола с помощью агрономов и молодых хлопкоробов проверил состояние хлопчатника на полях комсомольско-молодежных высокоурожайных бригад. Мы пригласили вас сюда, чтобы обсудить итоги этой взаимопроверки и договориться об устранении вскрытых недостатков. Предоставляем слово руководителю штаба взаимопроверки главному агроному совхоза имени Дзержинского товарищу Редькину.

Главный агроном сунул в карман трубку, гулко откашлялся, неторопливо прошел к столу и начал свою речь. Он говорил о приближающейся уборке хлопчатника. Потом стал перечислять недостатки в работе молодежных бригад на обработке. Редькин назвал бригаду Аюбова из колхоза имени Ленина и сделал большую паузу, задумался. Он было извлек из кармана трубку, полез за кисетом, но вовремя спохватился и спрятал трубку. Потом откашлялся, пригладил усы и сказал:

— Комсомольская бригада Аюбова—одна из двадцати бригад нашего района, которые перешли на посев хлопчатника с суженными сорокапятисантиметровыми междурядьями. И надо сказать, она прекрасно справилась с этим опытом. Уже сейчас, за две-три недели до уборки, ясно, что урожай на участках с суженными междурядьями будет значительно выше, чем на полях с обычными шестидецатисантиметровыми междурядьями. Причем, аюбовцы потратили на обработку столько же трудодней, сколько и другие бригады колхоза. Значит хлопок у них будет намного дешевле, а трудодень—дороже. Вы понимаете, товарищи, что это значит?

Лицо Редькина порозовело, глаза загорелись молодым задорным огнем, жесты стали энергичными, голос зазвенел.

— Это значит, что новая агротехника побеждает. И если наши механизаторы переделают достаточное количество тракторов и других сельхозмашин—мы на будущий год засеем по узким междурядьям уже не сотни, а тысячи гектаров хлопчатника. Тысячи! И будем обрабатывать эти поля только машинами—прекрасным способом, вдоль и поперек. Освободим тогда наших хлопкоробов от тяжелого труда, простимся с дедушкой кетменем!

Редькина слушали внимательно. Лица собравшихся были взволнованы видением близкого будущего. Только скорее бы переделать машины!

Редькин подробно рассказал о состоянии хлопчатника на полях с суженными междурядьями. Он назвал число коробочек на каждом кусте, количество кустов на одном гектаре. Несмотря на обилие цифр, агронома слушали с большим интересом. Никто не заметил, как в зал вошел инструктор обкома комсомола Шукуров. Он сел в уголке, и стал скачающим взглядом рассматривать собравшихся.

Шукуров посидел минут двадцать и также незаметно ушел. Вечером он зашел в кабинет к Шарипову. Инструктор поздоровался и сказал:

— Ну вот мы и опять встретились. Сегодня беспокоить тебя не буду. Позвони, пожалуйста, в гостиницу, чтобы мне одиночный номерок организовали.

Турсун позвонил. Шукуров простился и ушел.

Появился он на следующее утро. Вошел, поздоровался, присел к столу и строго проговорил:

— Бюро обкома комсомола поручило мне проверить сигналы о твоём недостойном поведении. Будем, наверное, обсуждать тебя на бюро. Ты знаешь, о чем пойдет речь?

— Нет.

— Не прикидывайся наивным. Ты прекрасно понимаешь, что твоя драка и вся эта история с Таировой не могут остаться без последствий. Ты скомпрометировал себя этими поступками и будешь отвечать за них перед обкомом.

Турсун внимательно посмотрел на Шукурова и решил, что спорить бесполезно. Инструктор обкома приехал, видимо, уже с готовым мнением и никакими доводами его не переубедишь. Он ответил тихо, твердо:

— Ну что же, я готов отвечать.

Шукуров истолковал эти слова по-своему,—как признание Шариповым своей вины. Он удовлетворенно крикнул, полистал большой настольный блокнот и попросил подробно рассказать о драке в парке. Турсун рассказал. Шукуров выслушал его, записал в блокноте, потом спросил:

— Признайся по-честному, по-партийному, ты тогда был пьян?

Шарипова возмутил этот вопрос. Где же он мог выпить, если только в половине второго закончился вечер и он сразу же пошел провожать Исаеву.

Инструктор усмехнулся.

— Ну знаешь, это дело нехитрое. Даже в том месте, где молятся, всегда можно найти скорпиона. Так что не прикидывайся святошей. Выпить можно всегда и в любом месте.

Турсун вскочил, глянул загоревшимися глазами на Шукурова и резко бросил:

— Я не хочу разговаривать на эту тему. Можете проводить ваше следствие как угодно, но ко мне больше не обращайтесь.—И стремительно вышел из кабинета.

Шукуров уехал в тот же день, а на другой день Турсун получил телеграмму с вызовом на бюро обкома комсомола. Его провожали Нестеров, Вдовин, Сабитова, Халиков. Настроение у всех было пониженное. Говорили мало, шутили невесело. Пожимая Турсуну руку, Халиков негромко сказал:

— Ты звони мне.

— Ладно.

Сидя у окна тяжелого голубого автобуса, неуклюже взбиравшегося на перевал, Турсун думал о предстоящем разговоре в обкоме комсомола. Судя по поведению Шукурова, разговор будет очень трудным. Готовясь к нему, Турсун восстанавливал в памяти все, что проделано райкомом комсомола.

Мимо раскрытых окон автобуса плыли бурые склоны гор. Колочей шетиной торчала давно засохшая трава. Местами дорога резко поднималась по склону, и тогда мотор автобуса начинал напряженно гудеть, пока не вытягивал машину до ближайшего поворота.

Соседом Турсуна оказался высокий пожилой мужчина с огромной лысиной. На крупном мясистом носу его висели большие роговые очки. Это был директор детской технической станции Семенов. Турсун однажды встречался с ним и потому не удивился, когда тот спросил:

— Вы в центр, товарищ Шарипов?

— Да. А вы туда же?

— Туда,—раздраженно подтвердил Семенов.—Туда. Вот уже третий раз еду. Бегаю по всем инстанциям, ругаюсь, шумлю, хлопочу. И—никакого толку.

— Чего вы добиваетесь?—спросил Турсун.

— Оборудования. Вы же были у нас. Убожество! Станков—нет, инструментов—нет, материалов—нет, денег на ремонт—тоже нет. А без денег и материалов что сделаешь? У нас сейчас работают шесть кружков, в них почти двести ребят. Каждого надо занять, каждому надо дать дело по душе. А для этого нужно оборудование. Вот посмотрите,—Семенов извлек из портфеля кипу бумаг, торопливо отыскал нужную и протянул Турсуну.—Полубойтесь, что нам надо. И учтите, что это самые скромные требования. Все, конечно, соглашаются с нами, все обещают, требуют дополнительных записок, смет, расчетов. А толку—никакого!

Турсун поинтересовался, в каких организациях побывал Семенов. Тот быстро перечислил название организаций и фамилии людей.

— Почему бы вам, комсомолу, не помочь нам в этом деле? Критикуете вы нас часто и правильно. Мы не обижаемся. Критикуйте, но ведь и помочь нам, наверно, не грех.

— Хорошо,—согласился Турсун.—Давайте встретимся завтра вечером в гостинице. Все обдумаем, а послезавтра посвятим хождениям. Я думаю, что с помощью ЦК комсомола мне удастся добиться приема у министра просвещения. А может быть, побываем в отделе школ обкома партии. Одним словом, попробуем пройти в самые высокие инстанции, от которых зависит ваше дело.

Семенов молча, растроганно пожал Турсуну руку. А через минуту он принялся с увлечением рассказывать о своих мальчиках, которые безумно хотят научиться водить автомобиль. В одной МТС есть подлежащая списанию автомашина. Ее можно было бы передать ДТС. Моторемонтный завод отремонтировал бы машину. И тогда можно было бы открыть еще один кружок—автомобильный. Но вот беда—МТС не передает автомашину, а ремзавод—не соглашается ее бесплатно ремонтировать. Турсун обещал, что по возвращении домой поможет станции получить машину и отремонтировать ее.

Неожиданно разговор зашел о прошлом республики. Семенов оказался одним из ветеранов борьбы за установление советской власти в Таджикистане. Он интересно рассказывал о первых шагах Советской власти в республике. С удивительной точностью называл он даты и фамилии участников событий.

Увлеченные разговором, они не заметили, как промелькнули два часа пути. Простились приятелями, хотя один другому годился в сыновья.

В обкоме комсомола Турсуну сказали, что заседание бюро состоится завтра. Шарипов сразу заметил, что некоторые обкомовские работники во время разговора отводили глаза в сторону, принимались озабоченно рыться в столах, и, сославшись на занятость, предлагали встретиться завтра, после бюро.

Турсун отправился в Центральный Комитет комсомола республики. Зашел к секретарю ЦК, ведающему школьными вопросами, рассказал о нуждах детской технической станции. Секретарь ЦК позвонил министру просвещения и условился, что тот послезавтра примет Турсуна вместе с директором ДТС.

...Заседание бюро обкома комсомола состоялось в два часа. Оно проходило в кабинете Рубалина. Дело Шарипова разбиралось последним. Турсун сидел в приемной, ожидая своей очереди. Когда дверь кабинета открывалась, оттуда доносились громкие, резкие голоса. Наконец, какая-то девушка высунула голову из двери и строго сказала Турсуну:

— Товарищ Шарипов, заходите.

Турсун поднялся и шагнул к двери. Но едва он взялся за ручку, как та же девушка загородила ему дорогу.

— Вам придется подождать,—по-прежнему строго сказала она.— Сейчас будет небольшой перерыв.

Турсун удивился: зачем устраивать перерыв перед обсуждением последнего вопроса?

А перерыв был нужен.

Перед началом обсуждения Шарипова Рубалин прочитал членам бюро коллективное письмо группы комсомольцев, написанное Львовым и сообщившее результаты проверки, проведенной Шукуровым. Факты, изложенные в письме, полностью подтвердились. Шарипов действительно затеял драку с какими-то прохожими и был ими избит. Правда, он утверждал, что был трезв и защищал какую-то девушку. Но это—детская уловка, попытка уйти от ответственности, прикрыть неблагоприятный поступок благородными мотивами. Кроме того, Шарипов грубо вломился в личную жизнь Таировой и опозорил себя на весь район. Таирова скрылась из района в неизвестном направлении. Ее жених уволился и тоже исчез из района.

— Так что моральный облик этого деятеля ясен. Ясен,—сказал Рубалин.—Идейный уровень его не выше морального. Не выше морального.

Рубалин подробно рассказал о «нездоровых настроениях» Шарипова, о его стремлении подвергнуть пересмотру все теоретические и организационные принципы построения комсомола. Не скупясь на

краски, он поведал членам бюро о том, как Шарипов систематически срывал отчетность, показывал в отчетах цифры не соответствующие действительности, неоднократно дискредитировал работников обкома, не считаясь с ними, пренебрегая их указаниями, и, наконец, отказался разговаривать с Шукуровым, разыграв невинно-оскорбленного.

Все согласились с Рубалиным—Шарипова надо снять с работы.

Рубалин сказал девушке-инструктору орготдела—«Вызовите Шарипова», но в это время присутствующий на бюро заведующий комсомольским сектором обкома партии вдруг заявил, что без согласования с райкомом партии такой вопрос решать нельзя. Шукуров, когда находился в районе, не смог переговорить с Паромовым. Оставался единственный выход—созвониться с ним по телефону и поставить в известность о снятии Шарипова. Рубалин не стал спорить. Он заказал срочный телефонный разговор с Пахтабадом и объявил часовой перерыв.

Через несколько минут раздался звонок междугородной станции. Рубалин поспешно снял трубку. Присутствующие в кабинете смолкли.

— Пахтабад на линии,—донесся голос телефонистки.

— Мне Паромова.

— Соединяю.

Услышав в трубке паромовский голос, Рубалин заговорил.

— Здравствуйте, товарищ Паромов. Говорит Рубалин из обкома комсомола. У нас сейчас идет бюро обкома. Мы обсуждаем поведение вашего первого секретаря райкома комсомола и пришли к единодушному мнению, что его нельзя больше оставлять у руководства райкомом. Нельзя оставлять у руководства. Шарипов морально разложился, дискредитировал себя в глазах молодежи и к тому же грубо попирает уставные положения комсомола.

— Мы прямо противоположного мнения о Шарипове,—сказал Паромов.—Райком партии считает, что у вас нет никаких оснований принимать решение о снятии Шарипова, к тому же мы не так далеко друг от друга, чтобы вопрос о судьбе коммуниста решать по телефону. Приезжайте и разберемся здесь. Если же вы очень заняты, я готов сам приехать к вам.

— Но ведь Шарипов морально разложившийся человек...

— Я не хочу выслушивать грязные сплетни о коммунисте Шарипове,—перебил Паромов.—Секретарю обкома комсомола не пристало делать о людях выводы на основании базарной информации. Если вы хотите решать вопрос о Шарипове по-партийному—приезжайте в райком. Иных решений мы не признаем и будем добиваться их пересмотра. Все. До свидания.

Рубалин знал: Паромов—депутат Верховного Совета СССР, член ЦК партии республики, Герой Социалистического Труда. Человек уважаемый и авторитетный. Идти в одиночку против него—бессмысленно. Нужна решительная поддержка обкома партии.

Бледный, с лиловыми губами он швырнул телефонную трубку, обвел взглядом притихших членов бюро, процедил сквозь зубы:

— Паромов вцепился в Шарипова обеими руками. Категорически возражает. Вы подождите с полчаса, перекурите. Я поеду к Хасанову и утрясу это дело. Утрясу это дело.

Хасанов—первый секретарь обкома партии—несколько лет назад был секретарем ЦК комсомола республики. Комсомольскую страстность, подтянутость и живость он сохранил до сих пор. Говорил Хасанов громко, прямо глядя в глаза собеседнику, зарзательно смеялся, не медлил с принятием решений. Несмотря на относительную молодость, Хасанова уважали в области, охотно прислушивались к его замечаниям и советам.

В приемной Хасанова запыхавшемуся Рубалину сказали, что секретарь обкома не сможет его принять, так как сейчас уезжает в командировку. Рубалин упросил секретаршу пропустить его к Хасанову и поспешно прошел в кабинет.

Хасанов стоял посредине кабинета и недоуменно смотрел на вошедшего Рубалина. Хасанов был выше среднего роста с молодежьим лицом и веселыми черными глазами. Лоб у него был высокий, чистый, слегка тронутый загаром. На висках заметна седина. Хасанов был одет по-дорожному.

Он указал Рубалину на кресло у маленького круглого столика и сел напротив.

— Что случилось, товарищ комсомол?—весело спросил он.

Рубалин рассказал о Шарипове, о мнении бюро обкома комсомола и о разговоре с Паромовым.

— Ты знаешь, я сегодня получил информацию от МВД о состоянии уголовной преступности. Там во всю расхвалили Пахтаабадский райком комсомола. Они создали комсомольские бригады содействия милиции, установили дежурства в клубах и парке, даже по улицам патрулируют. А ты говоришь, что Шарипов—покровитель хулиганов и сам без пяти минут хулиган. Получается досадное несоответствие.

Путаясь от волнения, Рубалин снова рассказал о драке Шарипова, о его вторжении в жизнь Лютфи Таировой. Хасанов слушал, не перебивая, потом сказал:

— Паромов двадцать пять лет на партийной работе. Десятый год работает первым секретарем Пахтаабадского райкома партии. Проницательный человек, хорошо разбирается в людях, и с его мнением нужно считаться. Отложите этот вопрос, поезжайте в Пахтаабад и на бюро райкома партии придите к единому мнению. Я пока не вижу никаких причин для вмешательства в это дело областного комитета партии.

Рубалин представил себе, какие лица будут у членов бюро, когда он сообщит им как обстоит дело. Шарипов, конечно, будет в восторге, как только узнает, что Паромов вступился за него и бюро обкома комсомола оказалось бессильным. Нет, этого нельзя допустить. И впервые в жизни Рубалин решил возражать, настоять на своем. Это решение привело его самого в смятение, он заговорил путано и неубедительно.

— Комсомол самостоятелен в организационном отношении. Поэтому, мы имеем право самостоятельно решать кадровые вопросы. Нельзя же каждую кандидатуру согласовывать в десяти инстанциях. В десяти инстанциях.

Взгляд Хасанова вдруг посуровел, плотно сжались губы. Рубалин заметил это и умолк на полуслове. Он понял, что зарвался и стал торопливо исправлять ошибку—принялся рассуждать об организационных принципах комсомола, о партийном руководстве комсомолом.

— Погоди товарищ Рубалин,—перебил Хасанов.—Мне сейчас некогда слушать лекцию о взаимоотношениях партии и комсомола. Меня ждут в районе. Через полчаса там начинается пленум райкома партии. Заходи как-нибудь вечером и мы потолкуем об этом. А о Шарипове пусть решают те, кто его избрал. Поезжай в Пахтаабад, собери пленум райкома комсомола, пригласи побольше активистов и доложи им точку зрения обкома. Если эта точка зрения верна—комсомольцы вас поддержат и освободят Шарипова. Если нет—тоже хорошо. Обком получит предметный урок работы с кадрами. И в том, и в другом случае это пойдет на пользу делу. Мнение масс—лучший критерий правильности наших решений. Согласен?

— Согласен,—выдавил из себя Рубалин.

— Тогда действуй, а мне пора ехать.

Вернувшись в обком комсомола, Рубалин продолжил заседание бюро.

Докладывал Шукуров. Он начал свое повествование издали, с первых дней работы Шарипова секретарем райкома. Оказывается, уже тогда обком комсомола видел много недостатков в его работе и указывал на них. Но Шарипов зазнался и не вынял этим указаниям. Маленькие, легко исправимые недостатки переросли в грубейшие ошибки. Шарипов осмелился ревизовать все и вся. Шарипов нарушал сроки и формы отчетности, проводил комсомольские собрания без докладов и проектов постановлений, пытался отменить тайное голосование при выборах секретарей комсомольских организаций, отменил принятие постановлений за основу и ввел много других «новшеств». Шарипов противопоставил себя обкому комсомола. И, наконец, в довершение всего Шарипов морально разложился. Под видом командировок он целые дни находился дома, занимался кутежами. Затеял пьяную драку с прохожими, опозорил честную комсомолку Таирову.

— Что вы скажете в свое оправдание?—спросил Рубалин.

Турсун встал. Все сказанное Шукуровым удивило его. Из мелких пустяковых фактов, из телефонных разговоров и частных бесед была соткана прочная сеть обвинений. Главными были—драка и любовь к Лютфи. О ней Турсун решил ничего не говорить. Никто здесь не будет разбираться в его душевных переживаниях. Но обо всем остальном нельзя не сказать. Молчание будет воспринято как согласие. А он не согласен.

— Мне незачем оправдываться,—проговорил Турсун,—я ни в чем не виноват. Конечно, я не считаю себя безупречным работником. В моей работе много ошибок, но то, о чем говорил Шукуров—это, это..

— Выдумка,—сказал кто-то.

— Нет,—поправил Турсун.—Клевета и при том—злостная.

— Т-ак,—протянул Рубалин,—Ясно. У вас все?

— Да.

Турсун сел.

Началось обсуждение. Выступавшие осуждали поведение Шарипова и подтверждали свои слова фактами, о которых говорил Шукуров. Только второй секретарь обкома комсомола Боев неожиданно заговорил об организаторских способностях Турсуна. Он сказал, что райком комсомола многое сделал по внедрению новой агротехники хлопчатника и активно борется за здоровый быт молодежи.—Что касается взаимоотношений с Таировой,—закончил Боев,—это дело сложное и поверхностно его решать нельзя.

— Что же ты предлагаешь?—перебил Рубалин.

— Я думаю,—ответил Боев,—надо с помощью райкома партии поглубже разобраться в этом деле. Я хорошо знаю Шарипова. Мы учились с ним в одном институте. Знаю я и отзывы о его преподавательской работе. Был не раз у него в райкоме. По-моему, он совсем не такой, каким изобразил его Шукуров.

— Сентиментальничает,—бросил Рубалин.

Боева никто не поддержал.

Рубалин выступал последним. Он говорил резко, злобно.

— Посмотрите на него,—кинул он в сторону Шарипова,—сидит, молчит. Казанской сиротой прикинулся. А если бы видели вы как он отстаивал хулигана Вдовина от заслуженного наказания. От заслуженного наказания. А как он безобразно напился и учинил постыдную драку. Постыдную драку.

Здесь он тихий и робкий. А ворваться в чужую семью, опозорить уважаемую комсомолку у него хватило наглости. Да, хватило наглости.

Турсун плохо улавливал смысл речи Рубалина. Рубалинские слова с трудом доходили до его сознания. Он заставлял себя вслушиваться, адумываться в них, но не мог. Какая-то незримая тяжесть плотнее и плотнее наваливалась на его плечи, сковывала движения, затрудняла дыхание. Нервный тик дергал левое веко. Во рту было сухо и горячо.

— Я считаю,—закончил Рубалин свою речь,—что таким как Шарипов—не место у руководства комсомольской организацией крупнейшего района. Вношу предложение о снятии его с работы. Есть другие предложения?—угрожающе спросил он.

— Есть,—отозвался Боев.

— Ну что ж, тогда голосую. Кто за то, чтобы снять Шарипова с работы за недостойное поведение—прошу поднять руку.

Шесть из семи членов бюро подняли руки.

Рубалин не удержался и с торжеством посмотрел на Турсуна.

— Вы свободны.

Турсун медленно поднялся и пошел к выходу. Когда дверь закрылась, Рубалин сказал:

— В протокол надо записать немножко не так. Немножко не так. Дело в том, что нам в данном случае нужно добиться сурового осуждения Шарипова всем районным активом. Всем активом.

В решении бюро обкома комсомола записали:

«1. Считать невозможным дальнейшее пребывание Шарипова на посту первого секретаря Пахтаабадского райкома комсомола.

2. Вынести на внеочередной пленум райкома комсомола вопрос о дальнейшей работе т. Шарипова.

3. Докладчиком на пленуме утвердить тов. Рубалина А. И».

Турсун не знал формулировки решения о своем снятии. В то время, когда Рубалин диктовал его стенографистке, Шарипов медленно спустился со второго этажа. На улице было многолюдно. Слышался разноязычный говор, смех, восклицания. С шумом и короткими предостерегающими гудками проносились разноцветные автомашины и автобусы. По улице шли легко и нарядно одетые парни и девушки—спешили в парки, театры, кино. Люди постарше прогуливались с женами и детьми.

Турсун медленно пробирался в этой шумной и веселой толпе. Он дошел до оперного театра, свернул к фонтану и опустился на скамью. Над фонтаном взмывали мощные водяные струи, вверху они скрецивались и с шумом падали в бассейн. Ярко освещенные струи переливались серебром. В шум фонтана влетались звуки вечерней площади—людские голоса, детские крики, веселый девичий смех.

Но Турсун ничего не слышал и не видел. Он сидел, бездумно глядя перед собой. На скамье расположилась пара—маленькая белокурая девушка с высоким смуглым парнем. Они часто смеялись, перекидывались короткими, понятными только им фразами. Турсуну стала неприятна их веселость. Он поднялся, пересек площадь и вошел в гостиницу. У дверей своего номера он увидел Семенова. Тот шумно поздоровался, вместе с ним прошел в номер, включил свет, и только тогда заметил серое, осунувшееся лицо Турсуна.

— Что с вами?—с тревогой спросил он.—На вас лица нет. Вы заболели или что-нибудь случилось?

«Меня сняли с работы»,—хотел ответить Турсун, но сдержался,—зачем об этом говорить?

— Я немного прихворнул и чертовски устал,—объяснил он.—Ну это неважно. Важно то, что мы с вами идем на прием к министру просвещения. В ЦК комсомола нас поддержали. Секретарь ЦК лично просил министра помочь нашей детской технической станции.

— Спасибо,—растроганно проговорил Семенов, вскочив со стула,— меня свела с вами добрая фея. А сейчас знаете что?—пойдемте-ка в кино. У меня есть два билета. Кино—лучший отдых. Посмотрите картину, развлечетесь, рассеетесь. Пошли. До начала сеанса осталось двадцать минут.

Турсун пошел. Он сидел в летнем кинотеатре, смотрел на экран, не понимая происходящего. Он думал о Лютфи. Что скажет она, узнав о его беде? Сколько неприятностей, огорчений и обид принес он любимой девушке... Как плохо, что ее нет рядом с ним,—вдвоем было бы легче разобраться в случившемся и решить как поступить дальше. «Сдам дела новому секретарю и поеду к Лютфи в Самарканд»,—подумал Турсун.

«Сдача дел»—канцелярские слова, ни в какой мере не выражающие сущность этого события. Ведь это, прежде всего, крутой поворот в жизни человека, ломка установившегося порядка, привычек, привязанностей. Турсун едва не застонал от боли при мысли о том, что ему придется расстаться с Исаевой и Немцовой, с Хамзиным и Нестеровым, с Сабитовой и Вдовиным. За короткое время своей работы он сжилась с этими людьми, привык к ним, любил их.

Неужели так случится, что он, Турсун Шарипов, вдруг окажется в стороне от жизни комсомола. Без него соберут хлопок, выращенный на опытных участках. Без него найдут новый способ переделки тракторов. Он не будет присутствовать на испытании переделанных машин, не увидит счастливых лиц людей, стоящих у края хлопкового поля.

Без него будут проходить заседания бюро райкома, молодежные вечера, спартакиады, воскресники. Кто-то другой, а не он будет выступать перед молодежью с докладами, будет спорить и убеждать, будет драться за интересы незнакомых юношей и девушек, принадлежащих к великой организации ленинского комсомола. Это казалось невероятным, чудовищным.

А планы? Какие большие и красивые планы наметил райком комсомола! Было решено создать десять ударных молодежных бригад из юношей и девушек города и на полтора-два месяца послать их в отстающие колхозы для оказания помощи в уборке урожая. По указанию райкома партии колхозные комсомольские организации выдвинули двести лучших парней и девушек для постоянной работы в животноводстве. Через десять дней состоится слет комсомольцев-животноводов. Колхозные комсомольцы взяли за оборудование в каждом доме уголка школьника. И сколько еще других дел наметил райком на ближайшее время!

Было обидно, что все это будет делаться без него, руками других. А руки, конечно, найдутся,—в этом он не сомневался. После его ухода райком не перестанет жить и работать. Но как же он будет жить и работать без райкома? Турсун приглушенно застонал. Семенов решил, что это его сосед так сильно переживает события на экране. Он повернулся к нему и сочувственно прошептал:

— Берет за душу, а? Так и должно быть. Это же классика.

От приглашения директора поужинать в ресторане Турсун отказался. Он ушел в свой номер, погасил свет и, подсев к окну, стал молча смотреть на залитый огнями ночной город. Смотрел и курил, наблюдая как один за другим гаснут огни в домах. В эту ночь спал он плохо, беспокойно, часто просыпался, курил.

Перед рассветом Турсун разделся и долго мылся, подставив голову под холодную струю. Потом сильно растер мохнатым полотенцем шею и грудь. Он не спеша оделся и вышел на просыпающуюся улицу, неторопливо прошелся по городу и вернулся в гостиницу.

— Надо работать,—сказал он себе.—Надо жить и бороться. «Ведь наше счастье в борьбе, а это трудное счастье»,—вспомнились ему слова Паромова. От этих слов потеплело в душе. Потянуло домой, в город, где жил и работал простой русский человек, коммунист-ленинец Николай Петрович Паромов.

До полудня Турсун ходил с директором ДТС по различным организациям. Они побывали у министра просвещения, у секретаря ЦК комсомола и у заведующего облоно. Многого добились, многое решили. Семенов был в полном восторге, он считал, что ему необыкновенно повезло. Расстались они большими друзьями.

Домой Турсун приехал вечером. Когда проходил мимо райкома комсомола, увидел в окнах свет. Он не смог идти дальше. Вошел. Коридор был пуст. Из кабинета первого секретаря доносился шум.

И снова, как несколько месяцев назад, в пустом райкомовском коридоре гулко прозвучали широкие и размеренные шаги человека. У двери шаги смолкли. Турсун стоял, вслушиваясь в долетавшие из кабинета голоса. Что там происходит? Наверно, какое-нибудь совещание. А может быть, они обсуждают решение обкома? Ну, что ж, тем лучше... Турсун открыл дверь.

В кабинете стало тихо. Но это продолжалось недолго. Полтора десятка лучших комсомольских активистов города быстро окружили его. Засыпали вопросами.

— Что у вас происходит?—спросил Турсун.

— Ничего. Сидим и ждем тебя. Звонили в обком, там сказали, что ты выехал. Вот и ожидаем,—за всех ответила Исаева.

— Ну, рассказывай, что было на бюро, что решили,—попросила Любушка.

— Я знаю только один пункт решения,—медленно проговорил Турсун, стараясь удержать на лице непринужденное выражение. Но он не мог этого сделать и сразу же полез в карман за папиросами.

— Какой пункт?—тревожно спросил Нестеров.

— О снятии меня с работы. За моральное разложение, ну и за все прочее... —с трудом договорил Турсун и стал закуривать.

В кабинете снова стало тихо. Все стояли, не глядя друг на друга. Слышалось торопливое тиканье часов. Потом сухо щелкнул рычажок телефонного аппарата, с которого Платон Нестеров снял трубку.

— Кабинет Паромова,—попросил он.

Не успел Шарипов сообразить, что это могло означать, как Нестеров уже разговаривал с Паромовым.

— Николай Петрович,—взволнованно сказал он.—Извините, что потревожили вас. Это говорит комсорг маслозавода Нестеров. Здравствуйте. Я, то есть не только я, а мы, ну, как бы вам сказать, группа членов пленума райкома комсомола очень вас просим принять нас. Нет, сейчас, по важному государственному делу. Через полчаса? Хорошо. Спасибо.

Нестеров положил телефонную трубку, резко поднялся и сказал:

— Пошли. Подождем в приемной.

Все поднялись и направились к выходу.

— Постойте!—крикнул Турсун.—Что вы делаете?...

— Молчи,—перебила его Исаева.—Молчи. Так нужно. Он прав.

Комсомольцы вернулись часа через полтора. Они шумно вошли в кабинет и снова обступили Турсуна. Исаева радостно сообщила:

— Ты знаешь, что сказал Николай Петрович? Он сказал, что все будет решать пленум райкома комсомола.

— А пленум—это и мы тоже,—пробасил Нестеров.

Неожиданно с улицы донесся мотоциклетный треск. Возле райкома шум оборвался,—видимо, мотоцикл остановился. Все замолчали и стали смотреть на дверь.

Дверь открылась. Вошел Хамзин. Совхозный комсорг был чем-то крайне возбужден и взволнован. Он подошел к Шарипову, пожал ему руку и громогласно объявил:

— Победа, Турсун! Понимаешь? Настоящая стопроцентная победа!

— Какая победа?—спросил Турсун.

— Сейчас расскажу.—Хамзин вынул из кармана тетрадку, развернул ее и ткнул пальцем в чертеж.—Узнаешь?

Турсун внимательно посмотрел на чертеж.—Да, вроде узнаю. По моему, это задний мост универсала.

— Точно!—обрадовался Хамзин.—Не зря ребята зовут тебя «трактористским секретарем». Смотри сюда. Вот что мы придумали! Мы решили удлинить кожух заднего моста за счет специальной надставки. Вот здесь. Видишь, они обозначены черной полоской. Мы уже начали переделывать один трактор. Но надставки надо делать из стали и в заводских условиях. Вот мы и решили просить райком договориться с комсомольцами мотороремонтного завода, чтобы помогли нам.

— Хорошо,—согласился Турсун.—Оставь мне свои чертежи. Я завтра с утра побываю на заводе. Думаю, что мы решим этот вопрос быстро. В этом деле нас райком партии двумя руками поддержит. А кто додумался?

— Да все понемногу думали. Так сказать, коллективное творчество.

— Скромничаешь,—вмешалась в разговор Исаева.—Сейчас позволю в редакцию, придут фотокорреспонденты.

— Избавь!—с притворным ужасом закричал Хамзин.—Избавь меня от славы. Я уже хлебнул однажды славы. Крепкий напиток—до сих пор голова трещит.

Все дружно рассмеялись.

— Ну, а как там поживает Джурабек-ата?—спросил Турсун.

— О, Джурабек-ата пошел в гору. Вчера уехал в Академию наук Таджикистана. Там на специальной сессии обсуждается вопрос о новой агротехнике. Джурабек будет рассказывать о своем опыте. Его у нас академиком прозвали. Старик делает вид, что сердится, а на самом деле страшно доволен. Говорят, в ЦК КПСС поддержали нашу агротехнику.

— Хорошо!—радостно воскликнул Турсун, чувствуя, что к нему возвращается утраченное спокойствие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Долгими и трудными оказались для Турсуна четыре дня, оставшиеся до внеочередного пленума райкома комсомола. Он хотел было исчезнуть на это время. Уйти куда-нибудь, чтобы спокойно обдумать все, подготовиться. Но Паромов сказал: «Ты солдат. Партия поставила тебя на ответственный пост. Вот и стой на своем посту, пока не придет разводящий и не сменит тебя».

И Турсун стоял на посту. Он подписывал бумаги и телеграммы, отвечал на телефонные звонки, беседовал с посетителями, присутствовал на различных заседаниях и совещаниях. Вечером Исаева, Немцова или Халиков уговаривали его сходить в кино. Но он предпочитал проводить все вечера дома. О многом он передумал за это время.

«Докладчиком на пленуме будет Рубалин. Чего он только не нагородит в своем докладе. И если бы говорил только обо мне, но ведь он обязательно скажет и о Лютфи. И их чувство, святое прекрасное чувство нельзя будет уберечь от чужих глаз и чужих рук».

И оттого, что здесь нельзя было что-либо изменить, предупредить, помешать надвигающимся событиям, еще крепче сжимались зубы и гневный румянец выступал на щеках.

Пленум открылся в назначенное время. В зале было многолюдно. Здесь присутствовал широкий актив—секретари комсомольских организаций, пионервожатые, пропагандисты. Сюда также проникли люди, не имеющие никакого отношения к активу, вроде Яши Львова. Он картинно сидел на видном месте и с вдумчивым выражением на лице разглядывал пустые стулья президиума.

В зале находилась его жена—Роза. Она узнала от своей подруги, комсорга больницы, о предстоящем пленуме и упросила ее раздобыть пропуск. Молодая женщина догадывалась, что одной из причин этого пленума является письмо, написанное ее мужем. Роза считала, что она обязательно должна присутствовать на пленуме. Зачем? Этого она не знала.

Повестка дня пленума была известна. Известно было также и решение обкома комсомола о Шарипове. Людская молва разнесла по Пахтаабаду подробности заседания бюро обкома.

Участники пленума собрались задолго до его открытия. Они горячо обсуждали случившееся. Некоторые одобрительно отзывались о решении обкома. Другие—осуждали его. Это были люди, хорошо знавшие Турсуна.

За несколько минут до начала пленума в зале появились Паромов, Фаязов, Буриев и другие члены бюро райкома партии. Среди них—приглашенный Паромовым заведующий отделом кадров обкома партии и Рубалин.

Собравшиеся нетерпеливо посматривали на часы, перекидывались скупыми фразами. В зале была та особенная атмосфера, которая предшествует серьезным событиям.

Ровно в четыре Шарипов вышел на сцену. Все увидели, что он страшно похудел,—выпирают скулы, глубоко запали глаза, лицо бледное. Парню тяжело—это понял каждый. Он объявил заседание пленума открытым. Быстро избрали президиум, утвердили повестку дня и регламент.

Шарипов предоставил слово Рубалину. По залу прошел шорох, и сразу наступила тишина.

Рубалин в белом шелковом кителе. Высокий, подтянутый. Лицо торжественное и строгое. Он быстро вышел из-за стола и занял свое место на трибуне. Он разложил перед собой бумаги, переставил стакан с водой, потом осмотрел зал и начал доклад.

— Товарищи члены пленума и активисты! Бюро обкома комсомола поручило мне доложить вам о своем решении.— Он передохнул, выдержал секундную паузу и заговорил уже громче и увереннее.— Прежде чем доложить вам решение бюро, я расскажу о причинах, заставивших нас принять такое решение. Некоторое время назад мы получили письмо от группы комсомольских активистов вашего района. Вашего района. Я прочту это письмо.

Рубалин поднял бумагу и начал громко читать письмо Львова.

Письмо слушали, затаив дыхание. В зале раздавались возгласы возмущения. Многие плохо знали Шарипова и охотно верили всему, что было написано о нем в письме. Когда Рубалин дочитал письмо, в зале вспыхнули аплодисменты. Не очень громкие, не очень дружные, но все-таки аплодисменты. Рубалин глубоко вздохнул, расправил плечи, растегнул верхнюю пуговицу кителя.

— Таков моральный облик Турсуна Шарипова. А теперь посмотрим, как выглядит идейная закалка этого комсомольского работника. Комсомольского работника. Мы все знаем, что идейная закалка являет-

ся основным критерием оценки комсомольского работника. Политического работника.

Рубалин рассказал, как пренебрежительно относился Шарипов к указаниям обкома комсомола, не признавая его указаний, занимался демагогическими рассуждениями.

— Мы не раз пытались поправить товарища Шарипова. Пытались поправить. Советовали ему, по-товарищески журили. Но это не помогло. Почему? Потому, что товарищ Шарипов считает себя умнее всех. А короче говоря, потому что он зазнался. Да, зазнался.

Докладчик рассказал, как вел себя Шарипов на бюро обкома. Потом он с выражением прочитал пространное решение бюро «О недостойном поведении первого секретаря Пахтаабадского райкома комсомола». Решение было написано очень резко, порой даже грубо. Оно заканчивалось уже известными пунктами о снятии Шарипова с работы.

Когда Рубалин закончил чтение, Яша Львов, не скрывая своего торжества,—крикнул:

— Правильно!

— Теперь решайте сами,—закончил свое выступление Рубалин,— может ли Шарипов возглавить райком комсомола. Оправдал он ваше доверие, и достоин ли он его вообще? Точку зрения обкома я высказал. Конечно, бюро обкома могло на своем заседании освободить Шарипова от работы. Но мы знаем, что комсомольский актив Пахтаабада сам в состоянии разобраться в обстановке и сделать выводы. Сделать нужные выводы. Обком комсомола уверен, что вы поддержите его и примете принципиально правильное решение.

Рубалин собрал бумажки и занял свое место за столом президиума.

Зал сдержанно зашумел. Потом наступила тишина—мертвая, гнетущая, трудная.

Исаева поднялась и срывающимся голосом предложила установить дальнейший порядок пленума. Решили: сначала выскажется Шарипов, потом—остальные.

Турсун ждал этой минуты, готовился к ней. И все-таки она наступила неожиданно. «Слово предоставляется товарищу Шарипову»,—сказала Зульфия Исаева и села. Надо было идти к трибуне. Но Турсун словно окаменел. Он оставался неподвижным всего несколько мгновений, но все это сразу заметили. Зульфия схватила его за руку, шепнула умоляюще: «Иди же». Турсун заставил себя встать и подойти к трибуне. В зале стояла такая тишина, что звенело в ушах. Турсун стоял, молчал, смотрел в зал и ничего не видел. «Нужно говорить. Надо говорить. Ну, начинай же, начинай»...—заставлял он себя. Еще ничего не решив, ничего не придумав, он тихо произнес первое слово, после которого уже нельзя было не говорить:

— Товарищи...

Турсун помолчал, отпил из стакана глоток теплой воды, откашлялся. И снова также тихо сказал:

— Все, что говорил секретарь обкома комсомола о моем моральном разложении, это все... неправда.

В зале зашумели, задвигались.—«Ишь ты!»—воскликнул кто-то не то осуждающе, не то одобряюще. Этот возглас помог Турсуну. Он почувствовал себя увереннее, спокойнее.

— Меня обвиняют в хулиганстве. Говорят, что я, будучи пьяным, затеял драку в парке, после молодежного вечера. Это неправда. Я не был пьян. Вечер закончился поздно и я только в два часа ночи проводил Исаеву домой. И я действительно заступился за девушку или женщину, к которой приставали какие-то парни. Они накинулись на меня и избili.

Турсун умолк. Теперь нужно было говорить о Лютфи,—говорить друзьям и недругам, знакомым и незнакомым о своих самых сокровенных чувствах. «А если умолчать об этом, обойти»,—мелькнула спасительная мысль. Но он тут же отогнал ее: нельзя скрывать правду от тех, кто верил в него, перед кем он должен отчитываться за каждый свой шаг. Нужно открыто и честно ответить на все вопросы, и прежде всего,—сказать о Лютфи. И он сказал.

— Теперь с самым главным—о моих отношениях с Таировой...—Перехватило горло. Турсун умолк, взял стакан с водой, отпил несколько глотков.—Теперь о моих отношениях с Таировой...—повторил он.—Докладчик говорил об этом как о чем-то грязном. Товарищи, вы меня избрали, вы мне верили и я скажу всю правду. Да, я люблю Лютфи Таирову. Я еще никогда никого не любил, кроме нее. Может быть, это и плохо, что она была чужой невестой...

— Невеста—не жена!—крикнул кто-то и зал ответил одобрительным гулом.

— Я лично считаю себя виновным в том, что помешал счастью Бурхана. Но я ничего не мог поделать. Это оказалось сильнее меня, хотя я, честное слово, пробовал бороться. Я понимаю, что нехорошо разрушать счастье товарища. Но ничего не вышло... Если нужно меня за это наказать—наказывайте, но я ее очень люблю...

— А она?—спросили из зала.

— Она?...

— Она тоже любит!—звонко сказала Исаева.

Зал ответил рукоплесканиями. Когда наступила тишина, Турсун бледный, взволнованный проговорил:

— Мне сейчас очень трудно говорить... Извините, что скажу коротко. Все обвинения о моем неповиновении обкому, о нарушении устава ВЛКСМ—надуманы. Я действительно кое с чем не согласен в структуре и форме работы комсомольских организаций. Мне, например, казалась непомерной отчетность райкома перед вышестоящими органами. Мне казалось так же ненужным предварительное писание проектов постановлений комсомольских собраний. Были у меня и другие соображения. Об этом я как-то сказал Рубалину. Но неповиновения в этом никакого нет. Я коммунист...—голос Турсуна зазвенел.—И для меня комсомольская работа была и останется поручением партии. А доверием партии я дорожу больше всего на свете. Ну вот и все. Теперь решайте...

Прения долго не начинались. Взволнованный речью Шарипова, зал сдержанно гудел. Слышались отдельные реплики. Но слова никто не просил. Дважды Рубалин безуспешно обращался к участникам пленума с призывом открыть прения. И тогда из-за стола поднялась Исаева.

— Ну что ж, товарищи, начну я.—Она остановилась около трибуны, машинально пригладила волосы, и заговорила неторопливо, вдумчиво.

— Может быть, я скажу не так красиво, но я скажу то, что думаю. Дело в том, что меня потрясла и удивила речь секретаря обкома комсомола товарища Рубалина. Это не речь, а настоящее обвинительное заключение по делу преступника Шарипова. А ведь на самом-то деле преступлений за Шариповым никаких нет. Получается настоящий конфуз для обкома. А почему? Да потому, что обком решил вопрос о Шарипове, не спросив нас—его товарищей по работе, нас, которые ежедневно с ним встречаются. Если бы товарищ Рубалин спросил меня, я бы сказала, что Турсун Шарипов—настоящий коммунист и хороший комсомольский работник.

Исаева горячо заговорила о работе Шарипова, о его преданности делу, о его чуткости и порядочности. Она рассказала о его принципиаль-

ности при обсуждении личного дела Львова—одноклассника Турсуна по институту. Исаева категорически отвергла предположение о том, что Турсун был пьян и сам затеял драку. Когда же она заговорила о его взаимоотношениях с Лютфи, голос ее взволнованно зазвенел.

— Раз Лютфи не любила Бурхана, раз она любит Турсуна, что же плохого в том, что ее свадьба с Бурханом расстроилась? Я знаю, что такое жить с нелюбимым человеком... Я знаю...—Зульфия глубоко вздохнула и неожиданно заговорила о своем прошлом. Просто и страшно рассказала она о своей искалеченной юности, о большой любви, которую изломала темная, невежественная мать, боявшаяся нарушить жестокие, бесчеловечные предписания шариата.

— Он был русским,—говорила Зульфия.—Мы очень любили друг друга. Но мать пригрозила мне проклятием, если я стану его женой. Я тогда была глупая, слабая и—покорилась. Потом я жестоко расплатилась за это...

Зульфия торопливо подошла к столу, взяла свою сумочку, вынула носовой платок и вытерла слезы. Потом она подняла голову и голос ее зазвенел снова.

— Раз Лютфи и Турсун любят друг друга, значит они оба счастливы, и мы должны радоваться счастью своих товарищей. Я думаю не за горами день, когда мы с вами сыграем настоящую комсомольскую свадьбу Турсуна с Лютфи. И мне хочется от себя о вас сказать им—мир да счастье вам, дорогие...

И снова зал всколыхнулся от рукоплесканий.

Рубалин вскочил.

— Товарищи! Мы же пока не на свадьбе, а на пленуме. К чему эти овации? К чему это разглагольствование о любви? Вы показываете свою незрелость. Надо говорить о деле. О деле, товарищи.

Тогда попросила слова скромно одетая девушка. Ее никто не знал. Она вышла на сцену, оправив воротничек белой блузки и заговорила низким грудным голосом.

— Я член комитета комсомола нашей МТС, работаю там экономистом. Я бы никогда и никому не призналась в том, что со мной случилось, ну да тут дело безвыходное. Так вот, знайте товарищ из обкома, это меня спас Шарипов от пьяных парней.

Рубалин позеленел.

— Это подтасовка!—злбно крикнул он.—Это шантаж.

Девушка недоуменно посмотрела на Рубалина и спросила удивленно.

— Какой шантаж?

— Вас подучили и вы спешите выгородить Шарипова.

— Не надо думать о людях так плохо, товарищ секретарь обкома,—укоризненно сказала девушка.—Вы ни за что оскорбили меня, но я не уйду отсюда, потому что сейчас речь идет не обо мне. Меня хотели затаскать в парк наши парни. С одним из них я немного дружила, а он оказался подлецом, подговорил еще двух дружков, напились и решились втроем...—Она тряхнула головой, обернулась к Турсуну.—Спасибо вам, товарищ Шарипов, за то, что выручили меня тогда...—Она снова обратилась к залу.—Вот это человек! Не испугался. Один против трех пошел. А ведь его могли изувечить, могли и убить... А вы,—повернулась она к Рубалину.—Вы вместо того, чтобы спасибо человеку сказать—черните его...

Девушка подождала пока стихли аплодисменты.—А что я никому не сказала про это раньше, так это потому, что парни утром пришли, заплакали и упросили меня молчать. Пьяные, говорят, были. Надавала я им по щекам, выгнала и никому говорить не стала,—пожалела их. За это простите...

На трибуну вышел комсорг колхоза имени Ленина Мусо Юсупов. Он говорил неумело, часто повторяясь, но слушали его внимательно.

— Молодежь нашего колхоза знает Шарипова. Когда было трудно с обработкой на полях с суженными междурядьями, кто помог нам? Шарипов тогда работал вместе с колхозниками. Сам кетменем окучивал. Между прочим норму дал. И прорыв ликвидировали. Или вот еще: раньше райпо не хотело посылать на поля автолавки. Мы просили Шарипова. Теперь автолавки приезжают на поля. Так точно. А вы, товарищ Рубалин, говорите, что он зазнался и бездельник. Кто же тут бездельник?

Потом выступила Сабитова. Не успела она заговорить, как ее перебил Рубалин.

— Я не понимаю вас, товарищ Сабитова. В обком вы пишете одно, а здесь говорите другое. В чем дело? Что за двуличность?

— Я ничего не писала в обком.

— Что? Как не писали? А это?

Рубалин поднял над головой письмо Львова.—Вот, пожалуйста, ваша подпись.

Сабитова взяла письмо, посмотрела и дрожащим от гнева голосом воскликнула:

— Это ложь! Я этого письма не писала и не подписывала!

— А чьи там еще подписи?—спросили из зала.

Сабитова прочла подписи. В зале поднялся сильный шум.

Кто что кричал—разобрать было невозможно. Но Сабитова не обращала внимания на крики. Она внимательно вглядывалась в письмо, переданное ей Рубалиным. Вдруг гневный румянец залил ее щеки. Девушка взмахнула бумагой и крикнула:

— Товарищи! Это же... Вы только послушайте!

Шум постепенно стих.

— Я сейчас внимательно присмотрелась к этому фальшивому письму и узнала автора. Его написал наш преподаватель—Львов. Если не верите, я сейчас сбегая и принесу какую-нибудь бумагу, написанную Львовым и вы сами увидите, что я права.

— Зачем нам бумагу? Мы сейчас у него спросим. Он был где-то здесь,—сказала Исаева, разыскивая в зале Львова.

Яша Львов сидел впереди на видном месте. Он пришел на пленум, уверенный в полном поражении Шарипова. Пришел, чтобы насладиться этим поражением. Он уже представлял себе, как после окончания пленума подойдет к Турсуну и бросит ему в лицо несколько издевательских слов. И вдруг совершенно неожиданно Сабитова узнала его руку. Услышав ее слова, Яша Львов инстинктивно вжал голову в плечи, пригнулся, спрятавшись за спину широкоплечего парня. «Надо было отпечатать на машинке»—это была последняя мысль, промелькнувшая у него в голове, а через миг там уже ничего не осталось, кроме животного всепоглащающего страха. Львов хотел вскочить и скрыться. Он проклинал себя за то, что пошел на пленум, что не ушел отсюда полчаса, пять минут, минуту назад. А со сцены неумолимо звучал голос Исаевой:

— Товарищ Львов, где вы?

— Вот он!—громогласно возгласил Нестеров.—Полюбуйтесь на него. Втянул в плечи голову и сидит не дышит. Выходи Львов, пленум требует.

Яша Львов стал центром внимания. Все смотрели на него. Он вскочил, вышел в проход.

— Сюда, проходите, сюда, пожалуйста,—позвала его Исаева.

Но Львов не пошел на сцену. Бледный как смерть, он бочком-бочком, выскочил из зала, сопровождаемый громовым смехом, восклицаниями и свистом.

Когда Сабитова назвала фамилию Львова, Роза вцепилась в локоть подруги и чуть не потеряла сознания. Она взглянула на прячущегося Яшу и вдруг почувствовала сильный приступ гадливости. Ей захотелось дать ему пощечину и плюнуть в лицо.

Гнев и презрение горели в глазах молодой женщины, щеки ее пылали жаром. Она наклонилась к подруге и, задышавшись, спросила:

— Если я приду к тебе. С ребенком. Приютишь хотя бы на время? Та вместо ответа крепко поцеловала Розу в щеку и сказала:

— Приходи.

А в зале возбужденно шумела молодежь. Перекрывая десятки голосов, Сабитова кричала со сцены.

— Теперь все ясно? Обиженный справедливым наказанием этот прохвост решил отомстить и избрал самый грязный и подлый способ мести—написал клеветническое письмо с фальшивыми подписями. А обком поверил, пошел у него на поводу. И вот что удивительно. Здесь был работник обкома по проверке этого письма. Почему же он не побеседовал ни с одним из тех, кто якобы подписал эту фальшивку. Пусть нам ответит на это товарищ Рубалин.

Но Рубалину было не до ответа. Если бы ему сообщили, что земля перестала вращаться, или что на Марсе открыта жизнь, он, вероятно, испытал бы меньшее потрясение, чем сейчас.

Зал кипел и бурлил. Попросили слова сразу добрый десяток комсомольцев. Они говорили гневно и резко. Теперь уже разговор шел не о Шарипове, а о Рубалине, которого обвиняли в бюрократизме и зазнайстве, в отрыве от молодежи.

— Мелкий и неумный вы человек,—сказал Нестеров.—Поверили какой-то жалкой анонимке, фальшивке и раздули целое дело, хотели секретаря райкома с работы снять. А с живыми людьми поговорить побоялись. Привыкли разговаривать с комсомольцами только через стол президиума. Чиновником стали, людей бояться стали—получился из вас настоящий бюрократ. Не достойны вы руководить комсомольцами.

...Внеочередной пленум Пахтаабадского райкома комсомола единогласно решил:

«Просить ЦК ЛКСМ Таджикистана отменить, как неправильное, решение обкома комсомола о первом секретаре Пахтаабадского райкома Т. Шарипове».

Когда заседание пленума объявили закрытым, Турсуна окружили товарищи. Ему жали руку, поздравляли, смеялись. Исаева подошла к нему и тихо сказала, сжав худой локоть Турсуна:

— Ты только не волнуйся.

— Ничего,—ответил Турсун и улыбнулся.—Наше счастье в борьбе,—а это трудное счастье.

Т. Ульджабаев

У американских хлопкоробов

(Путевые заметки)

Нас было пятеро: М. В. Мухаммеджанов из Узбекистана, М. Т. Мамедов из Азербайджана, С. Д. Родичев из Госплана СССР, Б. П. Фирсов из Министерства сельского хозяйства СССР и я. Все мы по многу лет уже занимались хлопководством и, видимо, поэтому были включены в состав советской сельскохозяйственной делегации, направляющейся в Соединенные Штаты Америки для изучения опыта возделывания хлопчатника.

Америка—страна высоко развитого сельского хозяйства. Хлопководство занимает значительное место в ее экономике. По посевным площадям хлопчатника и валовому сбору хлопка-сырца США пока занимают первое место в мире. Нам хотелось подробнее познакомиться с состоянием хлопководства в современной Америке, поделиться своим опытом с американскими хлопкоробами.

Готовясь к поездке, я просмотрел много материалов о хлопководстве Америки, прочел много книг, путевых очерков, постарался запомнить несколько обиходных английских фраз. Кроме того, мы знали, что интерес американцев к Советскому Союзу велик и нам придется отвечать на множество вопросов. Для этого требовалось удержать в памяти сотни самых различных цифр и примеров.

В конце августа прошлого года наша делегация собралась в Министерстве сельского хозяйства СССР. Нам сообщили, что все формальности с выездом улажены, и мы можем вылетать.

Перед отъездом нашу делегацию принял министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич. Во время беседы он рассказал много интересных эпизодов из своей поездки в Америку, просил передать приветия своим американским знакомым, посоветовал, как лучше использовать время нашего пребывания в США.

Сборы окончены. Чемоданы уложены. Документы оформлены. Мы сидим в здании Внуковского аэропорта. Объявляется посадка на французский самолет, следующий до Парижа. Мы прощаемся с провожающими нас друзьями и поднимаемся на борт самолета.

Самолет сразу набирает большую высоту и, только поднявшись на 5700 метров, ложится на курс. Под нами проплывают земли Прибалтики, Дании, Бельгии. Один из членов французского экипажа, хорошо владеющий русским языком, объясняет нам маршрут самолета.

— Почему самолет делает такую дугу?—спросили мы его.—Ведь путь был бы намного короче, если бы самолет летел по прямой.

Француз насторожился и неохотно прошептал:

— Мы не можем лететь над Германской Демократической республикой.

— Почему?

— Потому что у нас плохие отношения с ней.

— Так надо наладить отношения.

Он смущенно улыбается и разводит ру-

ками. Мы понимаем его жест и тоже улыбаемся.

До Амстердама летим хорошо. Потом попадаем в грозу. Самолет швыряет. За окном ослепительные вспышки молнии. Прямо скажем: гроза во время полета—удовольствие маленькое. Но все обошлось благополучно, и в час ночи наш самолет приземлился на Парижском аэродроме.

Мы много слышали и читали о Париже, о его памятниках и площадях, парках и музеях, соборах и театрах. И вот мы в Париже. Нас встречают работники советского посольства. С нетерпением ожидаем окончания процедуры проверки документов, договариваемся, когда и на каком самолете вылетим в Нью-Йорк, и вот уже маленький открытый грузовичок везет нас по залитым светом улицам Парижа. С трудом устраиваемся в гостинице, расположенной в центре города на берегу Сены.

Утро 4-го сентября было хмурое, дождливое. Но дождь не мог помешать нашему знакомству с Парижем. Шофер советского посольства Дмитрий Егорович, кладя руки на руль, спросил:

— Откуда начнем?

Мнения разделились. Кто хотел начать с осмотра достопримечательностей Луврского музея, кто с собора Нотр-Дам, а кто с Елисейских полей. Чтобы не тратить времени на споры, доверились вкусу Дмитрия Егоровича. И хорошо сделали.

За полтора дня мы побывали в Луврском музее, на могиле неизвестного солдата, на Елисейских полях. Подолгу любовались площадями, соборами и памятниками Парижа. Наше внимание привлекло обилие озер в парке. А на озерах много диких уток, говорят, что и рыбы в озерах много. Но охота на уток запрещена и они ведут себя так же спокойно, как и домашние.

Наши восторженные впечатления от знакомства с Парижем заметно омрачились, когда мы попали в узкие и мрачные рабочие кварталы.

Мы были свидетелями одного неприятного зрелища. Сторонники Де-Голля устроили шумный митинг в честь своего кумира. На митинге с речью выступал Де-Голль. Возмущенные его профашистскими призывами, трудящиеся Парижа, руководимые коммунистами, устроили рядом с площадью, где проходил митинг, демонстрацию протеста. Полицейские с остер-

венением накинулись на демонстрантов. Они толкали, били их, кидали в арестантские машины и увозили в тюрьмы. А в это время Де-Голль под охраной полиции разглагольствовал о высшей демократии и о безграничной свободе французского народа. Хороша свобода! Ничего не скажешь.

Пятого сентября на самолете американской кампании ТВА мы вылетели в Нью-Йорк и через тринадцать часов были на месте своего назначения.

Прилетели мы в Нью-Йорк вечером. Город буквально тонул в море огней. Улицы города освещались лампами дневного света. К этому нужно добавить колоссальные световые рекламы, огни витрин,—одним словом, море огней.

На аэродроме нас встретил работник центрального научно-исследовательского института сельского хозяйства Департамента земледелия, доктор биологических наук, известный ученый-хлопковик Томас Кеер. Это был пожилой, худощавый мужчина, лет за пятьдесят, с веселым добродушным лицом, которое очень редко покидала улыбка. Отрекомендовавшись и поздравив нас с благополучным прибытием, доктор Кеер пригласил нас в гостиницу. До гостиницы добирались на такси, по запруженным машинами улицам.

Немного передохнув с дороги, мы собрались в номере Кеера. Когда все уселилось, он, лукаво улыбувшись, спросил:

— С чего начнем—с плана нашей поездки по стране или с виски?

— Лучше с виски,—сказали мы.

Вскоре между нами и доктором Кеером завязалась оживленная беседа. Доктор буквально набросился на нас с вопросами. Из его вопросов мы поняли, насколько у американцев существует превратное представление о нашей стране. Он искренне удивлялся сведениям, хорошо известным любому нашему школьнику.

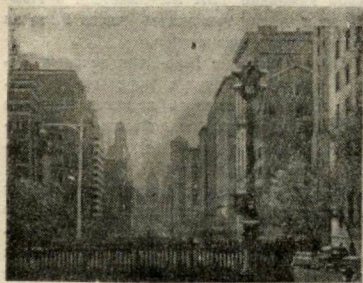
Наутро мы вылетели в Вашингтон и через час сорок минут были в столице США. Не буду описывать этого города, о нем достаточно много написано нашими писателями-туристами А. Аджубеем, Б. Полевым и другими.

На Вашингтонском аэродроме нас встретил сотрудник советского посольства С. А. Богомолов. Он проводил нас в гостиницу «Лаферт».

Была суббота—день отдыха в США. Но несмотря на это мы были приняты в Де-

партаменте агрокультуры. Там мы согласовали план нашей поездки по стране. По нашей просьбе в этот план был внесен ряд существенных поправок и дополнений.

Следующий день мы посвятили знакомству с городом. Много времени провели в Краеведческом музее. В нем собраны интересные экспонаты, рассказывающие о истории США. Нам бросилась в глаза од-

Улица в г. Вашингтоне.

на деталь: историю Америки музей начинает с момента завоевания материка европейцами. Многовековая история коренных жителей Америки совершенно не отражена. Индейцы же изображаются дикарями. И не случайно, что в некоторых местах, как мы увидели позже, коренные жители

страны — индейцы содержатся в музеях, а их, как диких зверей, показывают посетителям.

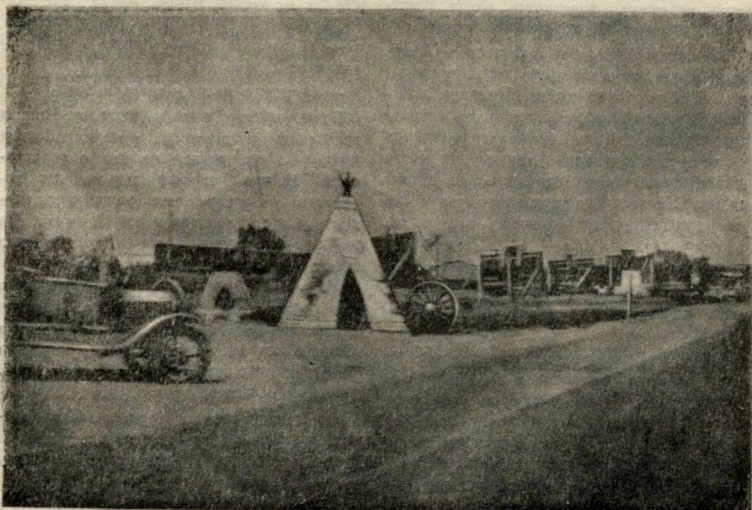
Большое место в музее занимают экспонаты, рассказывающие о жизни всех президентов США, включая и Эйзенхауэра, причем рассказывается не о их государственной деятельности, а о личной жизни.

Побывали мы и около Белого дома. Сходили в кино и глубоко раскаялись в этом. Все кинофильмы, которые довелось нам посмотреть в Америке, произвели на нас угнетающее впечатление. Это сплошные кошмары, убийства, насилия, изуверства. И все это бесшабашно и крикливо рекламируется.

Вечером нас пригласил на обед господин Кеер. Его семья занимает отдельный двухэтажный коттедж. У него жена и трое детей: сын и две дочки. Нас встречала вся семья. Встреча была на редкость радушной и искренней.

Мы шли к Кееру без переводчика. Откровенно говоря, нашему переводчику, прикомандированному к нам Госдепартаментом, мы не доверяли. Этот переводчик, некто А. М. Коган — выходец из России, человек явно антисоветски настроенный, приноживающийся, прислушивающийся и приглядывающийся.

Мы рады были, что он не с нами, а с другой стороны нас смущало, как же мы

Индийская хижина в штате Аризона.

объяснимся с семьей Кеера без переводчика. Но гостеприимный хозяин обо всем позаботился. Он пригласил в гости русского соседа Никифорова, приехавшего в США, по его словам, еще до революции. Правда, мы ему не поверили. И у нас для этого были некоторые основания. Уж очень подробно и долго расспрашивал он нас о Семене Михайловиче Буденном. И мы подумали: «Наверное, Никифоров бывший белогвардейский офицер, не раз бежавший от конармии Буденного».

Мы преподнесли хозяевам дома и их детям маленькие сувениры, угостили хозяев советской икрой и водкой. От всего они были в восторге.

Во время долгого обеда завязалась живая, непринужденная беседа. Узнав, что я из Таджикистана, жена Кеера засыпала меня вопросами.

— Правда, что у вас республика самостоятельно решает все вопросы?

— Сколько нужно израсходовать средств на получение высшего образования?

— Какой процент населения составляют грамотные?

— Сколько по официальным данным числится в вашей республике безработных?

Эти и многие другие, такие же наивные вопросы, еще и ещё раз показали полную неосведомленность рядовых американцев о жизни советского народа. Слушая ее вопросы, видя, как хозяева удивлены моими ответами, я вочую убедился, что пресловутый железный занавес между Советским Союзом и США, воздвигнутый американскими империалистами, нанес огромный вред делу улучшения взаимоотношений и взаимопонимания советского и американского народов.

На прощанье дочка Кеера, узнав, что у меня есть дочь, ее ровесница, просила передать ей привет и записала ее адрес, пообещав написать письмо.

«Если бы ты знала о существовании комиссии по расследованию антиамериканской деятельности — ты бы не сделала этого», — с грустной иронией подумал я.

8 сентября мы были у советского посла в США М. А. Меньшикова, внимательно выслушали его советы и напутствия.

Наше предметное знакомство с хлопководством США началось с научно-исследовательского центра по сельскому хозяйству, расположенному вблизи Вашингтона, в Беллефильде. Этот город является всеамериканским центром научной работы в области сельского хозяйства. Общий объем науч-

Нью-Мексико. Б. П. Фирсов и доктор Томас Кеер

ных работ по сельскому хозяйству, проводимых в научно-исследовательском центре, составляет не менее одной десятой всех научных работ, ведущихся в США по этой отрасли. Научный центр находится в ведении Департамента сельского хозяйства Соединенных Штатов Америки. Директор научно-института растениеводства доктор Вайс — очень симпатичный, энергичный человек. Он встретил нас весьма любезно и всячески подчеркивал свое расположение к Советскому Союзу и к советским людям.

Институт растениеводства имеет отделения: земледельческо-кредитная служба, стабилизация сельского хозяйства, совет координации, опыта и вопросов сельского хозяйства за границей, регулирование взаимоотношений между Штатами.

Каждый из 49 штатов Америки имеет филиал этого института, который подчинен центральному научному центру. Он координирует деятельность всех штатов в области сельского хозяйства.

У института своя мощная лаборатория. Здесь ведутся экспериментальные работы по выращиванию высокоурожайных сортов хлопка и озимых колосовых культур. В центральной лаборатории института испытываются новейшие химические методы борьбы против сельхозвредителей и сорняков. В

частности, в институте разработан и внедрен новый химический способ борьбы с сорняками — препарат Дайрон.

Во время нашей беседы с научными работниками института подошло время ленча (обеденного перерыва). Надо сказать, что американцы чрезвычайно строго и пунктуально соблюдают режим дня. Когда наступает ленч, они бросают все и идут обедать.

Нам пришлось подчиниться этому правилу, и мы пошли обедать в институтскую столовую. В ней, как и в других столовых страны, господствует принцип самообслуживания. Мы выбрали блюда по меню, заплатили. После обеда сами собрали посуду, и отнесли ее в судомойную.

После ленча и до конца работы мы занялись с разносторонней деятельностью института. То, что нельзя было показать в естественном виде, нам показали на экране.

Работники института старались показать нам все, что есть интересного и хорошего в их работе.

На прощание нас снабдили литературой по всем отраслям сельского хозяйства. В конце дня директор института доктор Вайс пригласил нас к себе на обед. Мы с благодарностью приняли это приглашение и поехали к нему обедать. У него небольшая семья: жена, дочь и сын. Обедали в садике за коттеджем, который занимала семья Вайса.

По поручению своих товарищей я по таджикскому обычаю надел на доктора Вайса национальный халат. Его детям мы тоже преподнесли подарки. Все они были очень тронуты этим. Обед прошел непринужденно и весело.

А вечером мы были в нашем посольстве на приеме по случаю окончания поездки по Америке советской делегации работников водного хозяйства, возглавляемой академиком А. Аскоченским. На прием был приглашен и доктор Вайс.

Утром следующего дня мы были в Международном комитете по хлопководству, где беседовали с секретарем этого комитета.

Затем нас принял начальник отделения хлопководства Департамента земледелия. Это отделение проводит большие научно-исследовательские работы по улучшению качества хлопкового волокна. Нас познакомили с интересными работами по получению цветного волокна.

Так, в интересных беседах и встречах, провели мы время до 10 сентября. За это время мы побывали во многих лабораториях, центральном научно-исследовательском

институте, Департаменте земледелия, международном хлопковом комитете. В ходе всех этих встреч наметились серьезные изменения в плане нашего пребывания в США. Когда эти изменения были приняты Департаментом земледелия, мы приобрели билеты на самолет и отправились в путь.

Наш план предусматривал посещение штатов Миссисипи, Техаса, Нью-Мексико, Аризона и Калифорнии. В этих штатах, в основном, возделывается хлопчатник и обрабатывается хлопковое волокно.

Кроме этих штатов, мы решили побывать также в Лос-Анжелесе и Чикаго.

Поездка по стране началась 10 сентября.

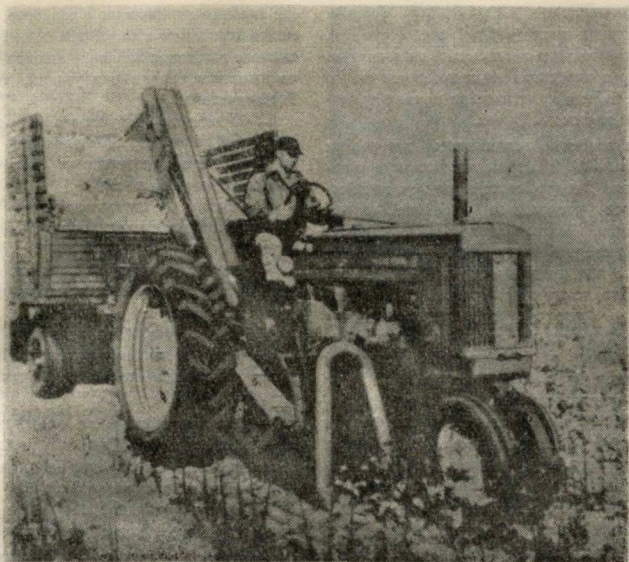
Свое путешествие мы начали с штата Миссисипи. Ознакомившись с состоянием хлопководства, мы поехали на ферму. Направление фермы животноводческо-хлопководческое. Она имеет свой собственный молочный завод. Ферма имеет до десяти тысяч клиентур.

На ферме имеется 500 голов крупного рогатого скота, из них 250 дойных коров. Средне-годовой надой на корову составляет 4200 килограммов. Бухгалтерских и счетных работников на ферме всего 5 человек. Годовой доход фермы составляет 3 миллиона долларов.

Хлопок на полях этой фермы убирают руками и машиной, применяют дефолиацию (обезлиственные) после того как откроется 50—60 процентов коробочек. Хлопок убирается машинами марки Коттон-Пиккер.

На следующий день мы посетили семеноводческую ферму в Дельта-Пайл. Ферма располагает прекрасной семеноводческой станцией. На ней успешно выводят новые сорта хлопчатника и занимаются продажей семенного материала. Эта станция принадлежала известному семеноводу Ирвингу. Сейчас ею руководит его сын. Станция имеет 13 отделений и обеспечивает 20—30 процентов потребности страны в семенном материале. За станцией закреплено 38 тысяч акров (17 тысяч гектаров) земли, из них 25 тысяч акров занято под пашню, около 10 тысяч акров занимают леса, под посевы хлопчатника отведено 7100 акров, 900 акров — занято люцерной, 2900 акров засеваются кукурузой на силос. Кроме того, возделываются многие зерновые и 6 тысяч акров отведено под пастбище.

Посев хлопчатника производится, как правило, по зби. Зябь поднимают в первой половине декабря. Характерно, что гуза-пау (стебель хлопчатника) здесь не убирают. Ее измельчают прямо в поле. Для измельчения

Машина для сбора хлопка вместе с коробочками.

стеблей применяются специальные машины-стеблерезки различной конструкции от простых барабанных с радиально установленными ножами до совершенных с вращающимися ножами. Последние срезают стебли у самой земли, размельчают их и равномерно распределяют по полю. Для дополнительного измельчения остатков стеблей и лучшей их заправки обычно вслед за стеблerezкой пускается дисковая борона и корне-резки. Измельченные стебли быстро запахи-ваются. На легких землях это делается в марте или апреле, а на тяжелых землях — в декабре или в январе. Глубина пахоты 15—20 сантиметров. Для того, чтобы быстрее протекал процесс разложения заделанной в почву гуза-паи, перед пахотой в почву обязательно вносят азот. В результате запахи-вания стеблей хлопчатника почва получает большое количество нужных ей органических веществ (7—9 тонн на га), вследствие чего значительно улучшаются ее химические и физические свойства.

Два дня провели мы в Стонвиллской сельскохозяйственной экспериментальной станции в дельте реки Миссисипи. Это учреждение, обеспеченное новейшей техникой, высококвалифицированными научными кадрами и всем необходимым для постановки

широких опытов и исследований. Станция занимается всеми отраслями сельского хозяйства. Широкие работы ведутся по механизации сельского хозяйства и борьбе с сельхозвредителями и сорняками. Вся опытная работа проводится непосредственно на полях. Мы в сопровождении директора станции доктора Джайлса осмотрели хлопковые поля, молочные фермы, хлопкоочистительные заводы, семеноводческие заводы-лаборатории комплексной механизации.

Обработка хлопчатника здесь полностью механизирована, очень мало затрачивается ручного труда, отсутствует кетменная обработка.

В больших масштабах проводятся эксперименты по дефолиации хлопчатника специальными химикатами.

Дефолиация проводится после того, как раскроется более половины коробочек. Американцы считают, что проводить дефолиацию на полях, где раскрытие коробочек не достигло 50—60 процентов, нельзя, так как это снизит урожайность и ухудшит качество волокна.

В ходе осмотра полей и ферм мы не только расспрашивали, но и сами отвечали на многочисленные вопросы. Иногда вопросы эти далеко отходили от сельского хозяй-

ства. Американцев интересовали условия труда наших хлопкоробов, наши урожаи, новая агротехника возделывания хлопчатника. Они с интересом слушали рассказы о жизни, быте и политических правах трудящихся Советского Союза.

Нам особенно запомнилась встреча с Теркилом — директором хлопкозавода и лаборатории Департамента сельского хозяйства. Завод расположен в районе города Гринвилля. Разговаривая с нами, Теркил показал старую фотографию. На ней была снята группа людей под ореховым деревом.

— Это ваши соотечественники, — сказал он. — Здесь сфотографировались члены советской делегации специалистов хлопкоочистительной промышленности. Делегация побывала у нас весной 1936 года.

Мы с интересом рассматривали фотографию. После того как памятная фотография побывала у каждого из нас в руках, Теркил попросил всех нас подойти к этому же ореховому дереву и сфотографироваться. Мы с удовольствием сделали это. Перед отъездом мы получили от Теркила по две фотографии, на которых были изображены наша делегация и делегация 1936 года.

12 сентября мы вылетели в город Мемфис. Здесь нас встретила группа деловых людей из торговой палаты. Они устроили прием в честь нашего приезда. За столом

нас засыпали множеством вопросов, касающихся агротехники хлопчатника, объема и системы заготовок хлопка. Разговор особенно оживился, когда они узнали, что я из Таджикистана.

— Скажите, — обратился ко мне один невысокий, плотный, светловолосый мужчина, — у вас в Таджикистане выращивают тонковолокнистый хлопок?

Я ответил утвердительно.

— И какой получают урожай? — спросил другой.

— В прошлом году в среднем по республике было получено по 25 центнеров с гектара, — ответил я.

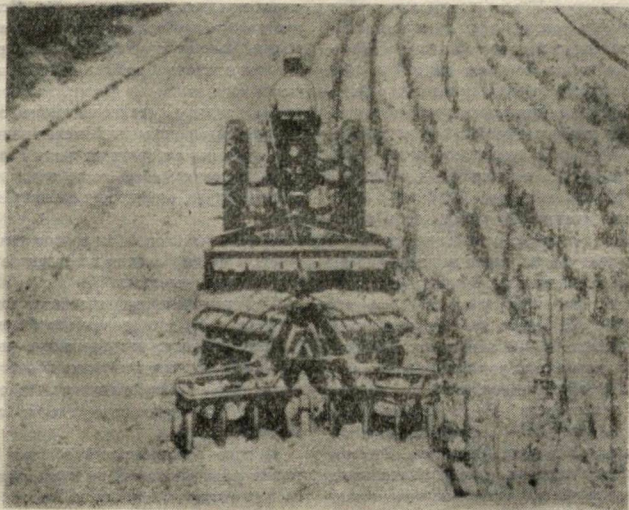
Поднялся шум. Они удивились цифре, недоверчиво покачали головами. Мне пришлось произнести целую речь, чтобы убедить их.

— Ваше правительство наметило большие планы по развитию химической промышленности, — сказал один из фермеров. — Как на них реагируют хлопкоробы?

— Горячо одобряют, — ответил я, недоумевая по поводу подобного вопроса.

— Но ведь развитие химии — это искусственное волокно, искусственные ткани и тому подобное. Упадёт потребление хлопка, снизятся цены на него. А это — разорение.

Теперь я понял его. Да, для них, американцев, развитие химии — разорение. Для

Стеблerezка барабанного типа в агрегате с дисковой боронкой.

нас — повышение народного благосостояния. И я, как можно мягче, чтобы не обидеть слушателей, постарался объяснить им разницу. По-моему, они поняли меня.

Много говорили о мире, о дружбе между советским и американским народами.

— Мы деловые люди, — говорили они. — Нам нужен мир. Мы хотим торговать с Советским Союзом, мы хотим дружить с советским народом.

И вдруг один из американцев сказал с глубоким убеждением:

— Одно желания мало для того, чтобы на земле был мир. За него надо бороться.

Я молча пожал ему руку.

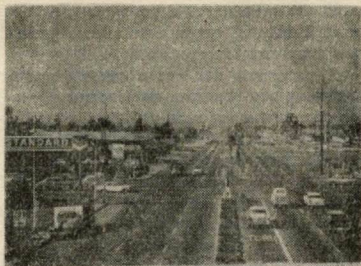
После хорошего завтрака мы вылетели в штат Техас, где производится около одной трети хлопка, получаемого в США. Первая остановка — город Доллас. Здесь пересадка. В 7 часов 30 минут прибыли в Лаббок. Под хлопчатником в районе этого города занято более миллиона гектаров.

Нас встретили представители торговых палат во главе с начальником научно-исследовательского института доктором Фишером. Приняли нас очень хорошо, трап к нашему самолету был устлан красной ковровой дорожкой. А это делается у них только для самых почетных и дорогих гостей. Нас разместили в гостинице в пригороде Лаббока.

Наше знакомство с Лаббокком мы начали с осмотра маслозавода. Объяснения давал помощник заведующего господин Кий. Этот маслозавод оснащен по последнему слову техники, автоматизирован, на нем почти нет рабочих. Выход масла на заводе составляет 17,5 процентов, а съём линтера на 2—3 процента больше, чем у нас. Пила работает 16 часов без перерыва, после чего производится заточка. Продолжительность работы пилы — один год. Съём линта тройной.

Мы обратили внимание на то, что территория завода не огорожена. В Америке вообще многие предприятия не огораживаются, и это снижает ненужные заводские расходы.

После осмотра завода мы посетили интересную механизированную ферму Джойнса около Лаббока. Ферма имеет 124 га хлопчатника и 86 га сорго. На ферме всего 2 рабочих. И только на время уборки нанимается еще 20 сезонных рабочих. Хлопок здесь убирается всего один раз сразу вместе с коробочками. В период вегетации проводятся две культивации, одна кетменная

Город Лаббок.

обработка, причем кетмень здесь не похож на наш, он не тяжел, хлопок поливают два раза. Урожай получают в размере 16 центнеров с гектара. Сев проводится по бороздкам на глубину 10—12 сантиметров.

Днем к нам в гостиницу пришли представители городского управления и вручили грамоты о временном гражданстве штата Техаса и о почетном гражданстве Лаббока.

Вечером мы были на обеде у одного очень влиятельного человека. Там собралось 23 фермера и бизнесмена. Среди них был 83-летний старик — крупный помещик. Я долго беседовал с ним. Его поразила наша простота и откровенность. Много говорилось о мире и дружбе.

— Лучше всего любить друг друга, — сказал он, — а у вас есть тенденция диктовать свою волю другим народам.

— Нет, — возразил я ему. — Наше Советское правительство, возглавляемое Никитой Сергеевичем Хрущевым, всеми силами боремся за мир, за равноправие народов. Он выдвинул идею мирного соревнования двух систем — капиталистической и социалистической. Будем строить, работать, торговать и посмотрим кто кого перегонит.

— О! — замахал помещик руками, — это пропаганда.

Я улыбнулся и умолк. Через минуту он заговорил снова.

— Вы говорите, что у вас в стране равноправие народов. Но ведь ваша республика находится в подчиненном положении по отношению к Москве.

— Во-первых, — ответил я, — ваш Техас тоже подчиняется Вашингтону. Но подчинение подчинению — различны. Наше подчинение исходит из принципов только административно-территориального устройства нашей страны. А уж если вы завели речь о том, что в положении таджикского народа

мало что изменилось с установлением Советской власти, так я вам вместо ответа расскажу свою биографию.

Я рассказал, как рос в семье батрака, как жили мои родители до революции, считая счастливым тот день, когда на троих была одна лепешка. Об ужасной нищете и горе таджикского народа рассказал я ему. А когда я начал рассказывать о жизни таджикского народа сейчас, он опять замахаля руками и перебил меня.

— Хватит, хватит. Это уже пропаганда.

Всякую правду этот помещик пытался представить пропагандой. И он, пожалуй, прав. Правда нашей жизни, наши будни являются лучшей, сильнейшей пропагандой нашей родины за социалистической строй, политику родной Коммунистической партии.

13 сентября к нам присоединился еще один переводчик, окончивший до революции Рижскую гимназию, Джон фон Лилленфельд — матерый врун и согладатель.

Мы с ним сразу почувствовали антипатию друг к другу. Знакомясь, он сказал, что он швед. Я ему ответил, что он действительно похож на шведа из-под Полтавы. Он надулся.

14 сентября был выходной день. По плану мы должны были отдыхать. Но секретарь торговой палаты этого штата господин Дони обещал нам показать одну животноводческую ферму. Мы выехали на его машине и в течение часа, проехав 100 — 120 километров от Лаббока, добрались до фермы.

Эта ферма принадлежала компании Лудер Фуд Лотс. Собственно это была не ферма, а база для откорма крупного рогатого скота.

Откорм скота производится круглый год. Скот сдается мясокормбинатам через каждые 120 дней по 15 тысяч голов, а всего за год сдается примерно 45 тысяч голов откормленного скота.

Компания закупает телят весом 250—300 кг и за 120 дней откорма доводит их вес до 500—600 кг. Здесь же имеется кормозавод с часовой производительностью 200 тонн комбикормов из сорго, овса, хлѣпкового жмыха и сена. Корм развозится на автомашине. Когда он движется вдоль кормушек, установленный в кузове транспортер раскладывает корм в кормушки. Возле кормушек установлены автопоилки.

В течение 120 дней откорма загонь, где стоит скот, не чистятся. Потом на-

воз фермеры вывозят на свои поля, уплачивая компании по 4 доллара за тонну. Все поголовье скота на базе обслуживают 3 человека, а на заводе комбикормов работает 10 человек. С каждой откормленной головы компания получает чистой прибыли 15 долларов.

Вечером мы были в гостях у фермера, президента хлопкоочистительной промышленности этого штата господина Фатнера. У него большая семья, уже взрослый сын.

Рядом с домом фермера расположены дома мексиканцев, которые работают на его ферме. Мы ужинали во дворе. Был вечер, стояла теплая, мягкая погода. Мы сидели и непринужденно беседовали. И вдруг послышалась удивительно красивая и мелодичная песня. Ее пели под аккомпанемент гитар. Мы умолкли и, очарованные мелодией, сидели, не шевелясь. Мне сразу вспомнился Таджикистан, родные напевы.

— Кто это поет? — спросил я Фатнера.

— Мексиканцы, — ответил он.

— А нельзя ли пригласить их сюда?

— С удовольствием.

Мексиканцев пригласили. Они пришли вместе с детишками, целой гурьбой. Их было человек тридцать. Одеты они были очень ярко и пестро. Видно, что эти люди не боятся ни невзгод, ни тяжелого труда. Ни труд, ни лишения не сделали их пессимистами. Они были жизнерадостны, веселы и не могли прожить одного дня без музыки, без песни.

По просьбе хозяина мексиканцы пели песни, исполняли национальные танцы.

Это было чудесное, незабываемое зрелище. Очарованные красивой мелодией, восхищенные удивительными страстными танцами, мы сидели молча и только шумными аплодисментами и возгласами одобрения выражали свою благодарность мексиканским друзьям.

А потом между нами завязалась сердечная беседа. Узнав, что мы из Советского Союза, они изумились и, окружив нас, засыпали вопросами. Мы рассказали им, что приехали сюда поделиться опытом возделывания хлопчатника. Особенно подробно пришлось рассказывать нам о жизни советских людей, о стройках коммунизма, о положении крестьян, о колхозной деревне, о Таджикистане. Один из мексиканцев сказал, что я похож на мексиканца.

— Это не удивительно, — ответил я, — потому что я из Средней Азии, где тоже жарко и возделывается хлопок, выращиваются разные фрукты.

Рассказывая о жизни народов Средней Азии, мы поведали слушателям о той большой работе, которую провело Советское государство за годы Советской власти для подъема экономики, культуры и улучшения быта народов Средней Азии. Нашим рассказом мексиканцы были очень довольны.

В знак дружбы мы подарили им разные сувениры. Они горячо благодарили нас и просили передать горячий привет советским людям и таджикскому народу. Это были простые люди, приехавшие сюда из своих родных мест в поисках заработка. Их пригнала сюда нужда. И нам понятной была та грусть, которой были переполнены их удивительные песни.

В конце обеда мы преподнесли Фатнеру халат, а его жене тютбетайку. Они сердечно поблагодарили нас.

А потом начались официальные речи. От нашего имени хозяина и его друзей приветствовал тов. Родичев. С ответным словом выступил Фатнер. Говорил он очень хорошо и дружелюбно.

На другой день с утра мы были в институте классификации и стандартизации хлопка, затем поехали на научно-экспериментальную станцию сельского хозяйства.

В этом же районе имеется колледж Департамента текстильной промышленности. Он готовит специалистов сельского хозяйства и промышленности. Колледж имеет два отделения — научное и учебное. Здесь же имеется научно-исследовательский комитет по хлопку.

Нас встретил профессор Феггер. Он ведет текстильным отделением. В этом отделении готовятся инженеры-текстильщики и проводится научно-исследовательская работа в этом направлении. Профессоры и преподаватели занимаются не только преподаванием. Они с помощью студентов решают конкретные практические задачи, выдвигаемые нуждами сельского хозяйства и текстильной промышленности.

В колледже детально изучается агротехника выращивания и технология переработки хлопчатника.

Представляет интерес структура колледжа. В нем обучается 9 тысяч человек,

в том числе на химическом факультете 3 тысячи, на инженерном 3 тысячи, на сельскохозяйственном — 1500, на факультете домоводства — 1500 человек.

Эти факультеты, в свою очередь, дробятся на отделения. Например, на инженерном факультете обучаются инженеры-механики, инженеры-химики, инженеры-электротехники, инженеры-нефтяники, инженеры-архитекторы, инженеры-текстильщики и инженеры-работники управления промышленностью.

При этом надо отметить, что на отделении работников управления промышленностью, как правило, занимаются дети фабрикантов, заводчиков, крупных землевладельцев, которые должны заменить своих отцов в управлении предприятиями.

Срок обучения в колледже 4 года.

На сельскохозяйственном факультете обучаются агрономы, инженеры-механизаторы, агрономы-педагоги, животноводы, молоководы, экономисты сельского хозяйства, управляющие парками, узкие специалисты по садоводству, виноградарству, овощеводству и бахчевым культурам.

Этот колледж представляет собой прекрасно оборудованное предприятие. Сельскохозяйственный факультет имеет 1200 га пахотной земли, несколько тысяч голов скота, 20 тысяч га пастбищ. Текстильный факультет имеет свои фабрики. Факультет домоводства — свой дом.

Более тридцати процентов времени студенты проводят на практике. Они сами обрабатывают землю, ухаживают за сельскохозяйственными культурами и скотом или работают на заводе.

Например, девушки, обучающиеся на факультете домоводства, должны знать кулинарию, уметь готовить различные блюда и закуски, сервировать стол, стирать, штопать, шить, вышивать, ухаживать за ребенком и т. д. Все эти навыки приобретаются, главным образом, на практике.

Знакомство со станцией навело меня на мысль о необходимости правильного распределения научных сил, с точки зрения приближения их к практике. Будет очень правильно, если мы, выполняя указания ЦК КПСС, добьемся такого положения, что наши ученые будут проводить свои опыты не в тиши кабинетов, а непосредственно на полях, в садах, на фермах.

Много времени посвятили мы осмотру хлопкоочистительного завода Фатнера. Завод принимает неочищенный от коробочек хлопок, с влажностью до 20 процентов. Хлопок вместе с коробочками поступает в сушильный, затем очистительный агрегат. В результате получается волокно 7—8 процентной влажности.

16 сентября мы вылетели из Лаббока в г. Эль-Пасо, а оттуда в Лас-Круссе штата Нью-Мексико. От Эль-Пасо до Лас-Круссе поехали на машинах. В Лас-Круссе находится центральная научная станция Нью-Мексико.

Приехали к вечеру, устроились в гостинице. Осмотрели город. Он небольшой, не шумный. Дома здесь очень похожи на восточные, среднеазиатские дома, с разными украшениями резьбой по дереву. Здания старые. Ресторан Лапаста существует около ста пятидесяти лет. Поужинав в одном из маленьких ресторанчиков, устроились на отдых.

С утра мы отправились осматривать поля экспериментальной станции Земледельческого и механического колледжа. Здесь, в связи с избытком дешевой рабочей силы, механизация развита слабее. Почва супесчаная, климат неустойчив, особенно весной. Этот район очень похож на наш Шаартузский район. Здесь выращиваются и тонковолокнистые и коротковолокнистые сорта хлопчатника.

На этой станции ведутся большие исследования по механизации, севооборотам, срокам сева, густоте стояния растений, борьбе с вилтом. Мы ознакомились с опытом посева хлопчатника на однометровых междурядьях, с густотой стояния растений от 10 до 90 тысяч на акре. Лучшей густотой считают 65 тысяч растений на акре (в акре 0,4 гектаров) при одиночном стоянии растений. Преобладает хлопчатник сорта Акала 15—17. Станция ведет широкие опыты по борьбе с сорняками химическим методом. Причем, здесь установлено, что химическим методом можно успешно уничтожать однолетние травы.

На одном опытном поле мы видели 250 сортов Акала, испытываемых против бактериальной заболеваемости лист.ев хлопчатника.

Севооборот (в нашем понимании) здесь не соблюдается, но есть поля, где проводятся опыты по севообороту. Мы видели кар-

ту, где четыре года сеялась люцерна и три года возделывается хлопчатник.

Надо отметить, что многие хлопкоробы США вообще не признают севооборота как средства для повышения урожайности. Так, в штате Миссисипи фермер Зландия Слендман рассказал нам о наличии одного поля, на котором хлопчатник выращивается непрерывно уже сто лет. До этого в штате Миссисипи нам рассказывали о существовании хлопковой карты, на которой хлопчатник бессменно возделывается в течение 130 лет и снижения урожая не наблюдается. Они объясняют это ежегодным внесением большого количества удобрений.

Борьба против вилта на полях станции Лас-Круссе ведется в основном путем отбора вилтоустойчивых сортов. Для этой цели высеивается 600 разных селекционных сортов.

В каждом районе земледельческий колледж имеет своего агента и 2—3-х помощников, которые знакомят фермеров с научными достижениями колледжа. Кроме этого, научные достижения колледжа широко пропагандируются через клубы фермерской молодежи.

Мы побывали еще на хлопкоочистительном заводе.

На этом заводе-лаборатории мы узнали, что валик обматывают не кожей, как это делается у нас на хлопкозаводах, а синтетическим каучуком и это дает большую экономию кожи.

На заводе мы встретились с доктором Джернером Бентом. Этот завод когда-то был основан самим доктором Бентом. Но теперь он уже пожилой человек, приезжает консультировать молодых инженеров. Мы предложили сфотографироваться с ним. Он охотно согласился.

На этом заводе проводятся работы по улучшению конструкций машин для очистки тонковолокнистых сортов хлопчатника, повышению производительности оборудования, ставятся опыты по борьбе с розовым червем. Здесь же испытываются все новые машины джинирования, годные для этой зоны хлопкосеяния.

18 сентября по пути из Лас-Круссе в Эль-Пасо мы решили осмотреть обширные владения помещика Стоймана Инса — владельца pekanовых орешников, занимающегося одновременно производством хлопка и разведением гусей. Это был очень деловой и хитрый человек, матерый эксплуататор. Познакомившись, он пригласил нас в контору, где произнес целый доклад о своем хо-

зайстве. Причем, разговор он начал очень интересно, с «доказательства» соблюдения в США принципа социализма: от каждого по способности, каждому по труду.

— У нас, — говорил он, — этот принцип наглядно осуществляется. Я — крупный фермер, под моим руководством много рабочих и машин. Я все планирую, учитываю, организую. Я много работаю и за многое отвечаю и потому много имею. Рабочий знает одно дело, он делает его только по моей указке — и под моим руководством. И он согласно этому получает за свой труд во столько раз меньше, насколько его труд малозначительнее моего.

— Ловкой—воскликнул я, пораженный беспардонной демагогией этого эксплуататора.—Вы перевернули марксистское положение с ног на голову и из средства защиты рабочего превратили его в средство нападения на него.

— Что вы хотите сказать? — насторожился Стонман.

— Я хочу сказать, что нельзя принцип, существующий в социалистическом обществе, переносить в общество капиталистическое. Это — вредная демагогия, направленная на обман трудящихся.

Мы заспорили. Стонман понял, что попал виросак и пытался свое поражение прикрыть резкостью. Тогда я попросил его успокоиться и сказал, что мы приехали сюда не для теоретических споров, а для изучения хлопководства. А к нему мы заехали, чтобы посмотреть его хозяйство.

Хозяйство он нам показал, но разговорами о социализме больше не занимался.

Его ферма имеет 1600 га насаждений пекана (разновидность ореха, по вкусу похожего на грецкий орех) и 440 гектаров хлопчатника. На ферме постоянно работают 20 человек и на время уборки нанимается 60 человек сезонных рабочих. На ферме выведен свой сорт хлопчатника, имеющий исключительно высокие качества (одна коробочка весит 9—10,5 гр). Урожайность этого сорта 38—40 центнеров с га. Семена нового, «своего» сорта хлопчатника, фермер никому не дает. На ферме есть лаборатория. Хозяин фермы прекрасно справляется с обязанностями лаборанта.

Вечером 18 сентября делегация вылетела из Эль-Пасо и прилетела в г. Туссон (штат Аризона).

На следующий день с утра мы посетили Туссонский университет, где декан факультета доктор Н. Майерс познакомил нас с состоянием сельского хозяйства Аризоны.

Основная отрасль хозяйства Аризоны — хлопководство. Под хлопчатником здесь занято 370 тысяч акров. Средняя урожайность 11000 фунтов сырца на акр.

Основным сортом хлопчатника, возделываемого в районе, является Акала—44. Он получен путем скрещивания сортов, возделываемых в Аризоне, с сортами, выращиваемыми в Нью-Мексико. Сортом Акала-44 засеивается 80 процентов хлопковой площади.

В университете нам представили доктора Е. Н. Прислей, который и является автором (селекционером) сорта Акала-44. Доктору Прислей 74 года, но он очень подвижный и разговорчивый человек. Несмотря на столь преклонный возраст, он сам водит свой автомобиль. Выведенный им сорт хлопчатника Акала-44 является основным для штата Аризона. Этот сорт занимает значительные площади и в штате Нью-Мексико. Позднее из Акала-44 выведен новый сорт Акала-Ва, который по своим качествам превосходит своего «родителя».

Сев хлопка начинают здесь в конце февраля, а вокруг города Феникса в конце марта. Сбор же начинают в начале сентября и кончают в феврале следующего года. Заморозков здесь почти не бывает, климат жаркий, но влажный.

В связи с тем, что в Соединенных Штатах Америки всего 100 тысяч акров земли занято под тонковолокнистым хлопчатником и главным образом в этом штате, мне хотелось бы рассказать о порядке сева и обработки почвы. Подготовка почвы к севу в этом районе такова:

Измельчение стеблей хлопчатника, запашка измельченных стеблей на глубину 25—30 сантиметров, планировка, нарезка борозд, предпосевной полив, дискование четырехсекционным диском, боронование, уплотнение почвы перед посевом.

Здесь добиваются получения на гектаре 80—90 тысяч растений, но прореживание, как правило, не проводится, поэтому норма высева семян установлена 16—19 килограммов на акр, при 50—60-процентной всхожести. Это примерно 30—35 килограммов на гектар.

Все здешние специалисты-хлопковики выступают против проведения дефолиации. Они ратуют за машинную уборку, но предлагают проводить ее, как правило, после заморозков.

Сбор урожая начинается здесь при 70—75-процентном открытии коробочек.

До 70 процентов урожая убирается ма-

пинами, а дефолиация проводится только на 10 процентах всей площади.

Мы посмотрели сбор хлопка машинами марки НМ-120. Результаты следующие: 6 процентов засоренности, 15 процентов потерь.

Очень внимательно знакомились мы с ведением хозяйства на ферме Базвелла.

Ферма имеет 4000 га земли из них 2175 га засеивается хлопчатником. Средняя урожайность сорта «Хирзутум» — 40, а сорта «Барбенес» — 23 ц с гектара.

Хлопчатник поливается из 32 колодцев. Полив проводится по бороздкам с помощью сифонов. Длина поливной борозды велика: от 300 до 1600 метров.

30% хлопка убирается машинами. На ферме 20 однорядных хлопкоуборочных машин «Пижеров», 52 колесных и 4 гусеничных тракторов, 14 хлопковых сеялок, 16 культиваторов, 24 плуга.

Хозяйство обслуживают 150 постоянных рабочих. На период уборки нанимаются 1200 сезонных рабочих.

Мы обратили внимание на то, что 25% всех земель пустовало. Подобную картину нам уже приходилось наблюдать и на других фермах.

Эти пустующие земли — результат капиталистического способа ведения сельского хозяйства в США.

В богатейшей стране капиталистического мира из года в год падает покупательная способность широких масс населения. Монополии стремятся во что бы то ни стало сохранить высокие цены на сельскохозяйственное сырье. Серьезные затруднения с экспортом хлопка возникают ввиду успешной конкуренции Бразилии, Египта и Мексики.

Вследствие этих причин в США, начиная с 1951 года, непрерывно возрастают запасы нереализованного хлопка-волокна. К 1956 году они увеличились в пять раз и достигли 3310 тысяч тонн.

Правительство США вынуждено было принять ряд мер к увеличению экспорта хлопка и к сокращению его производства. Американцы стали продавать свой хлопок на международном рынке на 20—25% дешевле, чем он продавался на внутреннем рынке.

В целях сокращения производства хлопка правительство США в 1954 году приняло специальный закон об ограничении посевных площадей хлопчатника, гарантировав фермерам закупку у них хлопкового волокна по твердым ценам только при условии, если они не превысят установленного

правительством размера посевных площадей хлопчатника.

Однако этого закона оказалось недостаточно. Фермеры улучшили агротехнику и на сокращенных площадях получали те же урожаи.

Тогда в 1957 году правительство США принимает новый закон, по которому за каждый гектар незаезженной плановой площади фермеру выплачивается денежная компенсация в 1957—133,8 долларов, а в 1958—145,7 долларов.

Крупные фермеры воспользовались этим и пошли на сокращение площадей. Мы видели хлопковые поля, где после 2—6—8 хлопковых борозд столько же борозд пусто-вало.

А в Калифорнии — жемчужине США — мы видели картину, которая до глубины души потрясла нас.

Был жаркий солнечный день. Наше внимание привлекло одно обширное хлопковое поле; $\frac{2}{3}$ коробочек на этом поле уже открылось, сверкая на солнце белоснежными хлопьями. Таких участков мы встретили немало и проезжали мимо них. Но на этом мы увидели такое, что заставило нас остановиться.

По белоснежному хлопковому полю шел трактор, таща за собой стеблerezку, которая измельчала отягощенные тучными коробочками кусты и рассеивала их по полю.

Я знаю, какого труда стоит хлопкоробу вырастить гектар хлопчатника и не мог равнодушно смотреть на то, как бездушная машина зарывает в землю результаты этого труда.

— Что они делают?! — воскликнул я.

— Успокойтесь, — ответил наш проводник, — это обычное явление. Фермер засеял лишней сверхплановой участок земли. Его обнаружили и предложили уничтожить. Если фермер не сделает этого, у него не купят ни одного центнера хлопка.

— Но здесь с каждого гектара можно собрать по 35—40 центнеров первосортного хлопка, — сказал Фирсов.

— Пустяки, — ответил наш сопровождающий. — У нас в США во имя сохранения доходов жгут и хлеб, и кофе и могут уничтожить все что угодно! Доход, бизнес, прибыль — вот что управляет всем.

Я стоял и смотрел на машину, уничтожающую труд фермера. Мне хотелось выбежать в поле и встать на пути этой чудовищной машины, закрыв ей дорогу. Никакие доводы о бизнесе и доходах не могли поколебать меня, привыкшего с уважением

относиться к человеческому труду. Чтобы не видеть этой дикой картины, мы поспешили уехать.

Не случайно посевные площади хлопчатника в США неуклонно снижаются. В 1958 году они составили 4,960 тысяч га против 19 миллионов га в 1926 году.

Сокращение посевных площадей губительно отразилось на судьбах мелких арендаторов. Только на юге страны за 5 лет (1950—1955 гг.) число арендаторов уменьшилось на 200 тысяч человек.

За период с 1940 по 1954 годы число фермеров и арендаторов сократилось на 1315 тысяч или по 88 тысяч в год. Причем, только за четыре года (1950—1954) количество фермерских хозяйств сократилось на 600 тысяч или по 120 тысяч ежегодно. Таких темпов вытеснения и разорения мелких фермеров не знала еще история США.

Результаты этих «темпов» мы видели повсюду. Там и сям по пути нашего следования видели мы пустые фермы, уныло стоящие дома с заколоченными окнами. За каждым таким домом нам виделась горькая и нищая доля семьи разорившегося фермера или арендатора, которые скитаются по дорогам Юга в поисках случайных заработков. Жалкая и горькая доля тружеников в этой богатейшей капиталистической стране!

Из всех встреч, которые произошли у нас в Калифорнии, мне особенно запомнилась встреча с русскими фермерами, которые в 1904—1910 годах эмигрировали в США, спасаясь от преследований царского правительства за свои религиозные убеждения. Все они были сектанты (молокане, духоборы и т. п.).

В наших беседах выяснилось, что они доброжелательно относятся к Советскому Союзу и его представителям. С неподдельной грустью и теплотой вспоминают они Россию. Они помнят названия родных деревень, речек, лесов, фамилии бывших друзей, родственников, соседей. Русские фермеры полностью сохранили свою религию, обычаи и обряды. Отцы и матери русских фермеров говорят только на своем родном языке, дети и внуки их тоже знают русский язык, а правнуки знают только отдельные русские слова.

Мы внимательно ознакомились с хозяйством одного из русских фермеров, некоего Малофеева Карпа Федоровича. Это крупное хозяйство. В нем 560 гектаров земли, из них 180 занято хлопчатником, урожай хлопка с одного гектара — 37—40 центнеров.

Кроме этого на ферме Малофеева откармливается 1100 голов крупного рогатого скота. Скот откармливается в течение 120 дней до веса 500—600 килограммов и затем продается. Все процессы откорма механизированы. За всем скотом ухаживает всего один человек.

По приглашению русских фермеров мы побывали у них в гостях. Нас принимал в своем доме Поздняков Владимир Васильевич. Там собрались многие русские фермеры с семьями. Хозяева принимали нас с неподдельным русским гостеприимством и хлебосольством. На столе лежали горы блинов, множество домашних варений, печений и солений.

Наша интересная беседа длилась более двух часов. Мы спросили Дарью Федоровну Рыкову, почему она не научилась до сих пор говорить по-английски.

— И, милье, — протянула она, — зачем нам чужой язык? Мы — русские и свой язык терять не хотим.

— Почему вы не садитесь? — спросил кто-то из нас Дарью Федоровну.

— Стоять лучше наглядисься, — ответила она. — К нам из России, ой, как редко приезжают и мы хотим на вас вдосыть насмотреться.

Разговор за столом шел о Советском Союзе, о его борьбе за мир, о жизни советского народа.

Город Бексфорд (Калифорния).

— Советское правительство и партия, — сказал один из фермеров, — являются подлинными собирателями русского народа и за это мы, русские, сердечно благодарны им.

Нам задавали много самых разных вопросов — расспрашивали о Москве, о жизни колхозников, о школах, о детских учреждениях. Одним словом, это была настоящая встреча земляков.

Надо сказать, однако, что не везде и не все относилось к нам одинаково. Некоторые

Члены советской делегации среди русских фермеров.

американцы, одурманенные антисоветской пропагандой, относились к нам с недоверием. Правда, в ходе встреч и бесед мы пытались растопить холодок, и это нам почти всегда удавалось. Насколько превратное представление о советских людях сложилось у некоторых американцев, видно из одного высказывания.

— Мы думали, — сказал нам один американец во время беседы, — что все советские люди — страшные, злые и черствые и обязательно бородатые, потому что им некогда побриться.

— Ну, а как же вы будете думать о советских людях после нашего отъезда? — спросил я.

— Что ж, они — хорошие люди, веселые и простые. Надо с ними дружить.

Местная печать уделяла большое внимание нашей поездке, систематически публикуя отчеты и фотографии. Но кое-где мы столкнулись с неблагоприятными явлениями. Так, в Гринвилле (штат Миссисипи) корреспонденты выдали нас за делегацию Узбекистана, а не СССР. А в г. Туссон (штат Аризона) была напечатана статья под кричащим заголовком: «Русские ищут тайны американского хлопка».

Но таких выпадов было мало и они ни в коей мере не могли омрачить теплого и радушного приема, который оказали нам хлопкоробы Америки.

Мы многое увидели, многое рассказали американским хлопкоробам. Думается, что этот откровенный обмен мнениями и опытом принесет несомненную пользу и нам и американцам.

Мы знаем, что нас ожидает напряженное соревнование с Америкой по всем линиям экономического развития. Мы давно уже обогнали США по темпам роста, но отстали от них по производству сельхозпродуктов на душу населения. Но в последнее время США начинают уступать нам и в этом. По общему объему молока и масла мы уже обогнали США, а шерсти в СССР производится в 2,3 раза больше, чем в Америке.

Особенно круто в СССР пойдет вверх производство сельхозпродукции в годы семилетия, в которое мы вступили. Семилетний план предусматривает увеличение объема валовой продукции сельского хозяйства в 1,7 раза, среднегодовой прирост составит 8%. А за последние семь лет средне-годовой прирост сельскохозяйственной продукции в США составил менее двух процентов. Комментарии здесь излишни.

Производство хлопка-сырца в нашей стране возрастет за семилетку с 4400 тысяч тонн до 5700—6100 тысяч тонн.

Мы, советские люди, уверены, что победа в мирном соревновании с Америкой будет за нами.

Дела и люди семилетки

Мумин Каюатов

Ракета жизни

Вновь звездой золотой
Над взволнованной землёй
Поднялась от нас ракета,
Светом Родины согрета.
Продолжая с нею путь,
Можем в космос заглянуть,
С ней к созвездьям коммунизма
Мы идём, моя отчизна!
Верят в спутников земли
Современники мои!
Млечный путь в пути струится...
Сквозь века ракета мчится
И в космический полёт
Очень важный груз несёт:
Точный ум, согретый страстью!

Нашу волю! Наше счастье!
Скоростных успехов сила
Путь страны определила:
Строят счастье всей земли
Современники мои!
Семь ступеней у ракеты
Светом родины согреты,
Я уверен, что опять
Сроки сможем перегнуть
Каждый год мы, как ракету,
В жизни будем запускать!
На орбиту коммунизма
Выйдем мы, моя отчизна!
Победим! Не в первый раз
Попадание у нас!

Вольный перевод Елены Петровой.

Мехрубон Назаров
Заместитель министра культуры
Таджикской ССР

Щедрое и яркое искусство

Если в эти яркие солнечные дни единым взглядом окинуть всю нашу великую Родину—от Прибалтики до Курил, от зеленых садов Вахшской долины до белых полярных просторов,—если прислушаться к созидательному гулу семилетки и вобрать в свое сердце все картины, факты и цифры нашей жизни, то невольно захочется повторить вдохновенные слова Никиты Сергеевича Хрущева: «Товарищи! Мы живем с вами в прекрасное время, когда волею и трудом советских людей создаются основы коммунизма—самого справедливого общества на земле»...

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза ознаменовал новый этап в развитии нашей страны—период развернутого строительства коммунизма. На повестку дня со всей остротой встал вопрос о дальнейшем подъеме культурного уровня советского народа, о необходимости готовить человека духовно к будущей, уже близкой прекрасной жизни.

С высоты этих задач нет нужды говорить специально о той роли, которую должна играть в быту художественная самодеятельность. Это вопрос ясный: являясь неотъемлемой частью социалистической культуры, она призвана служить делу коммунистического воспитания трудящихся масс.

Мы можем с гордостью сказать, что в нашем солнечном Таджикистане, как и в других братских советских республиках, через кружки художественной самодеятельности приобщаются к высотам культуры и искусства десятки тысяч тружеников. О массовости художественной самодеятельности свидетельствует тот факт, что в республике сейчас насчитывается более двух тысяч коллективов различных жанров самодеятельного искусства, объединяющих более тридцати тысяч певцов, чтецов, танцоров, музыкантов и других представителей художественной самодеятельности. Лишь в одном 1958 году они дали более 3000 концертов, выступая на импровизированной сцене—на колхозном полевом стане, на строительных площадках, в бригадах коммунистического труда.

Замечательной традицией стали периодические смотры народных талантов. В широком развитии художественной самодеятельности отражается культурный и политический рост советских людей, и поэтому каждый смотр народных талантов превращается в крупное общественное событие, являясь демонстрацией идейного богатства и разнообразия форм яркого, щедрого народного творчества таджиков.

О широком приобщении трудящихся к художественной самодеятельности свидетельствует и то, что лишь в районных смотрах в прошлом году приняло участие более 330 самостоятельных коллективов, объединяющих почти 4200 участников, а в столицу республики отовсюду, даже из самых дальних горных кишлаков, на республиканский смотр прибыло более тысячи исполнителей. Отрадно отметить хорошую инициативу ряда районных Домов культуры, сельских клубов в подборе высококачественного репертуара, в совершенствовании исполнительского мастерства, в укреплении состава кружков, в создании новых форм творчества. Так, в Орджоникидзеабдском районе был создан детский ансамбль песни и танца, с успехом выступивший в дни смотра перед зрителями. В Пенджикентском районе, на родине бессмертного Рудаки, коллектив художественной самодеятельности собственными силами создал литературно-музыкальную композицию, посвященную своему великому земляку. Свежестью, оригинальностью репертуара и непосредственностью исполнения радовали самостоятельные коллективы Кулябской группы районов, Горно-Бадахшанской Автономной области, Исфаринского, Октябрьского, Таджикабадского, Курган-Тюбинского и других районов республики.

«Праздником Весны» назвали сталинабадцы проведенный в мае месяце смотр кружков художественной самодеятельности столицы. Коллективы Министерства связи, Трудовых резервов, Сталинабадского хлопкозавода, еще совсем молодой, но замечательный самостоятельный коллектив Политехнического института и другие показали почти профессиональное исполнительское мастерство. Неподдельный восторг вызвало у зрителей театральное представление—интермедии, остроумные шуточные сценки, созданные инженером Индурским, преподавателем Политехнического института, энтузиастом самостоятельного искусства. Тепло встречается исполнение романса Алябьева «Соловей» участницей хорового кружка станции Сталинабад тов. Холодиловой и романса М. Глинки «Не искушай»—участницами этого же кружка тт. Смирновой и Савченко.

Самое ценное во всех выступлениях названных коллективов—это отражение кипучей жизни своего предприятия, учреждения, вуза или техникума. Можно смело сказать, что именно на смотры со всей очевидностью выявилось, какие широкие, еще далеко не использованные возможности роста народного самостоятельного искусства имеются в каждом рабочем и колхозном коллективе, во всех учебных заведениях.

Об этих упущенных возможностях и следует, на мой взгляд, говорить прежде всего. Успехи, достигнутые в области развития художественной самодеятельности, бесспорны, однако упиваться ими излишне, хотя бы уже потому, что рост самостоятельных коллективов еще значительно отстает от общего подъема экономики и культуры нашей республики.

Важнейшим недостатком в этом деле следует признать отсутствие кружков художественной самодеятельности во многих колхозах, совхозах и РТС, то есть в сельской местности. Сельские Советы и правления колхозов недооценивают их роль в организации досуга тружеников колхозных полей. Даже в таком прославленном далеко за пределами республики хозяйстве, как колхоз «Москва» Ленинабадского района, не созданы постоянно действующие самостоятельные коллективы. Что, разве здесь мало талантливой молодежи? Или нет помещения? А, может быть, отсутствует инвентарь, нет средств для приобретения музыкальных инструментов и т. д.?

Смешно, конечно, ссылаться на эти причины. Дворец культуры колхоза «Москва» является таким помещением, которому может позавидовать любое село и даже некоторые города. Практика показывает, что часть средств в этом колхозе, да и в других, выделяемая на куль-

турную работу,—а средства эти составляют большие суммы,—остаются зачастую неиспользованными. Значит, дело просто в халатном отношении к вопросам, связанным с развитием самодеятельного искусства масс, с их художественным обслуживанием.

Сегодня мы не можем уже мириться с подобным положением. Не нужна нам и показная парадность, наблюдаемая в работе сельской художественной самодеятельности таких районов, как Варзобский, Гиссарский, Дангаринский, Московский, Аральский и некоторых других. До республиканского смотра здесь еще что-то делали, а затем просто «закрыли» кружки,—очевидно, до следующего смотра. Но задача заключается в другом: она состоит в том, чтобы участие в работе самодеятельных коллективов стало бы для человека насущной необходимостью, ибо именно они призваны играть громадную роль в воспитании и формировании его эстетических вкусов.

Вызывает, в связи с этим, серьезную тревогу и крайне слабое участие в кружках художественной самодеятельности девушек местной национальности. В силу живучести старых взглядов и предрассудков девушки-таджички и узбечки кое-где просто-напросто не вовлекаются в культурно-просветительную работу. Невольно думаешь: сколько среди них еще нераскрытых прекрасных талантов! А ведь участвуют девушки и женщины в хоровых и танцевальных кружках, выступают в тех или иных ролях различных спектаклей,—как много ярких, самобытных дарований, украсивших профессиональное искусство, можно обнаружить!..

Очевидно, в самое ближайшее время будет проведен смотр женщин-исполнительниц. Но одним смотром здесь не отделаться: девушки и женщины, особенно местной национальности, должны стать неизменными участниками художественной самодеятельности.

В нашей стране началось замечательное движение за создание театров народного творчества—высшей формой самодеятельного искусства масс. Театры эти, как правило, вырастают на базе постоянно работающих кружков художественной самодеятельности. Право называться Народным театром могут получить лишь те коллективы, которые своей работой заслужили признание общественности. Иначе и быть не может, ибо задачи театров шире задачи обслуживания трудящихся масс и работы над той или иной программой. Они должны стать и методическим, консультационным пунктом для своих, если можно так сказать, младших братьев—кружков художественной самодеятельности. Легко представить, как велика их роль, особенно в тех местах, где нет профессиональных театров.

Есть ли у нас коллективы, которые могут завоевать право называться Народным театром?

Да, есть. К ним относятся в первую очередь кружки художественной самодеятельности Курган-Тюбинского, Канибадамского районных и Ленинабадского городского Домов культуры.

Однако искусственно форсировать создание Народных театров в погоне за количеством не стоит. Если встать на этот путь, то достичь желаемой цели будет очень и очень трудно. Нужно исходить из реальных условий, а они таковы, что лучший путь—это путь укрепления существующих коллективов при подъеме качества и идейно-художественного уровня их работы.

* * *

Бурный рост художественной самодеятельности предъявляет огромный рост на современный репертуар, на произведения, которые могли бы легко инсценироваться в условиях клуба и вместе с тем обла-

дали бы высокими идейно-художественными достоинствами, жизненным правдоподобием.

С неизменным, например, интересом встречает зритель постановку современных пьес. Но как ни горько признавать, а театральная художественная самодеятельность до сих пор остается наиболее узким местом. Это выражено и в малочисленности драмколлективов, особенно на селе, и в бедности репертуара имеющихся драматических кружков, и зачастую еще в слабых художественных качествах осуществляемых постановок.

Привада, ряд самодеятельных драматических коллективов после республиканского смотра стал готовить свои новые спектакли более вдумчиво, без обычной спешки. Драмколлективы Таджикабадского и Орджоникидзеабадского Домов культуры уже приобрели навыки работы над одноактной пьесой, а драмколлектив Сталинабадского клуба профсоюз работников Госучреждений поставил пьесу Шкваркина «Чужой ребенок», фрагменты из классической советской пьесы К. Тренева «Любовь Яровая» и ряд других спектаклей.

Безусловно, хороши для репертуара кружков театральной самодеятельности, особенно не имеющих еще сложившихся традиций и опыта многолетней работы, сокращенные варианты больших пьес. Однако— и это необходимо подчеркнуть— в основе самодеятельного репертуара остается одноактная пьеса. Только не следует понимать данную мысль односторонне и гнаться за количеством пьес. Приоритет по-прежнему остается за их качеством, за их содержанием. Нам нужно много пьес, но пьес хороших, пьес высококачественных и высокохудожественных. А наши драматурги мало пишут для клубной сцены и создание одноактных пьес зачастую носит кампанейский характер. Взять, к примеру, пьесу в одном действии А. Дильбара «Имтихон» («Экзамен»), или пьесы «Орзу» («Мечта») С. Сафарова, «Фестиваль дар хона» («Фестиваль в доме») С. Саидмурадова и некоторые другие. Они выдержали всего одну-две постановки, а Республиканский Дом народного творчества тем не менее приобрел их для широкой рекомендации самодеятельным коллективам.

Жаловаться на то, что в нашей самой передовой и самой идейной литературе мира нет замечательных поэтических и прозаических произведений, которые могут читаться со сцены, не приходится. Однако отчето некоторые художественные руководители некоторых кружков подбирают такие вещи, которые по существу не имеют «права голоса» на эстраде?

Стоит задуматься над этим вопросом, тем более, что в репертуаре самодеятельных коллективов такой вид искусства, как художественное чтение, представлен слабо.

— Нет любителей,— пытаются утверждать иные руководители.

Неправда! Если тот или иной человек способен сыграть роль в спектакле, то он безусловно сможет выступить и как чтец-декламатор. Любому участнику кружка надо только подыскать в коллективе такое место, где бы он полнее выразил свои дарования. Надо воспитывать его, выращивать в нем зерна таланта, не страшась, что побеги вначале будут неровными. Воспитать мастера художественного чтения можно лишь на высококачественных и высокохудожественных произведениях.

Как видите, все существо вопроса опять-таки в репертуаре.

Репертуар— основное в успехе работы каждого самодеятельного коллектива, точно так же, как и профессионального театра, ансамбля и т. д. и т. п.

В выборе репертуара необходима повседневная помощь творческих организаций— Республиканского Дома народного творчества, Управления по делам искусств Министерства культуры Таджикской ССР, Союза композиторов Таджикистана. Следует установить такой поряд-

док, чтобы известный контроль за выбором репертуара осуществляли областные и районные отделы культуры, чтобы репертуарные планы самодеятельных коллективов обсуждались на советах клубов, в культкомиссиях фабрично-заводских комитетов, профкомов учебных заведений. Только тогда будет достигнута реальная возможность не допустить проникновения на клубную сцену пошлых, антихудожественных произведений, в которых искажается облик советских людей—строителей коммунизма, а сама наша замечательная действительность показана в кривом зеркале, тускло и серо.

Более серьезного отношения к себе требует и хоровое самодеятельное искусство, особенно теперь, когда на очередь дня встал вопрос о создании, по примеру других братских республик, городских объединенных хоров. Такой объединенный, на первых порах, самодеятельный, а затем, быть может, и профессиональный хор должен звучать прежде всего в столице. Возможности объединения хоровых коллективов на общественных началах в Сталинабаде и потом в других городах Таджикистана есть, они вполне реальны, так как почти каждый самодеятельный коллектив имеет в своем составе хоровой кружок или вокальную, певческую группу.

Осуществление этой идеи во многом зависит от Союза композиторов республики. И чем активнее наши композиторы займутся ею, тем скорее будут и сроки создания такого хора, тем выше, ярче, качественнее будет уровень развития самодеятельного вокального искусства. Ведь сегодня это воспринимается как архаизм, когда, вместо песен, посвященных радостному труду и пафосу коммунистического строительства, или патриотических вокальных произведений классики, хоры исполняют песни сомнительного качества или пошлые душеспиральные, «жестокие» романсы.

Для улучшения деятельности музыкальных коллективов, сеть которых расширяется все больше, необходимо повысить роль специального образования их участников. Невозможно, да и незачем скрывать то обстоятельство, что лишь немногие участники художественной самодеятельности знакомы с нотной грамотой.

Тут мы подошли к существенному вопросу о подготовке специалистов—руководителей драматических и танцевальных коллективов, дирижеров оркестров, хормейстеров.

Большинство руководителей, как правило, является общественниками художественной самодеятельности, людьми без специальной подготовки. Что же касается квалифицированных, опытных, со специальным образованием руководителей, то они, как говорится, «нарасхват» и зачастую заняты в двух, а то и в трех коллективах, что, конечно, не приносит необходимого эффекта.

Между тем пополнение их рядов идет крайне медленно. В этом году, например, годичные постоянно-действующие курсы по подготовке руководителей кружками художественной самодеятельности окончат более тридцати человек. Разумеется, это ни в коем случае не может восполнить острой нужды в кадрах. Нужны более действенные формы.

В первую очередь, думается, необходимо решить вопрос о подготовке высококвалифицированных специалистов путем реорганизации существующей 3-х годичной школы культпросветработников и создания на ее базе специальных факультетов.

Необходимо также, очевидно, направлять на работу в художественную самодеятельность определенную часть выпускников музыкальных учебных заведений республики.

Многое могут сделать для развития художественной самодеятельности работники профессионального искусства. Перед нами хороший пример прославленных коллективов Малого театра и Московского

Художественного Академического театра им. А. М. Горького, взявших шефство над многими самодеятельными коллективами страны.

К сожалению, актеры республиканских театров и профессиональных творческих коллективов дальше обещаний не идут. Не раз брали они на себя торжественные обязательства помогать сельским и районным коллективам, но многие ли из них могут похвастаться тем, что выполняют эти обязательства?... А ведь, скажем им в упрек, многие из них вышли из художественной самодеятельности.

* * *

Не слишком ли пессимистична изображенная мною картина?

Думается, что приведенные в начале статьи факты успехов говорят сами за себя. То, что достигнуто,—этого никто не отнимает, а вот о том, что мешает нам и что нужно еще сделать,—об этом следует говорить в полный голос.

Развитие кружков художественной самодеятельности, выращивание талантов из народа является делом большого политического значения. Эта мысль ясно прозвучала с трибуны XXI съезда КПСС, в частности, в выступлениях секретарей ЦК КПСС М. А. Суслова и Е. А. Фурцевой.

«Пришло время,—говорила тов. Фурцева,—когда, наряду с государственными театрами и коллективами, самое широкое развитие должны получить все формы массовой художественной самодеятельности. ... Развитию широкой сети самодеятельных коллективов, их творческому росту партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации должны уделять повседневное внимание, имея в виду, что самодеятельность является важным средством духовного развития народа, его коммунистического воспитания».

В результате выполнения семилетнего плана, СССР станет страной самого высокого жизненного уровня населения. В СССР будет самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя. На этой почве и будет развиваться щедрое и яркое искусство народного творчества, которое по словам Ленина является действительно великим коммунистическим искусством!..

А. Рыжиков и И. Казанцев

Продолжение подвига

В январские дни маленькая заметка облетела многие газеты страны. В ней рассказывалось о подвиге четырех советских людей—заместителя начальника гидрометсети Таджикского Управления Гидрометслужбы Павла Георгиевича Качалова, старшего техника-гидролога Вячеслава Канушина, радиста-наблюдателя Ивана Мельникова и бортхирурга санитарной авиации Владислава Андреевича Черняго. Они совершили беспрецедентный зимний переход через Лянгарский перевал на одну из самых высоких в стране и труднодоступную даже летом метеостанцию «Ирхт», затерявшуюся в центре Памира.

Переход был сделан для спасения жизни начальника метеостанции Михаила Лукьяновича Клетушкина. Его болезнь, аблитурирующий эндартериит, неожиданно дала осложнение—началась влажная гангрена правой ноги.

В таком положении промедление на один-два дня могло кончиться трагично. Поэтому врач Черняго и сопровождавшие его спутники спешили. Они шли по заснеженной поднебесной пустыне, глотая снег, так как не было воды: их рюкзаки вместили лишь самое необходимое—хирургические инструменты, медицинский спирт и минимальный запас продуктов. На высоте в 4000 метров над уровнем моря началась горная болезнь.

Карабкаясь по крутым скользким козьим тропкам, проваливаясь по пояс в снег, коротая ночи на тридцатиградусном морозе под валунами и скалами, выбрасывая консервы, чтобы облегчить рюкзаки, они в четыре дня прошли опасный стокилометровый путь от восточно-памирского кишлачка Булункуль до высокогорного озера Сарез. Двое—доктор и гидролог,—по дороге обморозили пальцы ног.

Михаила Лукьяновича доктор Черняго застал в тяжелом состоянии: выдавший виды зимовщик осунулся, побледнел и временами вскрикивал от боли... Операция—ампутирование больной ноги—закончилась успешно. «Это была одна из редких операций в моей жизни,—вспоминает хирург.—Моим ассистентом был Павел Георгиевич Качалов. Когда я сделал первый надрез, он, увидев кровь, побледнел и закачался. Боясь потерять помощника (никто больше не согласился присутствовать при операции), я ободрил его и попросил ни на минуту не выходить из комнаты. И Павел Георгиевич, преодолевая свою слабость, выстоял до конца операции».

Убедившись, что здоровье больного улучшается, группа отважных людей отправилась в обратный путь, вооружившись лыжными

палками. Это был короткий, но более опасный путь,—через Бартангское ущелье. Здесь, не имея специальной горной обуви, они рисковали каждый час соскользнуть с узкой тропинки в пропасть. Они шли и совсем не думали о том, что совершили большой подвиг.

После ухода группы на станции снова установилась спокойная, трудовая жизнь зимовщиков. Здоровье Михаила Лукьяновича улучшалось. И несколько недель подряд рация передавала на «большую землю» хорошие вести.

Но скоро на маленький коллектив станции снова обрушилась беда. Клетушкину неожиданно стало хуже. Консультируя больного по радио, врачи установили, что снова начался эндартерит. Но они не ожидали, что болезнь быстро начнет прогрессировать. Не думал об этом и Клетушкин, он держался насколько мог и старался не выдавать свое тяжелое состояние.

Вспоминая день прибытия посланцев «большой земли», он видел их обветренные, заросшие лица, представлял путь, проделанный ими по тем местам, где даже летом ему, опытному жителю гор было трудно ходить и чувствовал себя виновным, что заставил людей рисковать. Он старался побороть болезнь, дожидаться августа, когда откроется караванная тропа,—ему не хотелось, чтобы люди снова пришли за ним по заснеженным тропам...

— Только на носилках я могу отсюда выбраться сейчас,—эта ужасная мысль приходила каждый раз, когда Клетушкин ошупывал пустоту там, где была нога...

Но как ни крепился Михаил Лукьянович, болезнь взяла свое. В эфир полетели радиogramмы одна тревожнее другой. Врачи поняли, что жизнь Клетушкина снова в опасности. «В состоянии прогрессирующей болезни долго не проживет: сказывается разреженность воздуха (высота «Ирхта» 3200 метров), подавленное психологическое состояние после перенесенной операции; ему нужно общение с новыми людьми и стационарное лечение в больнице. Нужно спасти человека, вывезти его. Но как?..

...Конечно, Качалов еще раз пустился бы в столь рискованный путь, через кипящее февральскими буранами скалистое, коварное бездорожье. Он твердо знал, что найдется немало товарищей, которые, не раздумывая, согласятся пройти этот страшный путь, чтобы спасти жизнь человека.

Рвался к больному и Черняго, хотя присутствие его, как хирурга, там не требовалось. Ему очень хотелось увидеть своего больного, снова помочь ему.

Как быть? Пройти можно, но какой в этом смысл? Больного надо перевезти в больницу. Может быть, перенести на носилках? Это уже было почти невозможно. Вспомнился бурный Бартанг, через его дикие воды надо перебираться по канату.

Павел Георгиевич и Черняго пришли к заместителю командира авиационного подразделения авиатору Александру Михайловичу Шерикалову.

Серьезно, понимая всю важность положения, Шерикалов сказал:

— Невозможно. Самолет послать невозможно. Почти невозможно,—добавил он в раздумье.

— «Почти» это уже надежда,—улыбнулся Черняго.

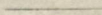
— О том, что все инструкции нам этого не позволяют, уже и говорить не приходится. Мы бы рискнули... но—это страшный риск. Я совершенно не могу быть уверен, что летчики вернутся из этого полета.

«Жизнь человека в опасности!»—эта мысль собрала в экипаж с самолета отважных советских людей. Во имя жизни человека, попавшего в беду, они рисковали собственной жизнью.

Героический, беспрецедентный в истории таджикского авиаподразделения гражданской авиации полет на Сарез длился 2 часа 25 минут. Больной Клетушкин был благополучно доставлен в Хорог, где с доктором Черняго пересел в другой, скоростной, самолет и также благополучно прибыл в Сталинабад. Лечащие врачи довольны—Михаил Лукьянович быстро поправляется.

А пилоты?.. Когда они сменили лыжи самолета на колеса, к ним обратился председатель Горно-Бадахшанского обкома партии за помощью. Он попросил привезти на областной актив делегатов из отдаленных кишлаков.

— Надо, так надо!—сказали пилоты и их машина снова легла на курс вдоль заснеженных ущелий и горных хребтов.

Метло

Повесть

Я убегаю из дома

Все началось с того, что я поссорился с мамой и убежал из дому.

По правде говоря, я уже давно решил попасть на фронт, воевать с врагами и прославиться на всю страну, как те бесстрашные ребята, которых я видел в кино.

В тот день мама вытащила из-под сложенных горкой на сундуке одеял восемь десятирублевок, дала мне в руки бутылку и отправила на базар за маслом. Ну, кто мог подумать, что продавец масла, старик с длинной седой бородой, с виду такой благообразный, так нахально обманет меня? К вечеру, когда мама налила масло в котел и зажгла огонь, масло зашумело и... исчезло. Проклятый старик продал мне вместо масла—черного чаю. Сначала я очень сочувственно слушал, как мама плакала и причитала, но потом, когда она замахнулась на меня палкой и в сердцах даже стукнула по голове, я разозлился, помянул недобрым словом кое-кого из ее родственников и выскочил на улицу.

И не успел я еще выбежать за ворота, как у меня созрело твердое решение—бежать на фронт. Не трать времени на размышления, я направился прямо на вокзал.

Тут мне повезло.

У перрона, попыхивая паром, стоял синий поезд.

Поезд был переполнен людьми. Они до отказа набились в вагоны, сидели на крышах, облепили ступеньки. Мне удалось прицепиться на подножку с другой стороны поезда.

Устроившись поудобней, я задумался. Сначала я вспомнил все подробности истории с маслом. Потом стал мысленно прощаться с матерью, с дядей, со своим другом Каримом, которого окрестные ребята звали «Карим-ящерица».

И ещё мне вспомнилась моя одноклассница Мукаррам, её тоненькая фигурка и мелко-мелко заплетенные косички. Странно: я почему-то никак не мог вспомнить ее лица и перед глазами вставала только тоненькая фигурка да длинные косы.

Раньше я вместе с другими ребятами часто дразнил её:

Мукаррам, Мукаррам
Ты с капустой пополам.
Мукаррам, Мукаррам
Ты с капустой пополам.

Но вот уж скоро год, как я в нее влюблен, и теперь часто мечтаю о том времени, когда мы вырастем большими и поженимся. Придя с работы, я лягу отдыхать, а она будет кричать на наших детей:

— А ну, перестаньте галдеть, разбойники, отца разбудите.

Когда кончится война, я вернусь с фронта и прямо отправлюсь в дом Мукаррам. На ногах—сапоги со скрипом, на поясе—кобура. Вся грудь в орденах. Одной руки нет, а пустой рукав засунут за командирский ремень. Все на меня смотрят, разинув рот. Нет, лучше пусть ноги и руки у меня будут целы... Поскрипывая сапогами, я войду в дом Мукаррам и, поднеся руку к козырьку, важно поздоровуюсь с ней.

...Но я так и не успел придумать, что будет дальше: подножка начала сильно дрожать, поезд тронулся.

Я не помнил себя от радости. Я—еду! Без билета! Без денег, безо всего, но я все-таки еду!

Впрочем, радость моя длилась недолго.

Не наступила еще и полночь, как поезд остановился на какой-то маленькой станции. Вокруг было темно, будто в могиле. И вдруг из этой кромешной тьмы вынырнул милиционер, стащил меня с подножки вагона и, крепко ухватив за воротник, молча потащил куда-то, как самого распоследнего воришку.

— Дяденька, отпустите,—со слезами в голосе просил я.—Дяденька, миленький, отпустите, я же не воровал, ей богу, не воровал. Я ничего плохого не сделал, отпустите, дяденька.

Но он продолжал идти, не обращая на мои слова никакого внимания.

— Куда вы меня тащите?—взмолился я.

— Иди, иди!—прикрикнул он на меня.

— Да, в конце концов, что же я сделал такого?

— Иди, иди, не разговаривай, там разберутся!

— Дяденька, да ведь я ничего плохого не сделал! Ну, вот приведете вы меня, а потом сами отпустите. Ну, какая вам от этого польза?

Милиционер только рассмеялся в ответ.

— Сам отпущу, значит?—насмешливо спросил он меня.—Ха-ха-ха!—И вдруг, перестав смеяться, сердито сказал:—Тебе за твои художества не меньше года положе-

но. Так что—иди добром, раз такое дело.

Тут я совсем потерял голову от страха и так перепугался, что не мог больше и слова вымолвить.

Дойдя со мной до конца платформ, милиционер толкнул меня в какое-то низенькое помещение с решетками на окнах. Я догадался, что это милиция.

Милиционер провел меня в конец коридора и постучал в дверь.

Дверь открылась, и я очутился в чисто выбеленной, светлой комнате.

Впереди, за столом, сидел худощавый мужчина с воспаленными от усталости красными глазами. Взглянув на петлицы его воротника, я сразу понял, что это начальник.

Слева, у стены, стояла деревянная скамейка. Видно, на ней пересидело немало народу, потому что вся она блестела в свете электрической лампы, как полированная.

На скамье, глядя с виноватой улыбкой в пол, сидел мужчина в шинели. Впрочем, кроме шинели, все остальное на нем было гражданское. У дверей на табуретке дремал еще один милиционер.

Посреди комнаты стоял невзрачный фанерный чемодан. Он был открыт и доверху наполнен толстыми мотками шелка.

— Так, говорите — бедность?— усмехнувшись, сказал начальник, глядя на мужчину в шинели. И, отвернувшись от него, взглянул в нашу сторону:

— Откуда привел?

— Только что с подножки вагона снял,—ответил «мой» милиционер.—Заяц.

Сердце у меня стучало так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Нет, видно, не выбраться мне подобру-поздорову. Господи-боже, всели жалость ко мне в эти жестокие сердца!

Начальник безразличным голосом сказал:

— Хорошо, можете идти.—И, взглянув на меня, добавил:—Садись, парень,—а сам снова занялся мужчиной в шинели.

А тот всё говорил и говорил, что

он вовсе не торговец и не спекулянт, что он только помаленьку дома ткет, ведь «товарищ начальник» и сам знает, какие сейчас тяжелые времена. Война, дороговизна, вот он и хотел наткать немного ткани, одеть ребятшек, ведь не каждый сейчас может покупать готовое. «Товарищ начальник», человек, наверное, семейный, сам, должно быть, все знает, он, конечно, его пожалев.

Однако «товарищ начальник», кажется, ни капельки ему не поверил. Он резко оборвал его и сказал, чтобы тот лучше не крутил, а прямо и открыто признался бы во всем и сказал, от кого он получил нитки и кому должен был их сплавить.

Но мужчина в шинели все тем же жалобным голосом продолжал твердить, что он не спекулянт и торговлей никогда не занимался, что он ткет для себя, только для себя.

— Уведите этого паразита! — хмуро сказал начальник милиционеру, сидевшему у двери. — Ночь у нас переспит, может, поумнеет!

Мужчина побледнел, как полотно и, видно, снова хотел оправдываться, но начальник, не дав ему раскрыть рта, крикнул:

— Уведите!

Человек в шинели растерянно встал и пошел к двери, ничего, по видимому, перед собой не видя. По дороге он споткнулся о мои ноги. Лыстрая улыбка, никому уже не нужная, так и застыла на его губах.

Широко открыв рот и вытаращив глаза, я смотрел ему вслед до тех пор, пока он не дошел до самого конца коридора и не исчез за поворотом. Только тогда я очнулся и снова вспомнил про свою собственную беду. Со страхом взглянул я на начальника.

Он, в свою очередь, внимательно разглядывал меня. Выражение лица у него совершенно изменилось, на нем не осталось и следа прежнего гнева.

Несмотря на это, мой страх не уменьшился, а, наоборот, как будто еще увеличился. В ушах ещё звенел резкий голос начальника, и мне уже казалось, что окрики и угрозы относились также и ко мне.

Что же теперь будет? Что делает со мной этот суровый человек с багрово красным лицом, чей страшный голос способен оглушить человека? О, господи-боже...

— Ну, беглец,—оборвал он неожиданно нить моих невеселых размышлений,—так куда же ты направлялся?

Не знаю почему, но в моем сердце вдруг впервые появилась какая-то надежда. В голосе начальника не осталось и намека на угрозу, казалось, он разговаривает с кем-нибудь из своих хороших знакомых.

— Да ты не бойся, говори смелее,—успокаивающе сказал он.— Так. Когда же ты выехал из Чорчинора?

Я удивился.

— Из Чорчинора? А откуда вы знаете, что я из Чорчинора?

Он лукаво улыбнулся и, откинувшись на спинку стула, ответил:

— Да вот... по твоей тибетейке. Такие тибетейки вышивают только в Чорчиноре. Ну, хорошо...—он вздохнул и, сразу став строже, заговорил медленно, как бы рассуждая вслух.

— По твоему виду, по одежде, да, наконец, по всему твоему разговору видно, что ты не беспризорник... Так куда же ты направлялся?

Я был настолько покорен его дружеским обращением, что, даже не подумав, выпалил:

— На фронт.

— На фронт?—переспросил он, сделав большие глаза.

Я утвердительно кивнул головой.

— Хм!...—пробормотал он сквозь зубы и снова внимательно посмотрел на меня.

Послышался паровозный гудок. Впервые с тех пор, как я вошел в эту комнату, я услышал тиканье стальных часов.

— Значит на фронт!...—покачал головой начальник.— Глупый ты еще, совсем ребенок,—сказал он, пряча в уголках губ улыбку, и, встав с места, стал ходить, поглядывая на меня.

Я не знал, должен ли я сидеть

или мне тоже следовало встать. Наконец я тихонько поднялся.

— Сиди, сиди,—не взглянув в мою сторону, сказал он, продолжая шагать из угла в угол. Я подумал, что начальник может шагать вот так до самого утра, но он, наконец, всё-таки спросил:

— Так что же ты собирался делать на фронте? А?

Я удивленно пожал плечами:

— Что бы делал? Да все, что прикажут...

— Стрелять умеешь?

— Научился бы.

— Так. Отец есть?

— Есть. На фронте.

— ...А мать?

— Мать дома...

— Что делает?

— Она не работает...

— На что же вы живете?

— А за отца по аттестату получаем. Мать еще тубетейки шьет...

— А ты сам-то... учишься?

— Учусь. Только у нас сейчас занятия кончились.

— Каникулы, что ли?

— Да, каникулы.

— В какой класс перешел?

— В седьмой.

— Так...—снова протянул он и, тяжело ступая, подошел к своему столу, сел на стул.

— Так что ж мне с тобой, братец, делать?—сказал он, играя металлической крышкой от чернильницы.—В сущности, мне следует отправить тебя в тюрьму...

Сердце моё снова начало дико колотиться в груди.

— Но,—добавил он, подняв голову и взглянув на меня,—по правде говоря, мне тебя жалко. На первый раз, пожалуй, можно и простить. Отправим обратно в Чорчинор. Но только смотри, чтобы все эти фронтовые бредни выбросить вон из головы. Там ты никому никакой пользы не принесешь. Запомни это. Тебе надо учиться, хорошо учиться. Вот твоя главная обязанность, братец. Понял? Смотри, больше чтоб таких глупостей не выкидывал, не тохватишь ты, братец мой, лиха. Уразумел?

Я сидел, низко опустив голову, и не знал, что сказать.

— Но смотри,—продолжал он, повысив голос,—если я тебя еще раз здесь увижу, тогда уж на меня не пеняй!

В это время дверь широко открылась, и в комнату вошел тот милиционер, который отводил человека в шинели. Его приход помог мне выйти из неприятного положения. Я воспользовался передышкой и, тихонько подняв голову, взглянул на милиционера.

Он был чем-то явно взволнован. Лицо у него пылало. Губы кривила не то гневная, не то язвительная улыбка.

— Отвел?—повернулся к нему начальник.

— Да, товарищ лейтенант, отвел,—и, кивнув головой в сторону двери, зло бросил:

— Тварюга!

— Что случилось?

— И не спрашивайте, товарищ лейтенант! Только мы вышли в коридор, он и говорит мне: «Если можешь бежать, я тебе тысячу отвалю».

— Вот это, братец ты мой, бедняк!—насмешливо протянул лейтенант и вдруг удивил меня забористым ругательством.

Я никак не ожидал услышать от него такое.

— Ты еще здесь человек новый,—сказал, немного успокоившись, лейтенант,—подожди, еще и не такое увидишь.

Затем он потянулся и, потеряв кулаками глаза, зевнул:

— Я так устал, Мухаммаджонов, что прямо...—в это время взгляд его упал на стенные часы:—Ого, как поздно! Сейчас двадцать третий пойдет! Потом закрыв на ключ ящики стола, сказал:

— Ты здесь побудь, Мухаммаджонов, а я вот этого «фронтовика» провожу.

И через некоторое время этот странный человек, который мог быть то суровым и злым, то мягким и сердечным, передал меня кондуктору и сказал, чтоб тот довез меня до Чорчинора.

Не прошло и минуты, как поезд тронулся. Но теперь я уже ехал не

на фронт, а в противоположную сторону, к Чорчинору, и перед моими глазами вставали не героические битвы, а слезы матери да насмешки товарищей.

* * *

— Эх, злая судьба!

На следующий день, около полудня, я снова стоял у скрипучих ворот своего дома, не решаясь взяться за щеколду. Входить или не входить? С каким лицом покажусь я дома? Как встретит меня мама? Очень ли будет она меня упрекать и ругать? Может быть, просто стукнет пару раз и этим всё обойдется?

Ладно, будь что будет.

Решительно открыв ворота ударом ноги, я с независимым видом, как будто никогда ни в чем не был виноват, вошел во двор.

Мама сидела на краю суфы, низко опустив голову, о чем-то глубоко задумавшись и покусывая краешек платка. Увидела меня—и будто окаменела. Но уже через мгновение она вскочила с места, бросилась ко мне, обняла, поцеловала и даже заплакала от радости.

— Хасан... детка моя родная! Чтобы я света белого не видела, дура я бестолковая, била тебя...—при-

читала она, а слезы капали мне на лицо, на рубашку, на руки...

— Сердце мое вдруг сильно забилось и вроде бы покатило куда-то. Глаза налились слезами и мама стала расплываться передо мной.

— Мамочка,—только и мог сказать я, крепко обнимая ее.

Я-то, дурак, боялся, что она будет ругать меня, бить, а она так ласково встретила, так радовалась...

Мать усадила меня на суфу и начала выставлять все, что было в доме вкусного, заботливо подсовывая мне то один кусок, то другой. Она смотрела на меня не отрываясь, как будто не видела целую вечность, и все спрашивала, где я был это время, что делал. Я коротко, с пятого на десятое, поведал ей свои приключения, а мама никак не могла успокоиться и рассказывала, рассказывала о том, как разыскивала меня, как убивалась...

Оказывается, на поиски повсюду разослали людей, сообщили во все организации, в милицию. И, не найдя меня, решили, что я бросился в реку...

Наевшись, я вошел в дом и лег спать. Проснулся я лишь на следующее утро.

Наш двор. Соседи. Закадычный друг

Меня разбудили какие-то голоса. Я открыл глаза и стал прислушиваться.

Один голос был мамин, а другой... Ой, да ведь другой был голос моего дяди Абдулатифа! Мамин голос был какой-то надтреснутый, усталый. Бедная моя, видно она немало плакала!.. А дядин голос звучал, как всегда, ровно, спокойно. У дяди Абдулатифа был удивительно приятный сочный голос. Когда я слушал его, мне всегда казалось, что у него под языком лежит кусок сахара и от этого его голос такой сочный, сладкий.

Услышав дядин голос, я очень обрадовался.

Если я люблю хоть двух людей на всем белом свете, то один из

них—мой дядя Абдулатиф. Говорят, что племянники всегда как-то особенно любят своего дядю, отдавая ему лучшее место в своем сердце, но моя любовь к дяде Абдулатифу не была обычной привязанностью.

У моего дяди была удивительная судьба. Мать рассказывала, что он еще с детства увлекся всякими путешествиями и лет в шестнадцать-семнадцать покинул родной город. В то время я был еще совсем маленький, мне не было и двух лет.

Года через четыре после его исчезновения скончался его отец «Это мысли о Латифе укоротили век его отца»,—с тяжелым вздохом говорила, бывало, моя мать. Лет десять о нем не было ни слуху, ни духу.

Дядя вернулся лишь года три тому назад, и я очень хорошо помню, как все это произошло.

Письмо, которое дядюшка Абдулатиф неожиданно прислал домой перед своим возвращением, я сам читал бабушке.

В начале письма дядя просил прощения у родителей, а потом писал, что его страсть к путешествиям была просто юношеской глупостью. Теперь, мол, он повзрослел и осудился и больше нет у него никаких желаний питаться тяжелым хлебом странствий, а хочет он в ближайшее же время вернуться в родной дом, увидеться с дорогим отцом, любимой матушкой и милой сестрой.

Любям—до всего дело. Узнав о письме, они стали плести про дядю всякие были и небылицы; нашлись даже такие, которые рассказывали со всеми подробностями, что он торговал, попался и все эти годы провел в тюрьме. Но как потом выяснилось, дядя ни одного дня не был в тюрьме, а просто ездил по всей стране. В любом городе, куда бы ни заносила его судьба, он находил себе какое-нибудь занятие, на некоторое время оставался там жить, а когда город ему надоедал,—переезжал куда-нибудь в новое место.

Дядя приехал, но даром говорят, что ничто не вечно под луною—он не застал уже в живых ни отца, ни матери. За это время умерла и бабушка.

Вначале соседи приняли Абдулатифа не очень-то ласково, они порицали его и называли легкомысленным и бессердечным. Но, видя искреннее горе и раскаяние, подкупленные его мягким обращением и отзывчивостью, вскоре изменили к нему отношение. Даже мой отец, который не очень легко сходилась с людьми, полюбил его, как брата.

Скоро началась война. Отец ушел на фронт. Дядя тоже несколько раз получал повестки из военкомата, но годы странствий, по-видимому, основательно расшатали его здоровье. У него была хроническая лихорадка, большое

сердце—и каждый раз его отпускали домой.

Кое-кто, впрочем, поговаривал, что Абдулатиф сам не хочет идти в армию. Эти подозрения очень огорчали дядю.

Однажды, вернувшись в очередной раз из военкомата, он сказал нам с мамой:

— Вы думаете, мне самому не больно? Думаете, я не хочу вместе со всем народом защищать свою страну от врага? Но что мне делать, если не берут: то вдруг по зрению не подхожу, то из-за сердца... Ох, уж это проклятое здоровье!..

Однажды дядя не на шутку напугал нас с матерью. Никому ничего не сказав, он неожиданно исчез из города, но, к счастью, через несколько дней вернулся и сказал, что нашел себе работу на руднике Зарчашма, что переедет туда жить и будет работать чайханщиком. Дядя говорил, что Зарчашма—чудесное место, с мягким климатом и хорошей водой, и расположен этот рудник всего километрах в пятидесяти от нашего города.

С тех пор прошло около полугода.

Дядя приезжал в город раза два в неделю, и еще ни разу не было, чтоб он показался у нас с пустыми руками: то привезет немного мяса, то пару литров керосина, то буханку хлеба, то еще что-нибудь...

Но я любил дядю совсем не за щедрость, а потому, что он был удивительный человек.

Одной только истории его жизни, похожей скорее на сказку, было довольно, чтобы навсегда покорить мое сердце.

Мне казалось, что от дядюшки Абдулатифа веет ветром бескрайних лесов, бурных рек, больших городов и высочайших гор, чьи вершины поднимаются в небо. Москва и Хабаровск, Ленинград и Ташкент, Киев и Баку, Алма-Ата и Самарканд... Все эти города, дальние и близкие, которые мне были знакомы по названиям из учебника географии, мой дядя знал как свои пять пальцев.

Но больше всего меня привлекал его характер.

Я твердо верил, что там, где появляется дядя Абдулатиф, невозможны ни драки, ни скандалы, ни вообще какие-либо неприятности. Каждый раз, когда мама принималась ругать меня за что-нибудь или случалась со мной какая-либо беда, я мечтал только о том, чтобы появился дядя.

— Где нет ни шума, ни драки — там и рай, — говорил он в таких случаях. — Ты старайся, чтобы в жизни всё было спокойно и мирно, не зачем огорчать ближних, не зачем и самому огорчаться. Разве не достойны удивления некоторые люди: всё-то им плохо, всё-то их беспокоит, сами от радости бегут, даже когда она их ищет. Ну и ну!..

Я уже говорил, что если я и любил в мире двух людей, то одним из них был мой дядя. Но и дядя, как мне кажется, тоже очень любил меня. Он никогда не разговаривал со мной как другие взрослые: пренебрежительно, с этакой снисходительной усмешечкой. Нет, он говорил серьезно, как будто я был такой же, как он, — взрослый, умный человек. Если бы кто-нибудь послушал, как мы с ним разговариваем, то наверно подумал бы, что дядя беседует с одним из своих приятелей-одногодков.

Мама с дядей сидели около окна на суфе. Я слышал каждое их слово.

Говорила главным образом мама, а дядя лишь изредка бросал: «Да-да, да».

— ...на него прямо смотреть жалко, — слышался голос мамы. — Лицо чернее дыма, платье грязное, будто он только что из топки вылез. От солнца весь дочерна сгорел, а глаза до того провалились, что в глазницы хоть просо насыпай. А уж исхудал за это время так, что кожа прямо к костям приклеилась, детка моя родная!..

Я быстро вскочил. Сладко потянулся. Чувствовал я себя сейчас совсем, свежим, от прежней усталости не осталось и следа.

Я тихонько подошел к двери.

Дверь в моей комнате открыва-

лась прямо в садик, мама с дядей меня не видели.

Наш двор ничем не отличался от обычных четырехугольных дворов Чорчинора.

Почти от самых ворот начинается «крытый айван», который подходит к жилому дому. В наших местах «крытыми» называют айваны, у которых вся передняя стена состоит из застекленных рам. Эти рамы можно раздвигать и даже задвигать одну за другую. Но наш айван только назывался «крытым». — Два ряда верхних рам уже давно исчезли, а нижний ряд, в котором не осталось ни одного целого стекла, был весь поломан, искорежен, всюду торчали края поломанных досок, точно полусгнившие зубы семидесятилетнего старика. Айван служил нам и сараем для дров, и складом для всякого старья. Жить там было нельзя. Если весной или поздней осенью, когда мы спали во дворе, ночью вдруг начинался дождь, мы уходили спать в дом, а не в айван, потому что там и пол, и глиняные стены были прекрасным убежищем для скорпионов, фаланг и прочей нечисти. Впрочем, на суфе тоже нельзя было скрыться от скорпионов. Сколько раз я сам убивал их там, или, просыпаясь утром, находил этих опасных насекомых на своем одеяле. Но, как ни странно, еще ни разу в жизни меня не укусила ни один скорпион.

Короче говоря, от нашего «крытого» айвана нам было очень мало пользы.

Наш жилой дом снаружи казался совсем маленьким, но если войти в него внутрь, то сразу бросалось в глаза, что он больше айвана раза в два. Здесь же, в сенях, находились и печка, и труба, и водосток, и даже яма для хранения овощей.

Дом и айван представляли собой как бы правильный геометрический треугольник.

Против айвана находился огород — небольшой, продолговатый участок. Наш сосед Султаналихан любил говорить, что если бы я был толковый парень, то с этого огорода мог бы получать лука и морко-

ви на целую зиму. Но мне, как видно, не суждено быть толковым парнем, потому что единственным, что там росло, это несколько кустов помидоров вперемежку с бурьяном.

Под окном, налево от двери, ведущей в сени,—небольшая суфа, которую я каждый год обмазываю глиной с примесью соломы. Это любимое мое местечко, здесь я больше всего люблю посидеть.

Дворик у нас очень маленький, с мячом тут делать нечего, при игре в лапту тоже не развернешься. Зато играть в альчики—одно удовольствие.

Город очень густо населен, а наш квартал—прямо-таки настоящий муравейник. Маленькие дворики так тесно лепятся друг к другу, что до главной улицы при желании можно добраться по крышам домов, ни разу не спустившись на землю. Но, конечно, в каждом квартале есть несколько больших, богатых дворов, есть такой двор и в нашем, он принадлежит Арсланалихану. Двор этот раза в четыре больше нашего, а задняя стена его высоченного айвана выходит как раз на наш огород. Айван Арсланалихана такой высокий, что солнце попадает к нашим бедным помидорам часом позже. Старый Арсланалихан давно помер, остался лишь его сын Султаналихан. Вот это и был тот сосед, который утверждал, что я «бестолковый». Он занимал айван и одну из комнат этого большого дома. Остальные комнаты и пристройки были отданы рабочим ткацкой фабрики.

Султаналихан был высокий мужчина лет тридцати—тридцати пяти, с каким-то странным, низко нависшим лбом. У него не было ни жены, ни детей. Все ребята нашего квартала знали его очень хорошо и не раз он служил для нас источником веселья. Султаналихан был горьким пьяницей. Почти каждый вечер возвращался он домой пьяным. Увидев издалека его длинную фигуру, мы набирали за пазуху камней, грязи и с нетерпением поджидали, когда же он, наконец, пройдет мимо нас. Он шел по улице, уставившись под ноги, покачиваясь и спо-

тыкаясь на каждом шагу, сердито бормоча себе что-то под нос. И вот начиналась «бомбардировка». Когда первые «снаряды» попадали в цель, Султаналихан останавливался, злобно смотрел на нас и раздражался бранью. В ответ раздавались дружный смех и улюлюканье, несколько новых «снарядов» снова летело в него, и он, придя в ярость, бросался на нас. Ему ни разу не удалось поймать ни одного из своих обидчиков, и, в конце концов, он бывал вынужден позорно бежать.

Но вот началась война, Султаналихан бросил пить, отпустил бороду и стал носить большую чалму с низко опущенным концом. Чинная походка, благообразный вид—нашего Султаналихана будто перебрали. Старики и старухи, которые раньше презирали Султаналихана, как говорится стирали его тень со стены и называли «пьяницей», «бродягой» и «хулиганом». —теперь стали почтительно говорить о нем «они» и возносить хвалу всвышнему за то, что «они» раскаялись, вернулись к вере и стали правверным мусульманом. По их словам получалось так, что этого хулигана и пьяницу, познавшего вдруг истинную веру, следует почитать.

В конце нашего двора, напротив жилого дома, за невысокой глиняной стеной был двор тетушки Хурбиби. Её семья считалась самой многодетной и самой шумной во всем квартале. Тетушка Хурбиби имела семь сыновей. Из них только самый младший не был еще женат. Это и был мой закадычный друг Карим, о котором я уже упоминал. Из шести братьев Карима четверо воевали на фронте, а остальные, по словам Карима, тоже со дня на день собирались в армию.

За нашим айваном и жилым домом тоже были соседи, но их я за соседей не считаю, потому что ворота у них выходили на другую улицу и они относились уже к другому кварталу. В те дворы мы попадали редко, только если отправлялись воровать яблоки или гранаты или

если туда случайно во время игры залетал наш мяч.

Наш квартал находится совсем близко от реки, а его главная улица проходит возле самой воды. В душевные и жаркие летние ночи свежий ветерок несет от реки прохладу и это очень приятно, зато весной, во время половодья, весь наш квартал пропитывается сыростью. Некоторые же дворы, расположенные в начале улицы, у самой реки, и совсем заливаются:

Но для нас, ребят, река является целым богатством. Большая часть нашей жизни проходит на её берегу. Мы купаемся, ныряем, ловим рыбу, и как только выпадает свободная минута, бежим на реку...

Однако возвратимся к предстоящему мне объяснению.

Медленно подходил я к маме и дяде. На душе у меня было неспокойно. Я знал, что дядя не будет на меня кричать и не устроит головоломку, но в то же время хорошо понимал, что на этот раз моя вина тяжелее обычных детских шалостей.

Когда я вышел из-за угла дома и поздоровался, дядя ласково ответил на мое приветствие и посадил рядом с собой.

— Так куда же ты решил отправиться, дружок?

Вначале мне было очень стыдно, но постепенно я осмелел, и подробно рассказал ему все, что со мной было.

Дядя побранил меня и глубоко задумался.

— Вот что, дружок,—начал он ласково, но очень серьезно,—я не собираюсь читать тебе нравоучения, но ведь ты сам знаешь, что от твоего отца—дай бог ему долгих лет жизни,—уж больше трех месяцев нет ни одного письма. Твоя мать—слабая, беспомощная женщина, изо всех сил старается, чтобы не погас огонь вашего котла, иголкой добывает хлеб насущный. Ты ведь уже не маленький, слава богу, тринадцатый год пошел, жизнь уж немного знаешь. Пора самому стать матери опорой. Помнишь, отец писал тебе: «Сынок мой Хасан, помни, ты теперь гла-

ва в доме, будь матери помощником, слушайся ее, не огорчай». Посмотри на других ребят, ведь они готовы зубами землю грызть, лишь бы заработать несколько копеек. «Что угодно будем делать, только бы дому помочь»,—говорят они. Так вот, пока ты спал, мы тут с матерью посоветовались... Довольно тебе баклуши бить, пора заняться каким-нибудь полезным делом. И вот мы решили: дам я тебе немного денег для начала, ты будешь покупать здесь фрукты и возить их в Зарчашму. Сам знаешь, Зарчашма—место горное, фруктов там нет, а люди всё больше денежные: сколько ни запросишь, торговаться не станут. За каждую поездку, если вычешь расходы на дорогу, можно заработать не меньше двухсот—двухсот пятидесяти рублей.

— А ведь по нашим временам, сестра, лишняя копейка в доме не помешает, верно?—повернулся он к моей матери.

— Верно, братец,—ответила мама, у которой от дядиных слов даже слезы на глаза навернулись.

Дядя Абдулатиф снова повернулся ко мне.

— Теперь дальше, дружок. В Зарчашме тебе не придется искать места, где переспать. Прямо ко мне заедешь. И питаться будешь у меня. Так-то... Ну, так что же ты на это скажешь?

Услышав это неожиданное предложение, я, по правде говоря, так растерялся, что у меня просто голова кругом пошла.

С одной стороны все, что говорит дядя, совершенно верно. Но торговать фруктами... Я не знал, что и ответить, на что решиться.

— Ну, ладно, — заметив мое смущение, сказал дядя, — я вовсе не требую, чтобы ты мне сразу ответил. Подумай как следует, посоветуйся еще с матерью. Я приеду снова через пару дней, и тогда мы с тобой всё решим.

Отрезав большой ломоть хлеба, он намазал его персиковым вареньем и стал спокойно есть. Потом, об-

терев платком вымазанные усы, вдруг лукаво спросил:

— Надеюсь, испугавшись моего предложения, ты никуда не сбежишь, дружок?

...В тот день я так ничего и не ответил дяде, но после его отъезда сказал маме, что ни за что не стану

торговать фруктами, что это дело мне не по душе. Но, увидев слезы на её глазах, я начал колебаться, и, когда через три дня дядя приехал из Зарчашмы и спросил меня: «Ну, как, дружок, что ты решил?», — я уныло ответил, глядя в землю:

— Ну, что ж, дядя, я согласен...

Дорога в Зарчашму

Дядя разбудил меня рано утром, когда солнце еще не успело заалеть.

Попрощавшись с матерью, мы отправились на базар.

— До свидания, сыночек, смотри, будь осторожен... Дядю не огорчай, — дрожащим от слез голосом говорила, прощаясь со мной, мама.

От маминых слов у меня почему-то зануло сердце, и на душе стало невесело. Ехать в Зарчашму совершенно не хотелось.

Но прошло немного времени, — грустные мысли развеялись.

С реки дул утренний свежий ветерок. От его дуновения трепетали листья серебристых тополей, стоящих по обем сторонам дороги. Солнце еще не поднялось из-за гор, но темные тучи и край неба уже были охвачены пламенем.

До базара ещё далеко.

Пустынны улицы: редко-редко попадетсЯ какой-нибудь случайный прохожий.

Повсюду на белых стенах домов расклеены большие цветные плакаты.

На одном плакате — женщина с ребенком под дулом немецкого автомата, и внизу надпись: «Боец, спаси нас!»

Были еще и другие плакаты с надписями: «Все для фронта», «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Изредка по улице с грохотом проезжали арбы, развозящие хлеб. Каждый раз после того, как такая повозка проезжала мимо нас, в воздухе еще долго оставался дразнящий запах горячего хлеба. Лошадей

почти не видно, в арбы впряжены ишаки.

В Чорчиноре не слышно выстрелов, сюда не доносится запах пороха; я знал, что наш город отделяют от фронта тысячи и тысячи километров. И все же война набросила свою тень и на наш далекий городок. Все вокруг меня: десятки и сотни каких-то неуловимых мелочей, — всё говорит о том, что где-то там, далеко-далеко отсюда идет война...

Вспоминается мне отец. Высокий, широкоплечий, внешне суровый, но такой ласковый со мной. Приходя с фабрики, он обычно брал меня за руку своей большой, вымазанной машинным маслом рукой, и мы шли на речку; потом готовил вместе со мной уроки (он учился заочно в техникуме), а когда мы уставали от занятий, то начинали шутиливую борьбу.

На второй день войны я проводил его на вокзал. Мать плакала навзрыд, а он пытался шутить, говорил, что не стоит зря поливать пол на вокзале, обещал скоро вернуться, уверял, что война не продлится более двух-трех месяцев. С того дня прошло больше двух лет, а конца войны пока не видно. Да и отец не пишет вот уже три месяца...

На старинном, крытом базаре Чорчинора былолюдно. Фрукты и овощи, наваленные пестрыми грудями, высились на прилавках, в ларьках, прямо на земле. Надо всем базаром стоял неумолчный многоголосый гул, напоминающий жужжание гигантских ос.

Я шёл за дядей и с любопытством смотрел по сторонам.

Вот длинноротый старик в большой чалме, не сходя с ишака, покупает зеленый лук.

Толстая женщина в высоких сапогах, держа на руках вздохмаченого ребенка, ставит на прилавок большое ведро — она торгует черешней.

Около свежих помидоров собралось много народу, но никто к ним не приценивается и продавец сидит, засунув обе руки в карманы. Очевидно, он запросил за свой товар слишком дорого.

В одном из укромных уголков, между двумя закрытыми ларьками с газированной водой, стоит щеголевато одетый парень. Беспokoйно оглядываясь, он что-то показывает одетой в паранджу женщине, у которой из-под одежды видны одни только руки. При этом он быстро-быстро шепчет, не переставая бросать по сторонам настороженные взгляды.

Откуда-то доносится пьяное пение какого-то пропойцы, успевшего уже с утра хлебнуть лишку.

Мы стали проходить по рядам.

Изредка дядя останавливался около груды картофеля или моркови, спрашивал цену, перебирал овощи руками, но ничего не покупал.

— Долго мы еще так будем ходить, дядя? — не выдержал я, — давай же, наконец, покупать что-нибудь.

— Было б лишь терпение, так и из незрелого винограда халву сварить можно. Понятно, дружок? — засмеялся дядя.

Мне было не очень понятно, но мы снова продолжали ходить вдоль рядов.

Наконец, обойдя еще раз от начала до конца все овощные ряды, дядя остановился около паренька, торгующего огурцами.

Он потрогал огурцы, перебрал их все до единого и лишь потом начал торговаться.

Парень сказал, что кило огурцов стоит 10 рублей.

— Ну, ладно, друг, и тебе нечего здесь время зря терять, и мне, —

сказал дядя. — Давай по семи рублей на круг, все заберу!

И весело подмигнув в мою сторону, добавил:

— А заодно и доброе дело сделаешь! Мать вот этого мальчика собирається туй устраивать. Вот и ты станешь в добром деле участником. Ну, давай, забирай да кончай торговлю.

Услышав дядины слова, я даже рот разинул от удивления.

Но парень не соглашался.

В разговор вступил старик, торговавший рядом морковью.

— Соглашайся, сосед, раз это для доброго дела. Доброе дело старицею воздастся.

Парень колебался.

Еще несколько ласковых дядиных слов, еще пара наставлений старика — и деревенский паренек поверил, что доброе дело дороже денег, и отдал нам огурцы по семи рублей.

Дядя отнес огурцы в чайхану, стоящую на большой дороге возле самого базара, оставил меня их сторожить, а сам снова пошел на базар. Вскоре он вернулся с небольшим фанерным чемоданчиком, которые обычно возят с собой железнодорожники, и ссыпал туда огурцы.

В ожидании машины мы сели с ним пить чай.

Налив пиалу, я протянул ее дяде и весело рассмеялся:

— Ловко у вас получилось, дядя.

Ну, так что же это за туй?

Дядя улыбнулся еще веселей и сказал:

— Ничего, дружок, нужда говорят, все дозволяет. — И, сразу серьезнев, сказал: — В нашем мире одной правдой не проживешь, так-то! Ты еще маленький, многого не понимаешь. Всякая вещь к месту должна быть да ко времени. Иногда можно правду сказать, а иногда и солгать не грех. А ты не удивляйся, а лучше учись, жизни учись! — и вдруг опять рассмеялся.

— Ну, как, дружок, ничего учитель из меня получается, а?

Наконец пришла машина. Дядя сказал шоферу несколько слов, положил чемодан с огурцами, посадил

туда меня, и сел рядом с шофером в кабину.

Мощная пятитонка, груженная длинными толстыми бревнами, вскоре выехала за город. Дорога шла по однообразной, мрачной степи: ни дерева, ни кустика — смотреть не на что.

Машина ползёт медленно, а я сижу, трясусь на бревнах и безрадостные мысли тоже едут вместе со мной. В самом деле, куда я еду? Как я буду торговать этими огурцами? Что будет делать без меня мама? Как она будет жить одна?

Я не мог ответить ни на один из этих тревожных вопросов и только чувствовал, что в моей жизни происходят какие-то важные изменения и что все это будет иметь очень серьезные последствия во всей моей последующей судьбе...

Однообразная, тоскливая степь кончилась. Машина въехала на извилистую горную дорогу. Я с интересом стал смотреть по сторонам и вскоре совершенно забыл обо всех своих огорчениях.

Узкая извилистая дорога проходила вдоль бурной горной речки, довольно точно повторяя все ее повороты и изгибы. Река протекала по узкому ущелью. У самого края дороги поднимались вверх каменные громады гор. После угнетающего однообразия степи особенно радовала глаз яркая зелень. Кое-где на горах, взломав каменный панцирь гранита, росли фисташковые деревья. Некоторые из них ухитрились подняться на самые верхушки скал. В небе виднелось длинное облако. Взглянув на синюю речку, бегущую по ущелью, можно было подумать, что из синевы неба вырезали длинную узкую ленту и бросили ее на землю, а прореху залатали этим облаком.

Глядя на громадные, упирающиеся в самое небо и такие молчаливые горы, я почувствовал себя крохотным, слабым муравьем. И в то же время в душе росло чувство безграничной, торжественной радости, на глаза невольно наворачивались слезы. Как могуча природа, создавшая эти великие горы с гордо поднятыми к самому небу вершинами!

Иногда дорога шла мимо скал,

напоминающих своими контурами различных животных. Вот эта скала похожа на барана, а вот та напоминает голову верблюда...

Вдруг на одном из скалистых зубцов я увидел стройное белое животное. Оно стояло неподвижно, как изваяние, и смотрело на убегавшую вверх машину.

— Газель! — не веря своим глазам вскрикнул я.

А газель как будто понимала, что мы для нее не опасны и стояла неподвижно, не отрывая глаз от машины, пока мы не скрылись за поворотом.

Вдруг в ясном небе появилось черное облако, похожее на шапку. Оно увеличивалось с минуты на минуту. Вскоре солнце исчезло из глаз, и крупные капли дождя забарабанили по машине. Река сразу потемнела, помутнела. Волны с громким ревом бросались на камни, поднимая со дна глину. За сплошной пеленой дождя не было видно гор на другом берегу реки.

Я промок до ниточки. Меня била дрожь. К счастью, дядя остановил машину и дал мне свою ватную телогрейку. Дождь, однако, продолжался недолго, и выглянувшее солнце в одну минуту высушило мою одежду.

В ущелье стало свежее и тише. Всей грудью вдыхал я пьянящий горный воздух.

Машина пошла медленнее и вскоре свернула на дорогу, которая вела в другое ущелье. Еще через несколько минут она дошла до крутого подъема и остановилась.

Дверь кабины открылась, и дядя вышел на дорогу.

— Ну, вот и приехали, можно и ноги размять.

Оставив нас на дороге, машина тронулась и скрылась за выступом скалы.

Я с наслаждением расправил онемевшее тело, потянулся, с любопытством огляделся вокруг.

Нигде не было видно ни одного строения, ни одного жилого дома.

— Это и есть Зарчашма, дядя? — удивленно спросил я.

— Нет, — ответил дядя, — Зарчашма вон за тем холмом. Но лучше

слезть здесь, а то дальше может быть проверка багажа. А ну-ка, дай мне чемодан.

Дядя Абдулатиф взвалил чемодан на плечи и пошел по узенькой тропинке, которая вела, извиваясь, к высокому холму.

Мы шли очень долго, и когда, наконец, поднялись на холм, я увидел расстилающееся под нами ущелье. Оно было все в зелени. Повсюду

виднелись одноэтажные и двухэтажные дома. Из труб какого-то большого многооконного здания валил густой черный дым. Это, очевидно, была фабрика или завод. По одной из улиц густо сновали машины. Справа протекала небольшая речка.

Поставив чемодан на землю и вытерев со лба пот, дядя сказал:

— Вот и Зарчашма!

(Окончание следует).

Перевод М. Явич

Боки Рахим-заде

С тобой, Москва!

Когда я вижу гребни гор,
Когда шумит листва,
Мне ясно—полон мой простор
Твоей душой, Москва.

Твои разливы площадей,
Твои сады весны
Я вижу в золоте полей
Таджикской стороны.

И говор наших быстрых рек,
И наших дней поток—
Хранят в себе Москвы разбег,
Московский огонёк.

И вот, наверно, потому
Всегда в родной Москве
На память сердцу моему
Мой край приходит мне:

Дыханье каждого цветка,
И весь родной народ...
Таджикский край в тебе, Москва,
Сияет и цветёт!

Так здравствуй вечно и живи
В делах, в сердцах людей,
Столица счастья и любви
Всей родины моей!

Перевела Марианна Фоганова.

Хабибулло Назаров

Любимой девушке

Луны голубое сияние—приходи!
Лукавое обаяние—приходи!
Вечерним туманом одетая, моею любовью согретая,
Мечта моя и дерзание—приходи!
Ужели во мне сомневаешься, о луна?
Алмазом во тьме выделяешься ты одна.
Как тополь высокая, тонкая, в работе веселая, звонкая
Всегда убегаешь, скрываешься, Омина.
Исполни свое обещание, приходи!
Я встречу задумал заранее, приходи!
Сгорели тюльпаны смущения, ты вновь убежала в смятении
Лишь ветви черешен качаются впереди.
О, сердцу подруги порывистой не понять.
Её по тропинке обрывистой не догнать.
Я спорил с отцом несговорчивым, со старцем скупым
и разборчивым
Решил он: невеста не выросла! Мог бы знать!
Луна голубая, лучистая, приходи!
О, горная речка, речистая, приходи!
Звезда на рассвете румяная, подруга для друга желанная,
Красавица нежная, чистая, приходи!

Перевела Е. Петрова.

Д. Дудкин

Перед праздником

Похоронив мужа, Варвара решила вернуться с детьми в родные места, домой, хотя дома там у нее давно уже не было.

Она ехала на Ставрополье, в богатое степное село Привольное—в край своей далекой молодости...

Трудно и тяжело сложилась у нее жизнь.

В 1921 голодном году она одна выжила изо всей большой семьи. Родственники поумирали, разъехались, и пришлось ей батрачить у степных кулаков, что хозяйствовали в те годы по хуторам на широких просторах Ставрополья. Ох и горькая же была та жизнь! Ничего не скажешь, хозяева сами работали как скотина и того же требовали от своих батраков. Только и помнила Варвара долгую, бесконечную усталость тех лет—скучных и однообразных, как одинокие степные солончаки.

Она выросла видной, красивой девушкой. Но никто ее не сватал: батрачка, сирота.. Случалось, в душные и темные летние ночи парни пытались взять ее силой, но спасали крепкие, почти мужские кулаки,—она свято берегла свое единственное достояние—девичью честь. Так и дожила она до 24 лет. А потом все-таки вышла замуж.

Ее мужем стал односельчанин Василий Анохин. Это был, что называется, незавидный мужичок—простоватый, слабовольный, незлобивый,—на селе его звали ласково-уничтожительно—Васей... Варвара видела все это, но выбирать-то было не из чего.

В долгие зимние ночи, когда муж, насытившись ее телом, безмятежно спал, подетски почмокивая губами, она лежала ря-

дом без сна и перебирала, как семена перед посевом, свои сокровенные думы о семье, о доме, о собственном хозяйстве. В мечтах ей принадлежало все, а в жизни... Она работала в поле и дома, как одержимая, изо всех сил тянула мужа, чтобы все это сбылось. Ее свекровь—черствая, нелюбимая, равнодушная ко всему старуха, иногда с удивлением поглядывала на нее,—до чего работящая попалась сноха...

Жили они в тесной, разваливающейся хатенке. Варвара к каждому празднику мазала и белила стены, Василий ставил подпорки, но хатенка продолжала разваливаться. И так же мало-помалу рушилась ее мечта о собственном хозяйстве, о собственной, не отданной в наем жизни...

Виноват в этом оказался человек, который по давнему неписанному закону крестьянской жизни, женившись, обязан был стать хозяином, добытчиком, главой семьи, и своими крепкими руками осуществить ее мечту.

А Василий Анохин не был таким человеком. Односельчане смотрели на него с легким жалостливым презрением. Он не то чтобы не любил землю, он относился к ней равнодушно, а это в их глазах было почти преступлением. Сами они любили землю преданно, религиозно, старались иметь ее как можно больше, и без земли чувствовали себя бессильными и ненужными на этом свете людьми.

Василию же было все равно. Он ко всему относился со спокойным равнодушием. Работал он некрасиво, без души, как бы

по принуждению. Ему ничего не хотелось, он довольствовался в жизни малым и не требовал большего.

Иногда Варвара спрашивала:

— Неужели ты не хочешь жить, как все люди?

Он отвечал вопросом:

— А зачем?

И ложился спать без ужина.

В селе он не держался, его все тянуло к городу, к легкой, как ему казалось, жизни. Он часто отлучался, привозил с трудом заработанные гроши.

Варвара выбивалась из сил. Жить ей становилось всё труднее. Осенью она родила недоношенного ребенка. Хилый, болезненный мальчик прожил несколько месяцев и зимой умер от воспаления легких.

Варвара хоронила сына одна: свекровь лежала в больнице, муж, по обыкновению, был в отлучке. Она принесла на кладбище легкий, пахнущий сосной гробик. Сильный степной ветер намел снега в могилку, она вычистила ее. Потом Варвара открыла гробик, взяла на руки сына и припала к его синему личику долгим материнским поцелуем. Потом она закрыла гробик, бережно опустила его и засыпала могилку примерзшей землей. Варвара не плакала, не причитала, и только лицо у неё было какое-то затвердевшее,—как земля, по которой мела поземка. Когда уходила с кладбища, все оглядывалась на маленький темный холмик. А когда вышла за ограду и посмотрела в последний раз, то уже не увидела заметной снегом могилки. Начиналась буйная степная метель.

Смерть сына, как говорят в народе, перевернула Варвару. Раньше у нее в руках все горело, любая работа спорилась, а теперь она целыми днями ничего не делала, лежала на лавке, сидела у окна, часто ходила на кладбище.

Когда свекровь как-то попыталась поговорить с ней, утешить, она грубым, чужим голосом сказала:

— Не трогайте меня, мама.

К весне вернулся Василий. На этот раз ему повезло: за зиму он заработал почти триста рублей.

Вечером Варвара вывела его во двор и тихонько попросила:

— Вася, уедем отсюда. Не могу я тут... — она не договорила—захлебнулась первым неистовым бабьим плачем.

Варвара плакала долго, неудержимо. Василий топтался вокруг и говорил:

— Ты ничего... Ты не плачь... Хочешь уехать—пожалуйста...

И они уехали в город—весной 1927 года оставили село Привольное,—как думали—навсегда.

Варвара уезжала с тяжкой обидой на свою неудавшуюся жизнь.

В первое время они жили почти так же как и в селе,—все никак не могли приспособиться к городской жизни, которая требовала больших расходов. Но потом, когда Василий стал работать грузчиком, а Варвара—уборщицей, их жизнь как-то сразу приняла устойчивую определенную форму, и покатились ровно, спокойно, без толчков,—как подвода по укатанной дороге.

И произошло еще другое: Варвара стала главой семьи. Сложилось это постепенно. Она родила своему незадачливому мужу двоих сыновей и—незадолго до войны—дочку. Появились дети—появились заботы, каких раньше не знали. Кто-то должен был взять на себя ответственность за семью. Василию это было явно не под силу. Не то чтобы он не хотел или не умел, нет, он просто не мог каждый день думать, заботиться о семье, разрешать бесчисленные жизненные трудности.

— Варя, ты там сделай как-нибудь...—обычно просил он.

И само собой так вышло, что Варвара стала обо всем думать, обо всех заботиться. Дети, муж, соседи обращались к ней, как к старшей в семье, и она покорно принимала эту честь.

В эти годы Варвара обрела свою быструю энергию. Ей стало казаться, что мечта сбывается: ее окружали дети, у нее была семья, а потом... потом сбудется и все остальное. Она работала уборщицей, брала на дом стирать белье, всячески экономила, но зато откладывала понемногу от каждой полочки—сбирала деньги на постройку дома... Свекровь снова удивлялась втихомолку, она втайне гордилась снохой, но никогда не говорила ей об этом.

А Василий? Что ж, ему эта жизнь нравилась. О селе он вспоминал с неприязнью, и по-прежнему считал, что в городе жить легче. По субботам он аккуратно напивался с грузчиками, в меру шумел дома, но Варвару никогда не трогал,—даже пьяный он боялся ее.

Свекровь все чаще болела, становилась мягче, разговорчивее. Теперь она уже открыто жалела сноху, поругивала сына.

— Эх, ты, неудалый! Варили тебя да не доварили...

Варвара молчала.

Заботы о семье поглощали все ее силы. Ночами, лежа без сна рядом с беспечно посапывающим мужем, она пыталась убедить себя, что все это временно, что все это скоро кончится,— вот накопим денег, вот построим дом, заведем хозяйство, подрастут дети...

Варвару никак нельзя было назвать стяжательницей. Просто она хотела жить лучше и пыталась добиться этого только одним, известным и понятным ей путем. А путь этот,— изведанный до нее и осужденный миллионами людей— все дальше уводил ее от настоящей жизни. Когда началась коллективизация, Варвара даже и не задумалась о том, чтобы вернуться в село, вступить в колхоз. Слишком далеко она была в то время от земли и от крестьянской жизни. Перед нею по-прежнему маячил прекрасный мираж собственного и только собственного благополучия. Временами ей казалось, что он уже близко, совсем близко, почти рядом. Варвара делала последний шаг и... мираж снова маячил перед ней в далекой призрачной дали. В те годы ее жизнь снова стала похожей на одинокий солончак, окруженный буйно цветущей весенней степью.

Летом 1941 года Варвара с семьей переселилась в собственный дом. Свекровь в это время болела. Они не захотела лежать в больнице, переехала вместе со всеми и через несколько дней умерла. А еще через несколько дней— началась война.

Василий вскоре ушел на фронт— на четыре года. Писал он оттуда редко, чаще— из госпиталей. Жизнь Варвары мало изменилась. Она по-прежнему много работала, заботилась о детях. Но к этому теперь прибавилось беспокойство о муже и доме.

Муж... Какой он ни на есть, а все-таки муж... В эти трудные годы он стал для нее самым близким человеком. Варвара часто думала о нем, плакала, молилась, чтоб остался живым... Соседи, спасаясь от войны, бросали дома и уезжали подальше в тыл. Варвара не двигалась с места. Она прожила все это время в прифронтовой полосе и— сохранила дом.

Летом 1945 года, в такой же тихий, жаркий день, как и четыре года назад, вернулся Василий. Вечером вся семья села ужинать в саду, возле дома. Было тихо, мирно, пахло теплой землей, где-то далеко

лениво лаяла собака. Так закончилась для Варвары война...

А потом все пошло по-старому: Василий снова стал работать грузчиком, Варвара— уборщицей. Но жилось им теперь труднее. В первые годы после войны, когда половина страны поднималась из праха, жить вообще было нелегко, а тут подросли дети, на них требовалось больше расходов, денег постоянно не хватало. Но Варвара уже не могла работать, как раньше,— постарела да и силы были не те... Она похудела, высохла и стала как будто ниже ростом. Ее некогда красивое лицо потемнело, увяло. И только глаза остались прежние— ясные, умные, почти всегда грустные,— они спокойно и внимательно смотрели на мир.

Василий тоже постарел, но лицо у него было моложавое и— по-прежнему— безмятежное; как и раньше, он ко всему относился равнодушно, о войне скоро перестал говорить, пить бросил— из-за контузии.

В конце зимы Варвара тяжело заболела воспалением легких и поднялась с постели только в мае. Слабая, худая, она вяло бродила по саду, равнодушно вдыхала запахи цветущих деревьев. Ничто ей тут было не мило.

Когда муж спрашивал, что с ней, она негромко отвечала:

— Устала я...

Василий забеспокоился. Во время болезни жены ему волей-неволей пришлось взять на себя заботы о семье, и тогда он первый раз в жизни понял, какую тяжкую ношу Варвара тащила все эти годы. Ему стало стыдно и он попытался по возможности заменить жену. Но это продолжалось недолго: как только Варвара начала выздоравливать, он снова попробовал переложить на нее эту ношу.

И тут Варвара удивила его: она неподставила плеч.

Когда Василий привычно обращался к ней:

— Варя, ты сделай там какнибудь...

Она равнодушно выслушивала и— не делала.

Василий подумал-подумал и решил продать дом и уехать.

Когда он сказал об этом Варваре, в ее тусклых глазах как будто мелькнуло что-то, а может это только так ему показалось, потому что она тут же равнодушно ответила:

— Все равно, — продавай, уедем...

Даже не спросила — куда.

Василий и сам еще не знал куда. Как

и всем слабым, безвольным людям, ему казалось, что в другом месте у них все наладится и они будут жить лучше.

Помог случай. Их сосед получил письмо от родственников из Средней Азии. Они еще зимой уехали в Таджикистан и теперь писали о своей жизни в этой далекой национальной республике. По их словам, жить там было вполне возможно, работы сколько хочешь и платят хорошо, а люди... люди везде одинаковы — есть и хорошие, есть и плохие.

Василию все это очень понравилось и он сразу же решил, что это как раз то самое место, куда им следовало уехать. Он стал готовиться к отъезду, искать покупателей и вскоре неожиданно удачно продал дом. Варвара по-прежнему ни во что не вмешивалась, она целыми днями сидела в саду, теперь уже в чужом саду...

Летом они уехали в Таджикистан.

Письмо их не обмануло. Здесь действительно было много работы. Но для них ничего не изменилось. Ни Василий, ни Варвара не имели никакой квалификации, и им снова пришлось взяться за старое.

Так они прожили десять лет.

Трудные это были годы. И трудными они были не потому, что Варвара много работала, а потому, что в эту пору она все чаще стала задумываться о своей томительно-обедной, неудавшейся жизни.

Бывает, что в стороне от широкой степной дороги петляет, вьется еле приметная тропка. На дороге — шумно и многолюдно, — там движение, там жизнь. А на тропке тихо, пусто, то она исчезает в овраге, то огибает встречный курган, и уходит далеко в сторону от дороги. Не часто увидишь тут одинокого пешехода...

Эта картина все чаще врывается в раздумье Варвары, и она все яснее понимала ее значение. «Неудалые мы, неудалые... — с горечью думала она. — Надо бы нам жить как все люди живут, а мы — все тропкой, все стороной...»

Иногда ей казалось, что все это просто — взять да перейти с узенькой тропки на широкую дорогу... Но в жизни это оборачивалось несметным множеством каждодневных бессмысленных будничных мелочей, которые цепко держали ее и не давали ступить ни шагу. Да и что она могла сделать, когда вся забота о семье снова лежала на ее плечах?

Да, снова ей пришлось стать главой семьи. Пришлось... Это случилось вскоре

после их приезда. Как-то вечером Василий вернулся домой слегка навеселе. Он объявил, что нашел очень выгодную работу и завтра уезжает.

— Куда? — удивилась Варвара.

— На работу... — усмехнулся муж.

Оказалось, что он устроился землекопом в мелиоративную партию по обводнению пастбищ. Работа была тяжелая, зато хорошо оплачивалась. Но Василию больше всего нравилось, что каждый сезон он будет работать на новом месте...

Вот так и пошло. Василий работал на пастбищах и приезжал домой только когда там шли дожди или выпадал снег. А Варвара жила и хозяйствовала дома одна.

Трудно ей было управляться, везде поспевать. Правда, дети подросли. Дочка немало помогала по хозяйству, но сыновья уже начали отходить от дома. Старший — Василий — угрюмый, неразговорчивый и черствый, как бабка — работал шофером;

Семен — веселый, красивый и легкомысленный парень, любитель выпить и погулять с девчатами — электромонтер. Они уже начинали проявлять самостоятельность, в день получки приходили навеселе, но деньги всегда приносили домой и отдавали матери, — это был железный закон в семье, который никто не нарушал, начиная с отца.

Жили безбедно, но в питании себя по-прежнему ограничивали. На сэкономленные деньги мать покупала детям хорошую одежду, обувь, понемногу справляла дочери приданое. Варя была похожа на мать — ладно сложенная, красивая девушка, какой Варвара видела себя в далекой молодости. Она любила дочь, старалась оградить ее от тяжелой работы, к каждому празднику шила ей новое платье. И не видела Варвара, что дочь вырастает самовлюбленным, черствым и равнодушным к людям человеком, — она была матерью...

Со стороны казалось, что Варвара все та же. Она по-прежнему много работала, в образцовом порядке содержала двор, виноградник, глинобитную хатенку, которую построили на другой год после приезда. Все это она делала, но делала по-привычке, равнодушно, без той страстной энергии и заинтересованности, какие были у нее раньше. Она все явственнее ощущала надвигающуюся старость, сильно уставала, часто болела. Вечерами, когда дети уходили в кино, Варвара оставалась одна в доме. Она подолгу сидела — в комнате или винограднике, бездумно глядела перед собой в тре-

петные сумерки, тосковала, и некому было ей высказать свою тоску...

В один из таких вечеров к ней пришла большая, непоправимая беда.

В темноте звякнула калитка и перед ней возникла угловатая мужская фигура, — она узнала приятеля Василия — Ивана Баладина.

Он поздоровался, сел и, неумело скрывая правду, сообщил, что Василий опасно болен.

Но Варвара уже все поняла, она не стала его расспрашивать и только сказала, что завтра поедет с детьми к мужу в урочище, где он работал.

Баладин даже как будто обрадовался этому и с жаром предложил заехать утром на машине.

Варвара согласилась. Баладин посидел еще немного, а потом попрощался и стал уходить.

У калитки он не выдержал и горестно сказал:

— Жалко Василия... Хороший, понимаешь, человек был...

Когда Варвара с детьми добралась до далекого урочища, Василия уже похоронили.

В знойный тихий полдень их привели к свежей могиле на склоне холма. Варвара и дети горько, с криком заплакались — попрощались с человеком, которого все они любили, хотя и понимали, что он был не таким мужем и отцом, как у других. Ну и что же? Какой он ни на есть, а — свой, родной, самый близкий человек...

Поздно вечером вернулись домой. Варвара усадила детей возле себя и чужим, строгим голосом сказала:

— Уедем отсюда...

Помолчала и добавила:

— Домой...

Она наскоро распродала все и через неделю выехала с детьми в село Привольное.

За весь долгий путь из Таджикистана до Ставропольщины Варвара только и сказала детям, что там, дома, им будет лучше жить, и потому они едут туда. А будут ли они там жить лучше, она не знала, и, если бы даже захотела иначе объяснить, почему они туда едут — не смогла. Просто ее не удержи́мо тянуло в родные места, — вот и все, что знала она.

В село приехали поздно вечером. От станции добирались на попутной машине. Шофер — молодой, похожий на цыгана парнишка — лихо гнал грузовик по накатанной степной дороге. Когда подъезжали к селу,

Варвара стала взволнованно вглядываться в сумерки. Но сколько она ни смотрела, ничего прежнего не увидела. Село изменилось как изменилась жизнь. Машина шла по улице с двухэтажными домами, где-то в стороне работала электростанция, на крыше высокого здания высились мачты радиоузла. И только теплый степной ветер приносил издалека с детства знакомый запах созревающих хлебов.

Шофер остановил машину возле дома приезжих.

Заспанная дежурная сердито сказала Варваре:

— Ну, куда я вас дену?

И — отвела в большую, чистую комнату.

Все долго сидели в сумерках. Почему-то не хотелось включать свет. Говорили мало и только об одном — как у них тут сложится жизнь...

Варвара по привычке встала рано. Сынovej не было, и только дочка крепко спала, зарывшись в подушку. Варвара неслышно оделась и вышла из дома. Она шла чужой улицей, незнакомыми переулками, как во сне, прежде чем поняла, что идет к кладбищу.

На кладбище, как и в селе, все оказалось для нее чужим и незнакомым. Деревья разрослись, густые кустарники скрывали могилы. Но Варвара все шла и шла, она выбирала тропинки, ориентируясь на одной ей ведомые признаки, которые нетленно жили в ее сознании все эти годы. А может это было святое материнское чутье, и оно привело ее к маленькому холмику у подножия высокого клена.

Варвара узнала, вернее, угадала этот клен. Он тоже постарел, как и она, но еще крепко стоял и шумел жесткой узорной листвой в лучах утреннего солнца.

Мать тихо опустилась рядом с могилкой. Она с болезненной ясностью пережила далекий зимний день, когда в снежной метельной мгле похоронила тут своего сына.

Варвара вздрогнула всем телом, ощутив на мгновение холод, безнадежность и одиночество того дня. А потом она поднялась, выпрямилась и встала над могилкой. Ведь она была мать, у нее были другие дети... и о них надо было думать, тревожиться...

— Я буду приходить к тебе, сыночек... — прошептала она.

И медленно пошла к кладбищу.

Было позднее утро. Со степи веял теп-

лый ветер, пропахший чабрецом и бензином. Где-то слышался ровный однообразный гул машины.

Варваре захотелось посмотреть на поле, где в молодости батрачила. Она поднялась на курган, опоясанный старыми коровьими тропами и, задыхаясь, остановилась на вершине, потрясенная невиданной картиной.

Далеко, насколько хватал глаз, до самого горизонта раскинулось золотистое, чуть колеблемое ветром поле пшеницы. Тяжелые, тесно набитые зерном колосья слегка покачивались, тускло поблескивая под солнцем. А над ними, отдаленные друг от друга, плавно и неторопливо шли в облаках пыли комбайны. Срезанные колосья с нежным хрустом покорно ложились на транспортер, уносились в гудящую молотилку, и снова появлялись на свет из недр машины, — в бункер падали плотные, тяжелые, будто литые зерна пшеницы. От комбайнов то и дело отъезжали грузовики, до бортов насыпанные зерном. Казалось, вся земля вокруг, на все четыре стороны света дрожала под тяжестью идущих машин, нагруженных хлебом нового урожая. А машины все шли и шли, уходили в затянутую маревом степную даль, — туда, где за чертой горизонта поднимались могучие башни элеватора.

Варвара перекрестилась, глядя на этот мирный, святой человеческий труд.

— О, господи...

Она вернулась к детям тихая, светлая, спокойная, и на тревожный вопрос дочери: — Мама, что мы тут делать будем?

Ответила:

— Жить, — как все люди живут...

В полдень она сидела в кабинете председателя колхоза Петра Ивановича Бахно.

Председатель, плотный, жизнерадостный мужчина, с умными, веселыми глазами, внимательно выслушал бесхитростную историю ее жизни и, сокрушенно покачав головой, сердито сказал:

— Эх, чудак-женщина, Варвара-великомученица! Выходит, прожила ты мимо жизни...

Варвара, обиженная его словами, поднялась и хотела уйти, но Бахно веселоповелительно остановил ее:

— Уходишь? А — куда? Ну-ка, садись поближе к столу, — побалакаем про жизнь и вообще...

Варвара остановилась.

Через полчаса она ушла, оставив заявление, в котором просила принять ее с детьми в колхоз.

Но как-то так вышло, что все устроилось раньше, чем на колхозном собрании разобрали это заявление. Многие в селе помнили Варвару, да и приехала она в страдную пору, когда в колхозе особенно требовались рабочие руки. На другой день сыновья, ничего не сказав, ушли из дома и вернулись только вечером — усталые и довольные, — Семен стал работать на электростанции, а Василий трактористом в МТС.

Вскоре и Варвара нашла свое место в колхозе.

Как-то в конце тихого летнего дня она возвращалась от знакомых, которые жили далеко на окраине села. Варвара устала и ей захотелось посидеть на берегу пруда. Он появился здесь несколько лет назад. Колхозники использовали небольшую, поросшую ивняком ложину, где вечерами собирались многие поколения сельских парней и девушек. Бывало, до глухой ночи неслись отсюда звонкие, протяжные девичьи голоса и меланхолические звуки гармонии. Приходила сюда и Варвара... И кто знает, может быть сейчас ей захотелось взглянуть хоть краешком глаза на свое почти забытое прошлое...

Солнце низко висело у далекого края степи, над невидимой дорогой стояла оранжевая пыль. По широкой сельской улице тянулись длинные тени.

Еще не доходя до берега, Варвара почувствовала легкую, чуть уловимую свежесть, прохладу близкой воды. Она села под вербой и стала бездумно смотреть на вечернюю, быстро темнеющую воду.

Ничто здесь не напоминало ей о прошлом. Изогнутая, похожая на сломанную подкову ложина целиком исчезла под водой и только очертания невысокого противоположного берега с дальним степным курганом смутно отзывались в сердце, будили неясные, полужабытые чувства.

На другом берегу тянулись низкие строения птицефермы. Оттуда шел невнятный, однообразный шум. Варвара догадалась: это птицы, их много, наверно тысячи, и они шумят перед сном, как, бывало, шумели у нее в курятнике...

На берег вышла молодая женщина в темном халате. Она равнодушно, мелким глянула на Варвару и стала звать повелительным, хозяйским голосом:

— Тега, тега, тегал...

Из-за мыска неспешно выплыла стайка гусей. Они подплыли к женщине, вышли на берег и неторопливо пошли домой, шумно

отряхиваясь, взмахивая белыми чистыми крыльями.

Женщина постояла еще немного у воды, а потом медленно, задумчиво ушла.

Варвара проводила ее взглядом. Ей стало грустно. По тому, как равнодушно-спокойно глянула на нее эта незнакомая женщина, она почувствовала себя посторонней в родном селе, где все давно знали друг друга в колхозной, с детства привычной жизни.

Варвара горько, с каким-то даже веселым подумала: «Люди столько лет работали, хребет гнули, голодали, небось, пока подняли колхоз, а я тут явилась, — извольте, пожалуйста, примите меня на готовенькое... Ишь ты! — выругала она себя. — Сытой жизни захотела...»

Солнце село. На дальней окраине неба догорал закат. Со степи наплывал теплый, мирный запах скошенных хлебов.

Рядом грузно опустился кто-то. Варвара обдало крепким запахом пота и табака. Она услышала голос Бахно:

— Любишь птицу, а?

И неожиданно для себя ответила:

— Ну, люблю. А что?

— А то... — проворчал председатель, и не закончил — стал закуривать.

Он в молчании выкурил папиросу. Варвара тоже молчала. Она ждала, что еще скажет председатель. Много лет прожила она с мужем, который перекаладывал на нее все житейские заботы. А теперь она поймала себя на мысли, что начинает верить этому властному и решительному человеку, надеется, что он возьмет на себя ее заботы, изменит ее судьбу.

Бахно отбросил потухшую папиросу, встал:

— А ну давай сходим на ферму,—предложил он.

Варвара молча пошла за ним.

По дороге председатель рассказал ей о бронзовых индейках.

— Понимаешь, дело это выгодное и нужное, — объяснял он. — Наши степняки спокон века свиней разводят, и больше ничего им не надо. А партия что нам говорит? Она говорит: разводи скот на всякий вкус и рот. Один любит свинину, а другой — гусятину или, скажем, телятину. В общем и целом, если короче сказать, уговорил я наших колхозников разводить бронзовых индеек. Замечательная, понимаешь, птица! Самки семь-восемь килограммов, а индюки — на все двенадцать вытягивают. Ну и

мясо, конечно, у них самое нежное и вкусное. Есть, правда, один недостаток: сильно интеллигентная птица,—хороший корм требует, уход и ласку любит. За ихними цыплятами особо надо смотреть, а тут...

Бахно сердито махнул рукой.

— Людей у нас, понимаешь, не хватает.

И неожиданно закончил разговор:

— В общем, давай, бери индеек,—выращивай и так далее. А если в случае чего — поможем...

Варвара слушала, скрывая волнение. Ее до глубины души тронуло, что Бахно говорил с ней, будто давно и хорошо знал ее и ничуть не сомневался в ее согласии.

И Варвара взялась...

Первое время она все присматривалась к незнакомому ей укладу жизни в колхозе. Она никак не могла избавиться от привычного чувства принужденности, с которым делала свою нелюбимую работу уборщицы. Ей становилось горько и обидно, когда она ловила себя на желании поскорей закончить работу и уйти домой, как это бывало с ней раньше. Она перемогала себя, свою многолетнюю привычку и часто задерживалась на ферме, хотя делать тут было нечего...

Чувство ответственности пришло позже. Варвара полюбила своих индеек — беззащитных и доверчивых птиц. Они были неутомимы в поисках корма, и часто уходили в степь. К вечеру Варвара с трудом собирала их. Она кормила разборчивых птиц строго по рациону, подолгу выпрашивала зоотехника об их повадках, болезнях, о том, какой корм они любят и зачем им нужно давать витамины...

Как-то завхоз не доставил вовремя жмыха. Голодные птицы злились, недовольно кричали, и все порывались уйти в степь.

Варвара оставила индеек в загончике, а сама пошла добывать жмых.

Она застала завхоза за веселой беседой с девушками из садово-огородной бригады.

Варвара подошла, поздоровалась.

— День добрый, Василий Степанович.

Завхоз небрежно кивнул ей, не переставая болтать с девушками.

Варвара подождала немного.

Завхоз не обращал на нее внимания.

Тогда Варвара, поблещев от гнева, резко шагнула в склад, схватила мешок и стала бросать в него плитки жмыха.

— Постой, постой, баба, что ты делаешь? — встрепетнулся завхоз.

— Ничего, вы не беспокойтесь, Василий

«Степанович, я уже как-нибудь и без вас управлюсь...—сдержанно ответила Варвара.

— Тфу! Ты что, сбесилась! — удивился завхоз. — Какое ты имеешь право брать без наряда дефицитный корм?

— Наряд у вас со вчерашнего дня прохлаждается, — по-прежнему ровно объяснила Варвара.

— Ничего не знаю. Не трогай жмых. Уходи со склада, а то ответишь!—повысил голос завхоз.

— Нет, это ты, чертов ледарь, ответишь!—крикнула Варвара.

— Так его и надо! — поддержали ее девушки. — Ишь брюхо наел, — чистый бугай...

Варвара быстро пошла к воротам.

— Ты куда? — заинтересовался завхоз.

— К председателю.

Василий Степанович переменялся в лице и мелким шагом поспешил за Варварой.

— Стой, куда ты, обожди, говорю. Я ж пошутил, а ты—всурьез...

Девушки залиvisto смеялись.

— Эх ты начальник-мочальник...

Завхоз не обращал на них внимания. Он с трудом уговорил Варвару вернуться, забегал, засуетился, шустро снарядил бричку и сам отвез жмых.

В этот день Варвара вовремя ушла с фермы домой.

Девушки из садово-огородной бригады не забыли про этот случай. Они рассказали о нем на собрании, когда Варвару с детьми принимали в колхоз.

Приняли — единогласно.

Через несколько дней Варвара справила новоселье в небольшом доме, который передал ей колхоз. Случайно оказалось, что она живет неподалеку от своего старого пепелища. Там теперь разросся обширный колхозный сад. Варвара выбрала время и под вечер пошла туда. Долго бродила она по саду и все никак не могла найти следов своей хатенки. Ей помогла старая груша, которая когда-то росла у них на дворе возле дома. Теперь от дома ничего не осталось, как не осталось ничего от того времени, когда груша шумела над его крышей... Варвара молча стояла и смотрела на место, где начиналась ее жизнь. Грусти не было, как не было тревожного ощущения большой жизненной утраты, которое томило ее все эти годы. В последнее время она жила с радостным сознанием, что вот теперь у нее в семье, слава богу, все как у людей. И она и дети работают в колхозе, есть у них

хороший дом с садом и пусть молодая груша шумит над его крышей...

Эта ее спокойная жизнь продолжалась недолго.

Ранним утром Варвара осматривала индеек, перед тем как выпустить их в степь. Она заметила, что несколько птиц — вялых и сонных — неподвижно стоят в стороне. Она взяла индейку на руки и, сквозь толстый слой пуха почувствовала, что у птицы сильный жар.

Варвара опустила индейку и растерянно огляделась. Она была одна в птичнике. Зоотехник уехал в район. Не с кем посоветоваться, некого спросить... Ее охватила тревога. Она волновалась так, будто птицы были ее собственные.

Чувство хозяйской ответственности вернуло ей самообладание. Варвара снова тщательно и неторопливо осмотрела всех птиц, отделила больных от здоровых и пошла в правление колхоза.

Узнав, что индейки заболели, Бахно, не стесняясь Варвары, крепко выругался и стал звонить в район. Он разыскал зоотехника в ветснабе.

— Слухай, у нас индюшки заболели!—прокричал он в трубку. — Давай, друг, скачи назад...

Зоотехник вернулся только вечером. К тому времени заболело еще несколько индеек.

Больных птиц осматривали вдвоем. Зоотехник — молодой человек — внимательно посмотрел на умирающую в судорогах индейку и инстинктивно отшатнулся.

— Тетя Варя, это птичья чума... — тихо сказал он.

Ночью в селе спали только дети. Надо было не только спасти здоровых птиц, но и не допустить распространения чумы дальше.

Бахно яростно звонил в Ставрополь, искал нужных людей, просил, уговаривал, ругался и — добился: утром в колхоз приехали ветеринарные врачи с противочумной сывороткой. К этому времени колхозники вывезли всех здоровых птиц в степь.

Варвара не заметила, как прошла ночь. В однообразной напряженной работе она забыла о своем возрасте, к ней вернулась былая энергия, воля, страсть. Она ловко и быстро перебирала сонных птиц и, если ей попадались больные, мгновенно определяла это каким-то особым чутьем и относила их в дальнее отделение птичника.

В последующие дни Варвара жила в еще большем напряжении всех сил. Птицы ежедневно гибли — сначала десятками, по-

том — сотнями. Чума свирепствовала на ферме, как степной пожар. Варвара, усталая, измученная до последней степени, помогла врачам вводить птицам противочумную сыворотку, хотя в глубине души слабо верила в ее действие.

От сыворотки или от чего другого болезнь стала ослабевать. Выздоровели две индейки, потом стали выздоравливать куры, гуси, утки. Через неделю вспышка чумы утихла. На ферме погибло больше половины поголовья. У Варвары осталось около полусотни индеек.

Слабая, похудевшая, как после болезни, она сидела в тихом, солнечном закоулке и кормила птиц, ласково приговаривая:

— Ешьте, милые, ешьте, мои хорошие...

Индейки озабоченно топтались вокруг нее и клевали кусочки хлеба.

На плечо Варвары легла тяжелая рука.

Она подняла голову.

Возле нее стоял Бахно. Он крепко потер затылок и с сожалением сказал:

— Мало их осталось. Пожалуй, придется прикрыть это дело.

— Как это прикрыть? — встрепелась Варвара.

— Ну, невыгодно нам это, — неохотно объяснил председатель. — Понимаешь, пока восстановим поголовье... — Он безнадежно махнул рукой.

— Не согласна я! — сердито возразила Варвара.

Она встала, резко стряхнула крошки с фартука. Птицы, испуганные ее движением, разбежались.

— Ишь ты, значит несогласна? — весело спросил Бахно.

— Нечего тут смеяться! — вспыхнула Варвара. — Душа болит — смотреть на все это...

— Ладно, ладно, не расстраивайся, — примирительно сказал председатель. — Переведем тебя на какую-нибудь другую работу.

— Да не хочу я на другую. Я на этой останусь — горячо сказала Варвара. —

Надо индеек разводить, — сам же говорил, что дело выгодное.

— А где ты их возьмешь — разводить? — в свою очередь рассердился председатель.

— Поеду в племенной рассадник, выйду — дадут, — заявила Варвара.

— Тю-у! — удивился Бахно. — Так вот тебя там и ждут, с музыкой будут встречать.

— Я и без музыки обойдусь! — крикнула Варвара. — Завтра же и поеду.

И тихо договорила:

— Если разрешат...

Бахно с уважением оглядел Варвару.

— Ишь ты какая... чистый казак... Ну, что ж, поезжай, если такой характер имеешь.

На другой день Варвара оставила вместо себя дочь на ферме и уехала в Георгиевский район — в Государственный племенной рассадник бронзовых индеек.

А через две недели она прислала со станции телеграмму — попросила прислать ей три грузовых машины, — на них она и привезла в колхоз больше сотни молодых индеек.

— Да, чистый казак... — повторил Бахно, осмотрев привезенных птиц.

Поздно вечером Варвара возвращалась с фермы домой. Она сильно устала после поездки, медленно шла по тихой, сумеречной улице, и вдруг заметила, что идет легкой и плавной походкой кубанских казачек, чуть покачивая бедрами и поводя плечами.

И так ей стало хорошо, так счастливо, когда она вдруг подумала о том, что после всей своей трудной и неудалой жизни все-таки перешла с узкой заброшенной тропки на широкую, шумную и многолюдную дорогу...

Она приостановилась, глубоко вздохнула и огляделась. Было тихо, как перед большим праздником. Над селом беззвучно рожилось звездное небо. Издалека, наверно с полевого стана доносилась протяжная, раздумчивая песня.

Варвара тихонько повторила:

Все те е, все минае.

И краю не мае...

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

И. Нечаева

Поэт и народ

«Всякий сумеет следовать по проторенной дорожке, проложенной отцами! Если ты в силах, ищи свой путь!...» Эти слова знаменитого казахского поэта-просветителя Абая Кунанбаева стали девизом творчества современного крупнейшего писателя Казахстана Мухтара Ауэзова.

Он буквально шел целиной, создавая историческую эпопею — «Абай», «Путь Абая», посвященную жизни любимого героя.

Образ великого поэта занимает в многогранной творческой деятельности Мухтара Ауэзова центральное место. Он создает пьесу «Абай», киносценарий «Песни Абая», пишет большое количество научных работ о нем. Абай дорог Ауэзову как близкий и родной человек, ибо имя поэта вошло в его сердце еще в детстве. Задолго до того, как у писателя возникла мысль запечатлеть образ Абая, он с глубоким вниманием слушал воспоминания своего деда Ауэза, знакомого с поэтом лично, знал бытующие легенды о его бескорыстном служении народу, читал и заучивал его песни. Позднее Мухтар Ауэзов собирает огромный материал о своем будущем герое. Он беседует с его друзьями и почитателями, врагами и завистниками, оставшимися в живых, их сыновьями и внуками.

Во многом писателю помогает сам Абай своими гениальными произведениями.

М. Ауэзов, подводя итоги, писал недавно: «В результате этих поисков у меня накопилось такое множество сведений о моем будущем герое, что я часто повторял один из великих заветов Горького: «Пиши о том, о чем не имеешь права молчать».

Жизнь Абая в четырехтомной эпопее Мухтара Ауэзова* показана в неразрывной связи с жизнью казахского народа. Из огромного количества материалов о поэте автор отбирал то, что могло помочь осмыслить

и осознать исторический путь казахов от родового строя к социалистическому переустройству общества.

По его собственному признанию, рисуя образ Абая, становящегося постепенно «духовным оком своего трудового народа», писатель старался постичь в нем душу народа, раскрыть его лучшие качества. Таким образом, в этом герое нашло свое выражение все самое сокровенное, самое чистое и вдохновенное, что имелось в сердцах простого люда, жадно тянувшегося к счастью и свободе.

Два десятилетия трудился Ауэзов над своим романом. Он вложил в него весь свой огромный опыт и знание эпохи, замечательный талант художника и неутомимый пыл исследователя.

Эпопея Мухтара Ауэзова справедливо получила название энциклопедии казахской действительности XIX века. Она восстанавливает события, совершившиеся на протяжении полувека, рисует судьбу целого народа. Ауэзов своим романом открыл мир, дотоле неизвестный искусству, вдохнул в него силу жизни, развернул яркую, полную сверкающих красок картину минувшего. Зоркие глаза художника верно подметили важнейшие черты прошлого, не пропустив ни того, что составило гордость народа, не забыв и о том, что было его несчастьем.

Кочевая жизнь, разрушение родовых и патриархальных отношений, ожесточенная борьба нового со старым — все это нашло полнокровное художественное изображение в романах об Абае. События, положенные в основу эпопеи, большей частью имели место в действительности, о них сохранились народные предания. То же можно сказать и о многих героях.

Велик и обаятелен Абай — главный герой романов. Он показан автором как человек разносторонний, натура богатая и поэтическая. В то же время это новый че-

* Мухтар Ауэзов. «Абай» — книга I—1942. II—1947. «Путь Абая» I—1952, II—1956.

людей в своей среде — борец, мыслитель, друг и защитник народа.

Образ его стоит в центре всех событий, к нему тянутся все сюжетные нити, он вступает во взаимодействие с чрезвычайным количеством персонажей. Характер героя дан в развитии, в становлении. На наших глазах формируется душа этого человека, свершается переход от детской беспечности к принятию мужественного решения о необходимости борьбы со старым миром. На первых страницах перед нами мальчик, ставший невольным свидетелем жестокой казни двух безвинных людей. Это первая рана в его сердце, но от нее он уже никогда не может полностью оправиться. Образы тех, кто погиб из-за произвола баев, всю жизнь стоят перед его глазами и, как «сноп Клааса», стучат в его сердце. Неровен и сложен путь молодого Абая. Что мог поделать тот, неопытный, некрепкий юноша со своим хитрым и жестоким отцом, владевшим неограниченной властью. Он бессилен перед Кунанбаем, поэтому не может жениться на любимой девушке Тогжам и вынужден жить с нелюбимой Дильдой, брак с которой был продиктован корыстными интересами отца.

С большим трудом Абая смог разобраться во всех хитросплетениях родовой борьбы, в распрях и ссорах феодалов, так тяжело отзывавшихся на положение народа.

В конце первой книги М. Ауэзов сравнивает своего героя с чинаром, выросшим на высоком утесе среди голых камней.

Но уже там ощущается духовный рост поэта, который ярко проявляется в решительном выступлении против мнения отца. Фигура Абая значительно вырастает во второй книге. Порвав навсегда с отцом, он сближается с народом, глубже начинает понимать его нужды и интересы. Поэт уже не просто сочувствует угнетенным, а всеми силами стремится помочь им.

В этой именно книге особенно полно раскрыта любовь поэта к народной музыке и песням, становление его поэтического таланта. М. Ауэзов как бы проникает в психологию творчества поэта, показывает истоки его музыки, тающиеся в народном творчестве, в глубокой связи с народом. И тут же рядом восторженное благоговение Абая перед гениями русской литературы, усвоение их идей и творческих установок.

Абай типичный поэт-просветитель. Он был близко связан с русскими, сосланными в Казахстан за свои революционные убеждения, был знаком с их идеями, глубоко сочувствовал их деятельности. Огромной его заслугой является то, что он смог верно угадать единственно правильный путь для казахского народа — путь теснейшего сближения с передовой русской культурой. А в условиях безраздельного господства феодальных порядков, полнейшего подчинения общественной жизни догмам религии, владычества идей пантюркизма — выбор этого пути был великим подвигом.

Абай становится страстным поборником постоянной связи с русским народом, неутомимо популяризирует произведения русских писателей, вдохновенно переводит на казахский язык стихотворения великого

Пушкина. М. Ауэзов изумительно передает то высокое волнение, которое владеет Абаем, когда «великий русский акын Пушкин впервые вступил в простор казахских степей, ведя за руку милую свою Татьяну».

В новом романе «Путь Абая» писатель заостряет внимание на связях Абая с народом, на изображении его творческого пути в неразрывном единстве с общественной деятельностью. «Путь Абая» — это книга об Абае-гражданине, философе и поэте. Абая смело выступает в защиту простых людей во время их решительных, ожесточенных схваток с угнетателями.

Он воюет не только с родовыми старейшинами, но и с царскими чиновниками, ставшими на путь произвола.

Не страшась хищной своры мулл и ишанов, стремившихся поживиться во время эпидемии холеры, Абая выступает против них. С величайшей энергией он протестует против реакционной идеи объединения мусульманских народов под эгидой Стамбула. Борьба так захватывает поэта, что он восклицает: «Пусть вовсе сгинут стихи, если им нужны покой и тишина!».

Творчество поэта в это время получает сатирический и назидательный характер.

В последней книге романа развернуты картины жизни городских низов. М. Ауэзов показывает поэта в тесном общении с представителями бедноты, рабочими-казахами. Все возрастающее влияние и популярность Абая в народе вызывает ненависть и озлобление врагов. Они окружают имя поэта грязной клеветой и сетью подлых интриг.

Не улучшая и не ухудшая факты истории, автор в конце эпопеи показывает трагическую участь Абая, преследуемого царскими властями и степными баями. Смерть двух любимых его сыновей — европейски образованного Абиша и талантливого поэта Магаша, на которых он возлагал столько надежд, надломил силы этого сильного и в то же время нежного и впечатлительного человека. Абая ушел из жизни в 1904 г. в момент большой душевной трагедии. Но ушел исполненный надежды и веры в будущее своей родины. Он умер, окруженный друзьями и последователями, подхватившими его эстафету. Символичной является сцена встречи сына Абая с Джамбулом, прославившим свой теплый привет великому значителю казахской литературы.

С большой симпатией и сочувствием рисует писатель образы простых людей, друзей Абая. Одним из наиболее ярких и полнокровных образов является смелый и умный Даркембай. Несколько раз появляется он в романе, и при каждой встрече с ним образ его раскрывается все глубже и полнее. Суровая прямота его и неподкупная честность особенно ярко проявляются в сцене отъезда Кунанбая в Мекку. Требуя справедливости по отношению к несчастному сироте, Даркембай бросает гневные слова в лицо всемогущему владыке, уезжающему замалчивать в святые места свои многочисленные грехи: «Не боюсь труппу — опять свою, Кунанбаеву прокладываешь!»

Главную мысль романа писатель связывает с образом молодого поэта Дармена. Именно он, выходец из народа, принимает

поэтическое наследие поэта, его мечты и замыслы, готовность защищать народ. Абаю дороги интересы молодого поколения, дорог Дармен, поэтому столь близко к сердцу он принимает судьбу возлюбленной Дармена Макен, отстаивающей свою свободу и право на счастье с любимым.

Много страниц в романе уделено показу женской судьбы в условиях господства старых родовых отношений и мусульманских законов. Заслугой писателя является то, что он не только показал горести и обиды женщин, но и их замечательные душевные качества, борьбу за свободу и счастье. Галерея женских образов в эпопею удивительно разнообразна. На первом месте по своему духовному величю и огромной силе влияния на поэта находится бабушка Абая—Зере, обладающая мудрым и всеобъемлющим сердцем, мать его — Улжан, отличающаяся сдержанностью, умом и отзывчивостью, вторая жена поэта — Айгерим, покрывшая его своей талантливостью и чистотой.

Старый мир находит наиболее полное свое воплощение в образе властного отца Абая — Куанбая. Его характер писатель изображает во всей противоречивости и сложности. Обладая незаурядным умом и сильной волей, Куанбай умеет подчинять себе старейшин родов, привлекать в корыстных целях тех, кто ему нужен. Он с величайшей ловкостью пользуется межродовыми раздорами, натравливая один род на другой. Подкупы и взяточничество, угрозы и страшная расправа — все пускается в ход Куанбаем для достижения своих целей. Судноще Куанбая Мухтар Ауэзов мастерски раскрывает и в его портретной характеристике: «Высокий, коренастый, с седоющей бородой, Куанбай даже не удостоил их взглядом своего единственного глаза, странно сверкающего на бледном, словно застывшем лице». «Этот единственный глаз не прячется за веком: большой, выпуклый, он смотрит остро и зорко, точно пожирая все окружающее. Он даже моргает редко».

Высокое мастерство Мухтара Ауэзова проявляется при создании и других персонажей романа, зачастую появляющихся в одной, двух сценах.

Мухтар Ауэзов является крупнейшим мастером языка. Речь героев романа чрезвычайно самобытна, она точно соответствует мировоззрению, душевному состоянию их.

Не менее блестящее искусство Ауэзова — пейзажиста. Картины природы, созданные в его романах, не имеют пока равных в казахской литературе. Под пером Ауэзова казахская степь оживает, играет всеми красками, она словно раскрывает свои богатства тем, кто любит ее и умеет наблюдать за ней.

Неповторимо своеобразна национальная форма эпопеи, раскрывающая судьбы народные, как судьбы человеческие, глубоким знанием родного края определена вся палитра красок в обрисовке характеров героев и их взаимоотношений. С огромной любовью говорит автор о народных талантах, глубоко раскрывает психологию творчества казахов-акынов. Все пронизано овеяно ароматом степных трав, наполнено теми звуками, которые можно услышать лишь в стране казахов.

Творчество Мухтара Ауэзова очень близко по духу своему немеркнущим созданиям великого основателя таджикской советской литературы — Садритдинна Айни. В них то же глубокое чувство патриотизма, живой интерес к прошлому своего народа, его историческим судьбам.

В романах Мухтара Ауэзова по мере появления их в печати критики неоднократно отмечали отдельные частные недостатки, например, излишнюю растянутость отдельных эпизодов. Однако появление эпопеи в её законченном виде показало, что книги Мухтара Ауэзова об Абае являются собой одно из самых выдающихся явлений советской литературы последнего периода. Так оценил эпопею советский народ, присудив Мухтару Ауэзову в этом году Ленинскую премию.

М. Муллоджанов

„Переселенцы“

Бывают произведения, которые читаешь и перечитываешь снова и снова, наслаждаясь искусством описания событий, образов современников, великолепными картинками природы нашей страны, и при этом испытываешь такое чувство, будто ты слушаешь чудесный рассказ о жизни и делах близких тебе людей, о кипучей жизни нашей республики. Поэтому даже тогда, когда писатель заканчивает свое повествование, судьба созданных им героев продолжает волновать читателя.

Именно такое чувство возникает при чтении очерков и рассказов молодого таджикского прозаика Фазлиддина Мухаммадиева, собранных в первой его книге «Пе-

реселенцы («Мухочирон»)». Писатель порою так живо описывает людей, увиденных им в жизни, что невольно ощущаешь себя участником событий, о которых пишет автор.

Вот первый его очерк «Новый председатель», написанный в 1955 году, в период претворения в жизнь исторических решений Сентябрьского Пленума ЦК КПСС. В этом произведении автор показывает процесс перестройки работы колхозов на основе решений партии, приход в колхозы квалифицированных кадров руководителей.

* Фазлиддин Мухаммадиев, „Мухочирон“, шабриети давлатии Тоҷикистон, 1959.

Однако эти преобразования в очерках Мухаммадиева рисуются не путем простой констатации многочисленных фактов и событий, а путем создания ярких образов работников сельского хозяйства.

Люди, показанные в этой книге, вышли по-настоящему живыми. Читателю, например, крепко запоминается образ нового председателя колхоза имени Ленина, энергичного, знающего и чуткого руководителя, который, опираясь на инициативу и энергию колхозников, за короткий срок превращает отстающий колхоз в передовое хозяйство.

Вот прежний председатель колхоза — Каюм Амиров, человек слабый и безвольный, любящий погулять и повеселиться. Это отрицательный персонаж, и, хотя о нем говорится совсем немного, читатель живо видит перед собой этого беспомощного, бездарного руководителя, гуляку, который за два года своего председательства превратил один из лучших и богатейших колхозов в самое отсталое и маломощное хозяйство.

Мастерство писателя в обрисовке характеров особенно хорошо видно в его лучших очерках «Переселенцы» и «Фатто и Музаффар». При чтении не только нельзя усомниться в реальности таких образов, как Зарроф Заём, кузнец Махсум Самолет, Назар Шоимов, председатель колхоза Фаттох, партгор Музаффар, но наоборот, так и кажется, что вы их встречали в жизни.

Ф. Мухаммадиева волнуют важнейшие темы современности: пути подъема экономики колхозов, образы знатных людей республики, жизнь горных таджиков-переселенцев в Вахшской долине, строительство гидроэлектростанций.

В центре очерков Мухаммадиева стоят простые реальные советские люди — колхозники, шоферы и строители, девушки и юноши сегодняшнего Таджикистана.

Серьезное внимание, которое уделяет Ф. Мухаммадиев (особенно в очерках) людям и их характерам, показывает, что писатель придает большое значение раскрытию психологии и духовной жизни героев, которые даны не сами по себе, а в тесной связи с описываемыми фактами и событиями.

Успешно пробует свои силы Ф. Мухамма-

диев и в жанре рассказа. Вошедшие в сборник «Переселенцы» рассказы «Письмо друга» и «Вопрос жизни» свидетельствуют о писательском мастерстве автора, о знании им жизни и психологии людей, об умелом использовании художественно-образительных средств.

В рассказе «Вопрос жизни» писатель создал образ современной таджикской девушки, которая выступает против феодально-байских пережитков в отношении к женщине и мужественно борется за свои права. Борьба против феодально-байских пережитков в сознании некоторых людей и победа новых социалистических отношений в сегодняшней таджикской семье, изображение счастливой молодежи, которая выбирает единственно правильный путь в решении «вопроса жизни», равноправие женщины и мужчины — вот о чем этот рассказ.

Другой рассказ — «Письмо друга» интересен по композиции. Он написан в форме письма товарища главного героя Хайдарджона к замужней женщине Сорохон. Но этот хороший в основном рассказ не лишен, к сожалению, недостатков. Так, в нем не нашел яркого воплощения образ Сорохон и её мужа Кодирджона, что мешает полному раскрытию темы рассказа и замысла автора.

Язык рассказов и очерков Ф. Мухаммадиева прост, сочен и выразителен. Молодой писатель умело строит диалог и монолог, используя их для более полного раскрытия характеров, для индивидуализации речи персонажей, он тонко чувствует природу родного края и зримо передает её красоту.

Очерки и рассказы Ф. Мухаммадиева свидетельствуют о незаурядных способностях молодого прозаика, его умении создавать образы наших современников, воспроизводить яркие и запоминающиеся картины природы родного края. Но, как говорил классик таджикской литературы Саади Ширازی, мускус можно познать, лишь вдохнув его аромат.

А увидеть достоинства книги лучше всего при ее чтении.

Нам кажется, что сборник Ф. Мухаммадиева следует перевести на русский язык, он вполне заслуживает этого.

„Рассказы“* Рахима Джалила

Большой и заслуженной любовью пользуется у читателей известный таджикский писатель Рахим Джалил — автор замечательных романов «Пулат и Гульру» и «Шураб». Но не одними романами знаменит этот маститый писатель. Его знают и любят в республике и как автора острых сатирических рассказов, очерков и новелл о людях нашей республики.

* Рахим Джалил. „Рассказы“ на тадж. языке, редактор О. Хаджаева, Таджикгосиздат, 1968 г.

И именно здесь, в рассказах и, особенно в сатирических рассказах наиболее ярко проявляется его талант, его умение писать коротко и ясно, писать о том, что сегодня волнует читателя и что мешает ему в строительстве новой жизни. Рахим Джалил умеет находить и разоблачать в своих рассказах все косное, отсталое, мешающее нашему движению вперед, к коммунизму. Бладеет он и искусством быстрого «незаметного перехода» от авторской речи к диалогу

и наоборот, мастерски пользуется яркими народными афоризмами и оборотами, удачными сравнениями. Язык его сатирических рассказов насыщен народными пословицами и поговорками, в которых отражена многовековая мудрость таджикского народа.

Все эти особенности художественного мастерства Рахима Джалила мы находим и в его новом объемистом сборнике «Рассказы», изданном Таджикгосиздатом в дни подготовки к IV съезду писателей Таджикистана.

В сборник вошли 60 различных по размеру и качеству рассказов и очерков. Открывается сборник рассказом «Гадальщик шейх Мухаммед Сабур». Это остро-сатирический рассказ, высмеивающий пережитки старины в сознании людей, такие как вера в судьбу и в загробную жизнь, почитание мазаров, «святых мошей» и во всякого рода шейхов, гадальщиков и т. д.

Рассказ этот не лишен недостатков, но он написан в яркой обличительной форме и читается с большим интересом. Автор мастерски нарисовал в этом рассказе омерзительный портрет шейха, описал всю его мерзкую, полную преступлений жизнь. Для этого он пользуется множеством удачных сравнений, эпитетов, вводит в текст для более яркой характеристики шейха, давно отжившие, как и сам класс эксплуататоров, трудно-понимаемые религиозные слова и выражения. И в результате перед нами встает глубоко индивидуализированный образ шейха — обманщика и туеядца, скрывающегося под личиной святого.

Удачен и другой рассказ «Конец тетушки-сплетни». В нем говорится о том, что еще встречаются у нас отсталые люди, которые мешают нашим советским людям жить и работать по-новому. Этот рассказ о неодолимости нового и обреченности старого. Дружно и счастливо живут механик МТС Зариф и его жена учительница Назира. Но именно такая хорошая жизнь молодых не дает покоя некоторым отсталым людям, вроде тетушки-сплетни, которая живет за счет свадеб, обрядов, похорон и т. д. Ей не удается уговорить молодоженов совершить обряд. И мстя за это, она пытается внести разлад в семейную жизнь Зарифа и Назир. Но чувства молодых столь сильны, что их ничто не может разлучить. Сплетница потерпела и на этот раз крах.

Этот рассказ поможет многим молодым задуматься над своей жизнью, стать более устойчивыми в своих убеждениях, меньше слушать сплетни, больше верить в чистоту супружеских взаимоотношений.

К числу лучших рассказов и очерков сборника, свидетельствующих о большом писательском мастерстве Рахима Джалила, можно отнести и рассказы «Хичрат», «Смерть Подхалимова», «Шубхабоев», «Искусительница», «Святой осел», «Лайлатулкадр», очерки «Память устода», «Герой», «Город Ленина», «На таджикской земле» и т. д.

Однако во многих рассказах сборника мы не встречаем яркие, запоминающиеся образы, а присущая им декларативность и чрезмерная назидательность огорчает читателя.

Так, нарочитая назидательность портит впечатление от рассказа «Влияние», где, между прочим, интересно намечен образ секретаря райкома партии Шадманова. В рассказе «Речь Бобомаксуда» дело сводится к тому, что на лекции по международному положению поднимается старик и произносит несколько фраз сухим канцелярским языком: «Всех людей разных специальностей осмотрел, назвал их по именам и призвал быть верными миру...» А заканчивает речь так: «Я сторож склада, где хранится государственное зерно, и я клянусь, что ни одно зерно не пропадет зря. И это сделает войну... невозможной!» Другой, не менее слабый рассказ «Дарди бадро давои бад» или «Клин вышибает клином» также начинается с голы агитации: «Сбросьте паранджу — это плохо». И женщины сбрасывают ее. Не помогает рассказу и концовка, где рассказывается, как одна молодая женщина все-таки заупрямилась и не сбросила паранджу, а потом ее из-за этого не пригласили на свадьбу и этим сломили ее упрямство.

Назидательны, надуманны рассказы «Голубь», «Сын коммуниста», «Завоевание вершины» и многие другие. В ряде рассказов сборника автор не пользуется портретной характеристикой, не индивидуализирует речь героев («Речь Бобомаксуда», «Влияние»). Авторская мысль подается настолько голо и «в лоб», что порою рассказы выглядят просто обыкновенными газетными зарисовками или корреспонденциями.

В этой маленькой рецензии мы сознательно подробно остановились на слабых рассказах Рахима Джалила для того, чтобы заострить внимание работников Таджикгосиздата на необходимости строгого отбора произведений, особенно произведений ведущих писателей. Ведь наша литературная молодежь учится писать у таких маститых писателей как Айни, Турсун-заде, Миршакар, Рахим Джалил, С. Улуг-заде, Джалол Икрами, Ф. Ниязи и других. И если, как это получилось с последним сборником Рахим Джалила, Таджикгосиздат будет печатать наряду с их хорошими и полноценными произведениями слабые, нуждающиеся в доработке произведения, то среди молодежи найдутся и такие, которые будут подражать именно этим слабым вещам, говоря, что раз такой мастер художественного слова, как Рахим Джалил, пишет такие рассказы, то почему же нам нельзя? Как показали последние годы, Таджикгосиздат сильно понизил свою требовательность к издаваемой художественной литературе и на свет появилось наряду с хорошими книгами очень много слабых произведений. Нужно бороться не за количество, а за высокое качество издаваемой литературы.

Фирдоуси в Чехословакии

В конце прошлого года издательство Чехословацкой Академии наук выпустило в свет поэтические переводы некоторых глав из «Шахнаме» Фирдоуси. Переводчик их В. Кубичкова — иранист-филолог, специализирующаяся в области современной персидской литературы, известна в Таджикистане по рецензии на «Историю персидско-таджикской литературы», вышедшую под редакцией Яна Рипки в 1952 г., в которой ей принадлежит глава о ново-персидской литературе XX столетия.

Ученый-иранист, В. Кубичкова занимается не только научным исследованием вопросов иранской литературы. Большое место в её деятельности занимает переводческая работа. Она — один из виднейших популяризаторов поэтического наследия иранских народов.

В этой области интересы её чрезвычайно разносторонни — они не ограничиваются творчеством только одного поэта. В 1954 году В. Кубичкова в соавторстве с известным в Чехословакии арабистом К. Петрачком опубликовала сборник, посвященный жизни и творчеству Авиценны, в котором впервые в чешской литературе были представлены поэтические произведения великого мыслителя средневековья. В течение ряда лет на страницах популярного востоковедческого журнала «Новы Ориент» публиковались выполненные ею переводы из Хафиза, Саади, Рудаки, а также отдельная статья о «Калиле и Димне», где большое внимание уделено иранской миниатюре.

В прошлом году, в связи с 700-летием «Гулистана» В. Кубичкова опубликовала ряд переводов из Саади и статью о жизни и творчестве поэта.

Вышедший в 1958 году отрывок из «Шахнаме» Фирдоуси, представляет собой выдержку из сказания о Менучехре, и отдельные песни о Зале и Рудабе. Переводчик не приводит все главы, касающиеся истории Залы и Рудабе, а ограничивается только несколькими: «О рождении Залы», «о том как князь Сам видит во сне Залю», «Как Шах Менучехр узнает о возвращении

Залы», «О том как Заль посетил княжество Михраба, который происходил из рода Зоухаха, и что там случилось», «Как подружки Рудабы решили помочь своей госпоже», «О свидании Залы и Рудабы», «Как князь Михраб узнал о любви Рудабы и Залы», «Как узнал шах о Зале и Рудабе и что посоветовал он Саму», «О том как Синдохт сама направилась к Саму». Переводчик завершает историю Залы и Рудабы, а кончает свой перевод сговором Сама и Синдохт.

В конце сборника В. Кубичкова дает послесловие, где коротко сообщает читателям о задачах, стоявших перед ней, как переводчиком, о жизни и творчестве поэта. В заключении она пишет, что «Фирдоуси придавал своей эпопее глубокий этический смысл истории своей родины и это искусство по-настоящему так современно, что даже европейская трезвость не удивится тем гиперболическим похвалам, которыми обвиняют поэта иранские литературные летописцы. И. В. Кубичкова старается передать доступными ей средствами всю прелесть и силу оригинала, стремится донести до читателей биение пульса далекого прошлого, тот ритм жизни, которую не задавила пыль столетий».

Перевод, был сделан на основе оригинального текста, изданного Берухимом в Тегеране в 1936 году.

Стараясь найти нужный ритм для передачи размера подлинника, В. Кубичкова прибегает к дактило-трохейческому рифмованному стиху с парадигмой, что в общем придает стиху перевода колорит эпической повествовательности.

Как известно, «Шахнаме» написана восьмистопным усеченным мутакарибом с парадигмой. Для естественной передачи размера «Шахнаме» на европейские языки лучше всего применить амфибрахий, который придает стиху не только эпическую окраску, но упругость и динамичность стиха, характерные для языка поэмы.

Переводчик строго соблюдает рифмовку стиха, соединяя попарно строки в фор-

ме масневи. В большинстве случаев В. Кубичкова чередует мужскую рифму с женской.

К сожалению, В. Кубичкова редко пользуется рифмом, даже там, где он необходим, и почти не использует двойной рифмной рифмы и глубокой составной, что обедняет, по сравнению с подлинником, богатство звучания стиха.

Переводчику часто удается создать лаконичные адекватные тексту строки, что

иногда предельно сжатая в оригинале мысль укладывается только в несколько бейтов.

Существенным смысловым недостатком перевода является незавершенность хода событий и читатель может остаться неудовлетворенным, так и не узнав о конечной судьбе двух героев. Видимо, В. Кубичкова продолжит перевод и, может быть, в недалеком будущем выйдет более полный перевод истории Заля и Рудабы.

Юбилей газеты

22 февраля 1959 года был выпущен 10000 номер таджикской газеты «Тоджикстони Совети».

В связи с этой датой и за заслуги перед читателями газету «Тоджикстони Совети» Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Трудового Красного Знамени. 17 апреля 1959 года в газете «Правда» был

опубликован Указ о награждении. В связи с этой высокой наградой 18 февраля был проведен митинг работников редакции газеты. На митинге присутствовали: секретарь ЦК партии Таджикистана Н. Зарипова, зав. отделом пропаганды ЦК КП Таджикистана В. Шарипов, секретарь горкома партии А. Хасанов,

журналисты Сталинабада. На митинге было высказано много пожеланий газете.

В редакцию газеты «Тоджикстони Совети» поступило много поздравительных телеграмм от редакций областных газет союзных республик, от ЦК комсомола Таджикистана, от ЦК партии Узбекистана, Верховного Совета Таджикской ССР, а также от отдельных лиц.

Праздник книги

В один из воскресных дней второй половины мая в Сталинабадском гарнизоне Дома офицеров состоялся традиционный День книги. На торжество собрались солдаты и офицеры гарнизона. Многие пришли со своими семьями.

В парке Дома офицеров был открыт большой книжный базар. На прилавках — новинки художественной и политической литературы

советских и зарубежных авторов.

В гости к воинам гарнизона приехали писатели Таджикистана Ф. Ниязи, Г. Мирзоев, П. Толис, М. Фофанова, К. Лагунов, В. Жуковский, У. Раджабов. В своем выступлении Ф. Ниязи рассказал собравшимся о третьем Всесоюзном съезде писателей, о творчестве писателей Таджикистана, представил собравшимся пи-

сателей, пришедших на встречу. Затем писатели выступили с рассказами о своих творческих планах, прочитали свои произведения. После официальной части писатели долго беседовали с бойцами о таджикской литературе.

Это была волнующая, интересная встреча писателей нашей республики с армейскими читателями.

Г рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия:

К. Я. ЛАГУНОВ (ответственный редактор)

В. А. БАЙДЕРИН, В. С. ЖУКОВСКИЙ (ответственный секретарь), **В. Ф. КИРИЛЛОВ,**
М. И. ЛЕВИН, Е. К. ЛОПАТИНА, Г. МИРЗОЕВ, С. УЛУГ-ЗОДА, М. П. ФОФАНОВА,
Р. ХОДИ-ЗАДЕ.

Худ. редактор *Г. Петухов.*

Корректор *В. Онищенко*

Сдано в набор 20/V-1959 г. Подписано в печать 27/VI-1959 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Печ. л. 8,5. Учет. изд. л. 12,79. КЛ 02014. Заказ № 4621. Цена 5 руб. Тираж 3000.

г. Сталинабад, Полиграфкомбинат Министерства культуры Таджикской ССР.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

„ГУЛИСТОН“

До конца года в журнале будут опубликованы новые произведения М. Турсун-заде, М. Миршакара, С. Улуг-зода, А. Дехоти, Дж. Икрами, Ф. Ниязи, Б. Рахим-заде и других таджикских писателей, а также очерки, стихи и рассказы о делах и людях семилетки.

В журнале будут напечатаны роман Рахима Джалила „Шураб“, повесть П. Толиса „Лето“—о трудной и интересной жизни подростка в годы Отечественной войны, документальная повесть об увлекательной работе бригадильцев, повесть о нелегком пути к счастью девушки с Памира.

Журнал „Гулистон“ выходит на русском языке 6 раз в год.

**Подписная цена одного номера 5 руб.
За полугодие—15 рублей**

21525

5 руб.